

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEOPHILOLOGY

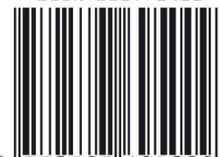
SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2019

ТОМ 5

№ 17

ISSN 2587-6953

19017 >

9 772587 695009

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурькин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Астана, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. наук Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарадин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге АО Агентства «Роспечать»

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2019
© Журнал «Неофилология», 2019

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2019
Т. 5, № 17**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS	3
РУССКИЙ ЯЗЫК. СВЕТОЛОЙ ПАМЯТИ ДОРОГОГО УЧИТЕЛЯ, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Н.И. ГАЙНУЛЛИНОЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ	
Щербак А.С. Ушла из жизни Надежда Ивановна Гайнуллина	5
Григорьева И.В., Туманова А.Б. Из опыта концептуального анализа: свободный ассоциативный эксперимент	6
Бузело А.С. Проблема внутренней валентности морфем: опыт полипарадигмального исследования	14
Семенов П.А. Некоторые особенности использования модально-временных форм в любовной силлабической поэзии Петровской эпохи	21
Мирзоева Л.Ю. Аксиологическая составляющая языковой картины мира (на материале «Жития протопопы Аввакума»)	29
Пак М.К. Парадигматический аспект общерусского слова в архангельских говорах	35

Адрес редакции:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Редакторы:
А. А. Манаенкова,
М. И. Филатова
Редакторы английских текстов:
С. Ю. Можаров, Т. А. Сустина
Компьютерное макетирование
Т. Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т. О. Прокофьевой

Подписано в печать 29.03.2019
Выход в свет 23.04.2019
Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 13,5
Усл. печ. л. 13,1
Тираж 1000 экз.
Заказ № 19035
Цена свободная

Адрес издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Отпечатано с готового оригинал-макета в
отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Для цитирования:
Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. 108 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17

Щербак А.С. Дефис как нетрадиционный знак орфографии 42

ТЕКСТОЛОГИЯ

Бурькин А.А. Еще раз о проблеме автора «Слова о полку Игореве»: почему все герои «Слова», здравствующие на 1185 год, являются родственниками Андрея Боголюбского? 49

ОНОМАСТИКА

Скуридина С.А. У истоков литературной ономастики 54

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Мельник Ю.А. Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) 62

Воронова Т.А. Научные термины в поэтическом лексиконе Арсения Тарковского 72

Щербатюк Э.Е. Проблемы обучения русской фонетике иностранных студентов 80

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Колчанов В.В. М.А. Булгаков и В.Э. Мейерхольд: к поэтике авангардистской формы «театр дыбом» и эротическому приему французского театра «ню» 84

Чжан Ливэй. Китайская кинематография в России в контексте «Одного пояса, одного пути» 90

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский. Святитель Феофан (Говоров) – архипастырь Земли Тамбовской: «Начертать образ здравого учения христианского» 96

ПЕРСОНАЛИИ. ПАМЯТИ УЧЕНОГО. САКМАРА ГЕОРГИЕВНА ИЛЬЕНКО

Шарандин А.Л. Памяти ученого. Сакмара Георгиевна Ильенко (1923–2019) 102

ИНФОРМАЦИЯ

Авторский договор (публичная оферта) 104

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (392000, Tambov Region, Tambov, 33 Internatsionalnaya Street)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Astana, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Federal Republic of Germany)
 Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya (Minsk, Republic of Belarus)
 Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
 Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
 Candidate of Philology Jiawen Sun (Tianjin, People's Republic of China)
 Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Associate Professor A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko (Belgorod, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ № ФС 77-70137 of June 16, 2017

Subscription index in the catalogue of the Stock company Agency "Rospechat" is 80303

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2019
 © The journal "Neophilology", 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
 OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2019

Vol. 5, No. 17

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015

ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Education and Science of February 12, 2019, no. 21-p), on the following scientific specialties and fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. IN LOVING MEMORY OF A DEAR TEACHER, DOCTOR OF PHILOLOGY, PROFESSOR N.I. GAINULLINA

Shcherbak A.S. Nadezhda Ivanovna Gainullina passed away	5
Grigorieva I.V., Tumanova A.B. From the conceptual analysis experience: free associative experiment	6
Buzelo A.S. The problem of inner valence morphemes: the experience of multiparadigm research	14
Semenov P.A. Some special aspects of the use modal-temporal forms in amatory syllabic poetry of Peter the Great's era	21
Mirzoyeva L.Y. Axiological component of the linguistic worldview (on the material of "Hagiography of Protopope Avvakum")	29
Pak M.K. All-Russian word paradigmatic aspect in the Arkhangelsk's sub-dialect	35

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Editors:

A. A. Manaenkova, M. I. Filatova
English texts editors:
S. Y. Mozharov, T. A. Sustina
Computer layout
T. Y. Molchanova
Cover design
T. O. Prokofeva

Podpisano v pechat' 29.03.2019

Vykhod v svet 23.04.2019

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pечат' na rizografe

Pech. l. 13,5

Usl. pech. l. 13,1

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 19035

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI of
HE "Derzhavin Tambov State University"

Published basing on ready-to-print file
in Instant Print Department of Publishing House
"Derzhavinskiy" of FSBEI of HE
"Derzhavin Tambov State University".
190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

For citation:

Neophilology. 2019. Vol. 5, no. 17. 108 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17

Shcherbak A.S. The hyphen as a non-traditional sign of orthography 42

TEXTOLOGY

Burykin A.A. A few more words about the author's problem "The Tale of Igor's Campaign": why are all the characters of "The Tale", living at 1185, relatives of Andrei Bogolyubsky? 49

ONOMASTICS

Skuridina S.A. At the origins of literary onomastics 54

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Melnik U.A. Current neological processes in the contemporary Russian language (on materials of sociolinguistic Internet-projects) 62

Voronova T.A. Scientific terms in Arseny Tarkovsky's poetic lexicon 72

Shcherbatyuk E.E. Russian phonetics teaching difficulties to foreign students 80

CULTUROLOGY

Kolchanov V.V. M.A. Bulgakov and V.E. Meyerhold: to the poetics of the avant-garde form "upside down theatre" and the erotic reception of the French theatre "nude" 84

Zhang Liwei. Chinese cinematography in Russia in the context of "One Belt, One Road" initiative 90

CULTURAL HERITAGE

Feodosiy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Saint Theophan (Govorov) – the Archpastor of Tambov Land: "To inscribe the image of Christian teaching" 96

PERSONALIA. TO MEMORY OF THE SCIENTIST. SAKMARA GEORGIEVNA ILYENKO

Sharandin A.L. To memory of the scientist. Sakmara Georgievna Ilyenko (1923–2019) 102

INFORMATION

Publishing agreement (public offer) 104

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-5
УДК 929

Ушла из жизни Надежда Ивановна Гайнуллина

Известный ученый в филологической среде, казахстанский лингвист с мировым именем. Блестящий лектор и популяризатор русского языка, автор многочисленных исследований по истории русского литературного языка.

Прошедшая путь от выпускницы, ассистента кафедры до Почетного заведующего кафедрой русской филологии Казахского национального университета имени аль-Фараби (г. Алматы). Заслуженный деятель Республики Казахстан. 50 лет педагогической деятельности. Мудрый наставник молодых ученых-лингвистов и заботливый научный руководитель. Неутомимый труженик, необыкновенно добрый и благостный человек.

Все это – наша дорогая и незабываемая Надежда Ивановна... И это лишь малая часть того, что я могу сказать о ней сейчас, когда ее нет с нами.

Нам еще предстоит осмыслить поистине выдающуюся роль этого талантливого ученого в российской лингвистике: диахронии и синхронии русского языка, истории русского литературного языка. Особенно интересны ее открытия области активных процессов в современном русском языке. Какое счастье мне было даровано – быть современником Надежды Ивановны Гайнуллиной....

Российские ученые-филологи всегда будут черпать идеи в широком диапазоне научных интересов настоящего филолога Надежды Ивановны Гайнуллиной.

Из журнала «Неофилология». 2017. Т. 3, № 4 (12). С. 73-80.

«Мы благодарим Надежду Ивановну Гайнуллину за многолетнюю работу по популяризации, сохранению и развитию русского языка в Казахстане, плодотворную педагогическую деятельность, вклад в развитие казахстанской и мировой филологической науки».

А.С. ЩЕРБАК,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина, главный редактор

Из опыта концептуального анализа: свободный ассоциативный эксперимент

Ирина Владимировна ГРИГОРЬЕВА¹, Айнакуль Бектасовна ТУМАНОВА²

¹РГП «Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова»
470074, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2653-3054>, e-mail: grigorjevai@mail.ru

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

From the conceptual analysis experience: free associative experiment

Irina V. GRIGORIEVA¹, Aynakul B. TUMANOVA²

¹The Karaganda State University of the name of academician E.A. Buketov
28 Universitetskaya St., Karaganda 470074, the Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2653-3054>, e-mail: grigorjevai@mail.ru

²Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave., Almaty 050040, the Republic of Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Аннотация. Исследование посвящено описанию проведения концептуального анализа с использованием метода эксперимента. Представлен краткий обзор ключевых понятий: концептуальный анализ, концептуальные этапы анализа, свободный ассоциативный эксперимент. Обозначены результаты опыта исследования концепта «степь». Фактическим материалом для изучения явились прямые ассоциации респондентов. В ходе исследования использованы следующие приемы и методы: анкетирование, наблюдение, количественно-статистический метод, описательный метод, приемы обобщения и систематизация и др.

Ключевые слова: концептуальный анализ; ассоциативный эксперимент; прямые ассоциации; концепты

Для цитирования: Григорьева И.В., Туманова А.Б. Из опыта концептуального анализа: свободный ассоциативный эксперимент // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 6-13. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-6-13

Abstract. The study is devoted to the conceptual analysis description using the experimental method. We present a brief overview of key concepts: conceptual analysis, conceptual stages of analysis, free associative experiment. The results of the research experience of the concept “steppe” are indicated. The actual materials for the study were direct associations of respondents. During the conducted study we use the following methods and techniques: survey, observation, quantitative and statistical method, descriptive method, methods of generalization and systematization, etc.

Keywords: conceptual analysis; associative experiment; direct associations; concepts

For citation: Grigorieva I.V., Tumanova A.B. Iz opyta kontseptual'nogo analiza: svobodnyy asotsiativnyy ehksperiment [From the conceptual analysis experience: free associative experiment]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 6-13. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-6-13 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В современной науке термин «концепт» является актуальным. Понятие *концептуаль-*

ного анализа, объектом которого и выступает концепт, широко используется учеными.

Цель исследования – представить результаты концептуального анализа, проведенного методом эксперимента (свободного ассоциативного эксперимента – далее САЭ), признанного перспективным способом исследования концепта в современной лингвистике.

Вначале остановимся на определении понятий *ассоциация*, *ассоциативный эксперимент*. Изучение ассоциаций имеет давнюю традицию в науке, оно связано с именами Аристотеля и Платона. Аристотель различал три вида ассоциаций – по смежности, сходству и контрасту. Сам термин «ассоциация» в научную парадигму был введен Дж. Локком.

В современной когнитивной лингвистике термин «ассоциация» определяется как «...связывание двух явлений, двух представлений, двух объектов и т. п., обычно – стимула и сопровождающей его реакции. Понятие ассоциации было детально разработано в классической психологии и широко изучалось экспериментальными методиками» [1, с. 13].

В.П. Белянин, отмечая преимущества ассоциативного эксперимента, говорит о возможности выяснить с помощью данного метода то, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка. Как утверждает ученый, «<...> ассоциативный эксперимент <...> служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в лингвистике называется семантическим полем, и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [2, с. 132-134].

В казахстанской лингвистике вопросы об ассоциациях, о САЭ рассматривались в трудах ученых: Э.Д. Сулейменовой, Б.А. Ахатовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Г.Г. Гиздатова, З.К. Сабитовой, Г.К. Ихсангалиевой и др.

Как показывает практика современных научных исследований концептов, метод САЭ признается перспективным и потому востребован.

Определение концептуального анализа: необходимо отметить, что процедура концептуального анализа не имеет четкого описания в современной лингвистике. Это обусловлено различными толкованиями самого термина «концепт», различными подходами к его исследованию. В целом, суть концептуального анализа состоит в установлении свя-

зей между объектами и явлениями действительности и репрезентацией их в языке, а также в определении содержательной структуры концепта как ментальной единицы.

По мнению Е.С. Кубряковой, основными направлениями концептуального анализа являются следующие. Например, логико-философская концепция Р.И. Павилениса. Согласно данной концепции, концепты – это невербализованные смыслы, не нашедшие своей «языковой привязки», невербализованные и только ищущие своего наречения в языке и только в нем найдущие – в будущем акте семиозиса и знакообразования – языковую форму своего представления. Также ученым называются исследования в рамках школы «Логического анализа языка» как лексикографическое направление концептуального анализа. Также ею отмечается подход Ю.С. Степанова как культурологически-семиотический, исследующий «не разнородные языковые средства, реализующие один и тот же концепт, но именно отдельные концепты» [3].

По З.Д. Поповой, И.А. Стернину, одними из основных этапов семантико-когнитивного исследования являются такие пункты, как: 1) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; 2) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка. Данный этап ученые называют факультативным, но желательным: «<...> Экспериментальные методики могут быть использованы непосредственно для анализа содержания концепта и выделения образующих его когнитивных признаков» [4, с. 160, 186].

Н.Н. Болдырев рассматривает анализ структуры и содержания в качестве концептуального анализа. По мнению ученого, «<...> Сопоставление всех доступных языковых средств репрезентации концепта в системе языка и в речи и позволяет выявить основное содержание концепта, а также принципы организации языкового материала, поскольку в основе формирования значений отдельных языковых единиц, их различных классификаций, а также в основе формирования языковых категорий лежат те или иные концепты» [5, с. 46].

В концепции А. Вежбицкой *концептуальный анализ* представляет метод тренированной интроспекции. Проводить концептуальный анализ – значит: на основе использования интроспекции исследовать языки, которыми ученый владеет в совершенстве сам, а также в полной мере использовать все данные культурно-антропологического анализа. Единицами семантического анализа будут являться семантические примитивы [6, с. 9].

Если обратиться к рассмотрению сущности концептуального анализа с позиций исследователей, работающих в рамках лингвокультурологического направления, то также можно отметить интегративный подход к исследованию концептов, когда учеными предлагается обращение к методу САЭ – учету ассоциативных значений слов, непосредственных ассоциативных реакций.

При анализе лингвокультурных концептов В.И. Карасик, помимо различных видов семантического и интерпретативного анализа, предлагает включать следующие процедуры: 1) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта; 2) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное оозначение концепта [7, с. 32].

В научных исследованиях С.Г. Воркачев также обращается к данным САЭ. По утверждению ученого, «семантическое наполнение лингвоконцептов как «смыслов мировоззренческих универсалий», в которых фиксируются ценностные доминанты, обеспечивающие понимание мира и человека, меняется от культуры к культуре, от этноса к этносу, от одной социальной группы к другой и от одной личности к другой» [8, с. 6].

Мы согласны с мнением М.В. Пименовой о том, что более «полную картину» в определении когнитивных признаков концепта может дать личный индивидуальный опыт носителя языка [9, с. 16]. На наш взгляд, наиболее глубинно и ярко они могут проявиться на основе ассоциативных данных представителей социума.

Подводя итоги обзора исследовательских взглядов на рассматриваемую проблематику, можно констатировать, что использование семантического анализа при помощи метода САЭ в концептуальных исследованиях помо-

гает выяснить дополнительные значения слов-имен концепта, а также выявить ценностно-ассоциативный потенциал того или иного концепта, раскрыть его этноспецифическую уникальность; более четко определить, выражаясь словами А. Киклевича, критерий конвенциональности в описании концепта [10, с. 200] или в определенной мере решить проблему недостаточного основания. Как считает ученый, «<...> Для широкой практики эксплицирования концептов в литературе характерен своего рода вербоцентризм – опора на языковые данные и игнорирование данных иного рода – социологических, психологических, этологических» [10, с. 206].

Анализ ассоциаций на то или иное слово-стимул позволяет выявить когнитивные признаки концепта, его аксиологическое осмысление конкретным социумом. В этом плане справедливо мнение казахстанского исследователя З.К. Сабитовой: «Слова-реакции – это те слова, которые непосредственно связаны в ассоциативной вербальной сети (как способе репрезентации языкового сознания), охватывающей с определенной полнотой весь лексикон современного «усредненного носителя» языка-культуры, тем самым позволяющей выявить систему его культурных стереотипов, которые отражают особенности национально-го характера» [11, с. 312-313].

В исследовании мы попытались выяснить, с какими ассоциациями связан концепт «степь» (являющийся в эксперименте словом-стимулом) в сознании носителей русского языка в Казахстане. Параметры в анкетах для испытуемых были следующими: национальность, возраст, пол и ассоциации на слово-стимул «степь». Количество респондентов, принимавших участие в эксперименте, – 100 человек. Представим количественные сведения об испытуемых в виде табл. 1–3.

Таблица 1
Национальный состав

Национальность респондентов	Процентное соотношение, %
Русские	59
Украинцы	15
Болгары	15
Чуваши	3
Мордовцы	6
Другие	2

Таблица 2
Гендерный состав

Пол респондентов	Процентное соотношение, %
Женщины	75
Мужчины	25

Таблица 3
Возраст респондентов

Возраст респондентов	Процентное соотношение, %
31	12
29	9
33	9
34	9
41	9
32	6
57	6
35	5
36	5
38	3
39	3
30	3
44	3
55	3
27	3
60	3
63	3
68	3
70	3

Испытуемыми были респонденты славянских национальностей: русские, украинцы, болгары, чувашы, мордовцы, проживающие в Центральном Казахстане. Они выросли, воспитывались и живут в условиях русской культуры; являются носителями русской ментальности. Родным языком для них является русский.

Данные САЭ позволили выявить некоторые типичные для носителей русского языка ментальные стереотипы в отношении концепта «степь», их современные ценностные установки.

Следует отметить, что ассоциативное поле концепта «степь» является очень разнообразным по синтагматическим и парадигматическим признакам.

Ядром ассоциативного поля являются ассоциаты, связанные с представлениями респондентов о территориальной протяженности степи. Наибольшее количество ассоциатов – *простор, просторный* – 4,4 % и связанных с ним по смыслу ассоциатов – *бес-*

крайняя – 2 %, *большая* – 0,6 %; *раздолье, раздольная* – 1,3 %, *широкая* – 1,6 %, *даль* – 0,6 %, *бесконечность* – 0,3 %, *долгий* – 0,3 %. Степь в представлениях носителей русского языка – это бескрайнее пространство, не имеющее границ. Границами видимого пространства для него может быть линия горизонта. Так, ассоциат *горизонт* находится в средней периферии ассоциативного поля и представлен в ответах респондентов количественным показателем – 1,25 %.

Для современного носителя русского языка большое ценностное значение имеет *степь* как материализованное пространство, как окружающая среда с растениями и животными. В ближнюю периферию ассоциативного поля входят ассоциаты, связанные по смыслу с растительным и животным миром: трава и разновидности трав, цветы и их разновидности; а также животные – кони, лошади или их табун, стадо. *Трава* – 3,4 %, *ковыль, степь ковыльная* – 3,4 %, *перекати-поле* – 2,2 %, *зелень, зеленый* – 1,6 %, *цветы* – 1,6 %, *цветущая* – 0,6 %, *полынь* – 0,9 %, *маки* – 0,6 %, *колючки* – 0,6 %, *подснежники* – 0,3 %, *тюльпаны* – 0,3 %, *васильки* – 0,3 %, *шампиньоны* – 0,3 %, *караганик* – 0,3 %, *ивняк* – 0,3 %, *деревья* – 0,3 %, *одинокие деревья* – 0,3 %, *Разнотравье* – 0,6 %, *много-травье* – 0,3 %. *Кони, лошади* – 1,9 %; *табун, стадо лошадей* – 1,3 %; *коровы* – 0,3 %, *сайгаки* – 0,6 %. Также респондентами отмечены птицы, обитающие в казахстанской степи: *птицы* – 0,6 %, *беркут* – 0,6 %, *орел* – 0,3 %. Живность и насекомые степи: *суслики* – 1,25 %, *тушканчики* – 0,6 %, *ящерицы* – 0,6 %, *хомяк* – 0,3 %, *мышь* – 0,3 %, *барсуки* – 0,3 %, *кузнечик* – 0,6 %, *пчелы* – 0,3 %, *тарантул* – 0,3 %. Ассоциаты, связанные с самим природным ландшафтом степи, находятся дальше средней периферии: *природа* – 0,6 %, *реки* – 0,3 %, *сопки* – 0,6 %, *горы* – 0,3 %.

Прежде всего носитель русского языка ассоциирует *степь* с растительным и животным миром, поэтому степь для него связана с представлениями о месте, земле, где может пастись скот. Так, среднюю периферию составляют ассоциаты: *пастбища* – 0,9 %, *джайляу* – 0,3 %. Земля и плодородие (и связанные по смыслу с ним ассоциаты) представлены в ответах респондентов одинаковы-

ми количественными показателями: *земля* – 0,6 %, *растительная почва* – 0,3 %. *Плодородие* – 0,6 %, *сено* – 0,6 %, *стог сена* – 0,3 %, *сенокос* – 0,3 %, *хлеб* – 0,3 %, *урожай* – 0,3 %, *арык* – 0,3 %, *повозка* – 0,3 %, *трактор* – 0,3 %. Далее средней периферии находятся ассоциаты: *«песок»* – 0,9 %, *известняк* – 0,3 %, *солончак* – 0,3 %, *голая* – 0,3 %. Их малые количественные показатели обусловлены тем, что для центральных регионов Казахстана такая почва не характерна. Для казахстанских носителей русского языка степь больше связана с представлениями о плодородии. Это не мертвое, унылое, тоскливое пространство – она наполнена жизнью, связана с самой жизнью. В этом смысле показательными результатами являются следующие: находящиеся на ближней периферии ассоциаты *свобода* и *ветер* имеют одинаковое количественное соотношение у респондентов – 3,4 %. *Ветер* или *чистый воздух* – 0,9 %, свободно гуляет по бескрайней степи, где нет преград, и это естественное стремление человека к свободе, она представляет для него огромную ценность: в движениях, мыслях, способности поступать по-своему и др. Как показывает материал эксперимента, также на ближней периферии оказываются ассоциаты *солнце* – 2,5 % и связанные с ними ассоциаты *закат* – 0,3 %, *восход* – 0,3 % и *небо* – 1,9 %.

Важно отметить, что в средней периферии находятся ассоциаты *родина* – 1,25 %, *Казахстан* – 0,9 %, *родной* – 0,3 %. А также ассоциаты, связанные с понятиями «население», «быт», «культура»: *люди* – 0,3 %, *казахи* – 0,3 %, *кочевники* – 0,3 %, *гостеприимство* – 0,3 %, *дом* – 0,3 %, *аул* – 0,3 %, *юрта* – 0,6 %, *акын* – 0,6 %. В сознании носителей русского языка степь соотносится с представлениями о родине вместе с осознанием ее природно-климатических свойств.

В средней периферии находятся слова-ассоциаты, связанные с понятиями «зной», «жара», «засуха»: *зной* – 0,3 %, *знойная* – 0,6 %, *засуха* – 0,9 %, *сухая* – 0,9 %, *солнцепек* – 0,3 %, *солнечная* – 0,3 %, *жара* – 0,3 %, *тепло* – 0,3 %. В противоположность данному понятию ассоциат *свежесть* представлен соотношением – 0,6 %. Поэтому желтый, золотистый цвет степи под воздействием солнца (сухой степи или, наоборот, с выросшими

колосьями пшеницы) приобретает для казахстанского носителя русского языка особый ценностный смысл. В средней периферии оказываются ассоциаты: *желтая* – 1,25 %, *золотистая* – 0,6 %, *золото* – 0,3 %. Интересным, на наш взгляд, является одинаковое количество слов-ассоциатов *желтый*, *золотистый* и *зелень*, *зеленый*. В этом смысле зеленый как цвет, соотносимый с многообразием, также имеет ценностную значимость для представителя русской ментальности. Оценка же разнообразия и красок степи представлена в ассоциатах, находящихся на дальней периферии: *красивая* – 0,3 %, *красота* – 0,3 %. Желтый также – это и результат воздействия жаркого солнца на степь. Поэтому на дальней периферии в ответах респондентов находим такие ассоциаты: *пожары* – 0,6 %, *черная гарь* – 0,6 %. Этими ассоциатами отмечается единственная опасность, связанная с концептом «степь» у Центрально-Казахстанских респондентов. В их ментальных представлениях степь не связана с дикостью, отсутствием условий для жизни; на дальней периферии находятся ассоциаты, обозначающие диких животных: *волк* – 0,3 %, *заяц* – 0,3 %, *звери* – 0,3 %. По нашему мнению, такие представления основываются на том, что респондентами эксперимента являлись городские жители, редко бывающие в степи, не знакомые близко с ее суровыми природно-климатическими условиями. В основном ее наблюдают в дороге, в пути через степь. Так, в ответах респондентов представлены следующие ассоциаты: *дорога* – 1,25 %, *железная дорога* – 0,6 %. Степь может быть связана с городом, его инфраструктурой. На дальней периферии ассоциат *линии электропередач* – 0,3 %. В степи они в основном бывают или наблюдают ее летом (об этом нам говорят ассоциаты со значением «жара, зной»). Единичный ассоциат *много снега* представлен малым процентным показателем – 0,3 %. Степь иногда ассоциируется с отдыхом, рефлексией или даже развлечением. Данные ассоциаты находятся на дальней периферии: *отдых* – 0,3 %, *дача* – 0,3 %, *рыбалка* – 0,3 %, *турпоход* – 0,3 %, *бинокль* – 0,3 %; *уединение* – 0,3 %, *одиночество* – 0,3 %, *умиротворение* – 0,3 %, *спокойствие* – 0,6 %, *молчаливый* – 0,3 %, *тишина* – 0,3 %, *радость* – 0,3 %, *радость жизни* – 0,3 %.

Ассоциаты, связанные с чувствами, качествами людей, находятся на дальней периферии: *чистота* – 0,3 %, *искренность* – 0,3 %, *благородие* – 0,3 %. Единично представлены такие ассоциаты, как: *иллюзия*, *детство*, *Тарас Бульба*.

Интересно проследить соотношение ассоциатов, связанных со зрительным восприятием степи, с аудиальным и обонятельным. Основная масса слов-ассоциатов в данном эксперименте представлена на основе зрительного восприятия. После зрительного восприятия – обонятельное (*запахи* – 0,6 %, *запахи трав* – 0,6 %, *ароматная* – 0,3 %, *запахистая* – 0,3 %), на последнем же месте – аудиальные способности. Так, звук воспринимается как некий фон (*звонящая* – 0,3 %) или звук, воспроизводимый насекомыми (в одной из анкет респондент написал: «Кузнечики или кто там стрекочет»).

Таким образом, *степь* для казахстанцев-носителей русского языка (представителей славянских национальностей) – прежде всего наполненное жизнью и красками безграничное пространство, разнообразная природная среда, в которой они сами могут присутствовать или наблюдать, оценивать, с которой соотносится система их аксиологических представлений.

Изучение работ казахстанских исследователей, в которых рассматривается концепт «степь», в частности, А.Б. Гумановой о соотносимости концепта «родина» с концептом «степь» при исследовании художественного дискурса писателей-билингвов казахов, ср.: «<...> концепты *родина* и *степь*, а также способы их репрезентации в художественном дискурсе отражают специфику КМ русско-

язычного писателя Казахстана, национального менталитета, что, в свою очередь, позволяет говорить о национальной ЯКМ и определяют его особенности» [12, с. 78], способствовало обозначению некоторых перспектив в рассмотрении проблематики статьи: изучение концепта «степь» с помощью САЭ в языковой картине мира этнических казахоносителей русского языка в сопоставлении с представителями славянских национальностей-носителей русского языка.

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В исследовании концепта «степь» метод САЭ позволяет проанализировать систему ментальных представлений об окружающем мире с помощью непосредственных реакций респондентов. Изучение данных реакций дает возможность установить когнитивные признаки представленного слова-стимула.

2. Система аксиологических представлений носителей русского языка-представителей славянских национальностей о безграничном просторе, воле, свободе; цветное восприятие степи очень схожи с аксиологическими доминантами в представлениях и мировосприятии казахов, что вполне соответствует существующим реалиям, историческим условиям проживания и уклада жизни казахов.

3. САЭ является перспективным способом в исследовании концептов. Его данные (поддающиеся четким математическим методам обработки) позволяют пронаблюдать ментальные стереотипы социума, выявить его культурную память, его современные ценностные установки, вербализованные в непосредственных ассоциациях.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
2. Беянин В.П. Психоллингвистика. М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 2004. 232 с.
3. Кубрякова Е.С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.С. Кубрякова, под ред. Е.М. Поздняковой, В.А. Виноградова, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова. М.: ИП Кошелев А.Б., 2007. С. 12.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2010. 314 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 235 с.
6. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 5-32.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

8. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 399 с.
9. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов: в 8 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 15-19.
10. Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / под ред. А.К. Киклевич, А. Камаловой. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2010. 219 с.
11. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта; Наука, 2013. 524 с.
12. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы, 2010. 260 с.

References

1. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Shorter Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Faculty of Philology Lomonosov Moscow State University Publ., 1997, 245 p. (In Russian).
2. Belyanin V.P. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Flinta, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2004, 232 p. (In Russian).
3. Kubryakova E.S. Predislovie [Preface]. In: Kubryakova E.S. (executive ed.), E.M. Pozdnyakova, V.A. Vinogradov, N.N. Boldyrev, V.Z. Dem'yankov (eds.). *Sbornik nauchnykh trudov «Kontseptual'nyy analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya»* [Collection of Proceedings "Conceptual Analysis of Language: Modern Directions of Research"]. Moscow, Individual Entrepreneur Koshelev A.B., 2007, p. 12. (In Russian).
4. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publ., 2010, 314 p. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: a Course of Lectures]. Tambov, Publishing House "Derzhavinskiy", 2014, 235 p. (In Russian).
6. Paducheva E.V. *Fenomen Anny Vezhbitskoy* [The phenomenon of Anna Wierzbicka]. In: Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, 1996, pp. 5-32. (In Russian).
7. Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009, 406 p. (In Russian).
8. Vorkachev S.G. *Lingvokul'turnyy kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya* [The Linguocultural Concept: Typology and Province of Existence]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2007, 399 p. (In Russian).
9. Pimenova M.V. Metodologiya kontseptual'nykh issledovaniy [Methodology of conceptual studies]. In: Karasik V.I., Sternin I.A. (eds.). *Antologiya kontseptov: v 8 t.* [Anthology of Concepts: in 8 vols.]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 1, pp. 15-19. (In Russian).
10. Kiklevich A.K., Kamalova A. (eds.). *Kontsepty kul'tury v yazyke i tekste: teoriya i analiz* [Concepts of Culture in Language and Text: Theory and Analysis]. Olsztyn, Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego Publ., 2010, 219 p. (In Russian).
11. Sabitova Z.K. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013, 524 p. (In Russian).
12. Tumanova A.B. *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva* [The Contaminated Language Picture of the World in the Literary Discourse of the Bilingual Writer]. Almaty, 2010, 260 p. (In Russian).

Информация об авторах

Григорьева Ирина Владимировна, магистр филологии, старший преподаватель кафедры русского языка и русской литературы им. Г.А. Мейрамова. Карагандинский государственный университет академика им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан. E-mail: grigorjevai@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2653-3054>

Information about the authors

Irina V. Grigorieva, Master of Philology, Senior Lecturer of Russian Language and Russian Literature Department named after G.A. Meiramov. The Karaganda State University of the Name of Academician E.A. Buketov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan. E-mail: grigorjevai@mail.ru

Contribution: literature analysis, organization and participating in conceptual analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2653-3054>

Туманова Айнакуль Бектасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, научное консультирование, редактирование текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Туманова Айнакуль Бектасовна
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Поступила в редакцию 17.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 13.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Aynakul B. Tumanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Contribution: main study conception, scientific consulting, manuscript text editing.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Aynakul B. Tumanova
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Received 17 January 2019

Reviewed 13 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

Проблема внутренней валентности морфем: опыт полипарадигмального исследования

Анна Сергеевна БУЗЕЛО

Университет «Туран»

050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Сатпаева 16-18, 18а
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5457-1237>, e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

The problem of inner valence morphemes: the experience of multiparadigm research

Anna S. BUZELO

“Turan” University

16-18, 18a Satpaev St., Almaty 050013, the Republic of Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5457-1237>, e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

Аннотация. Доказано, что императивом сегодняшней лингвистической науки является полипарадигмальный подход в исследовании существующих фактов языка и речи, который проявляется в главенстве трех основных принципов: экспланаторности, антропоцентризма и функционализма. Установлено, что комплексность подходов в изысканиях обеспечивает объективность и полноту знаний об исследуемых феноменах и позволяет решать актуальные задачи. В этой связи предпринята попытка показать способы изучения проблемы внутренней валентности морфем в рамках различных направлений современного языкознания (на материале новообразований газетного дискурса). Обращено внимание на решение проблемы валентности в русле социолингвистики, которая позволяет установить внеязыковые причины появления новых слов и исследовать через новообразования пространство языка, функционирующего вне своей автохтонной территории. Проанализирован корпус неолексем авторской картотеки и их словообразовательные процессы, происходящие в дискурсивной деятельности русскоязычных СМИ Казахстана, позволяющий сделать вывод, что к экстралингвистическим факторам, провоцирующим рождение новых номинаций, относятся политизация общества, заимствование западной экономической системы, стремительное техническое развитие.

Ключевые слова: валентность; морфема; лингвистические направления; новообразования

Для цитирования: Бузело А.С. Проблема внутренней валентности морфем: опыт полипарадигмального исследования // Нефилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 14-20. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-14-20

Abstract. It is proved that the imperative of modern linguistic science is a multiparadigmatic approach in the study of existing facts of language and speech, which is manifested in the priority of three basic principles: explanatoriness, anthropocentrism and functionalism. During this study we found that the complexity of approaches in research provides objectivity and completeness of knowledge about the phenomena under study and allows to solve urgent problems. In this regard, we made an attempt to show the ways of studying the problem of inner valence of morphemes in various areas of modern linguistics (on the material of newspaper discourse neologisms). Attention is paid to the solution of the problem of valence in the direction of sociolinguistics, which allows to establish the non-linguistic causes of the emergence of new words and explore through the neologisms the space of the language functioning outside its autochthonous territory. We analyze body of neolexical item in author card index records and its wordbuilding processes in the discourse activity of Russian-speaking mass media of Kazakhstan, allows us to conclude that extra-

linguistic factors causing the birth of new categories include the politicization of society, the adoption of western economic system, the rapid technical development.

Keywords: valence; morpheme; linguistic directions; neologisms

For citation: Buzelo A.S. Problema vnutrenney valentnosti morfem: opyt poliparadigm'nogo isledovaniya [The problem of inner valence morphemes: the experience of multiparadigm research]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 14-20. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-14-20 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Поскольку наша жизнь «пропитана» языком, во многом невозможна без него, возникают все новые ракурсы исследования этого поистине уникального и многогранного феномена, благодаря чему активно формируются все новые и новые направления: гендерная лингвистика, интернет-лингвистика, ноолингвистика, биоллингвистика, суггестивная лингвистика, рефлексивная лингвистика, наноллингвистика и др.

Удивительным и закономерным одновременно является факт приложимости лингвистического знания абсолютно ко всем сферам деятельности человека, то есть выход лингвистики далеко за пределы изучения «языка в самом себе и для себя». На первый взгляд, может показаться, что языкознание потеряло свой объект исследования и растворилось в других науках. Но, скорее наоборот, – оно аккумулирует в себе достижения иных научных отраслей, помогая решать актуальные задачи, которые все чаще находятся на стыке наук. Таким образом, сегодня наука о языке дает буквально неограниченные возможности исследования фактов языка и речи, языковых явлений, даже тех, которые уже рассматривались в недрах «внутренней» лингвистики. К таковым можно отнести и проблему внутренней валентности морфем, изучавшуюся в русистике, прежде всего, с позиций системно-структурного подхода. В частности, вопросы сочетаемости в производном слове затрагивал в своих изысканиях В.Н. Немченко, которым рассмотрены словообразовательные связи аффиксов и явления, происходящие на морфемном стыке.

Более глубоко вопросы сочетаемости морфем представлены в работах И.С. Улуханова, особенно в его книге «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания». В.В. Лопатиным было показано, как действуют законы русского словообразования при создании новых слов, описана словообразовательная морфемика.

Отдельные вопросы комплексно рассматривались Н.И. Гайнуллиной в рамках ее изысканий по лексикологии и проблемам заимствованной лексики, способам ее адаптации в языке-реципиенте [1]. Многие работы Р.С. Зуевой посвящены вопросам окказиональной сочетаемости на словообразовательном и лексическом уровнях [2; 3]. Подобные исследования проводились и другими известными дериватологами: А.Г. Лыковым, Г.С. Зенковым, А.Н. Тихоновым, Р.И. Гейгером, Л.А. Шеляховской и др. Но часто в них описывались закономерности сочетаемости более узкого круга морфем, например, корневых морфем определенной части речи или аффиксов, образующих словообразовательные типы одной словообразовательной категории, или вообще отдельных формантов. В отличие от других работ, Е.А. Земская подробно рассматривает понятие валентности, дает его определение, кратко описывает основные виды ограничений сочетаемости морфем и некоторые правила их морфонологического приспособления [4]. Естественно, это далеко не полный перечень источников, непосредственно связанных с интересующей нас проблемой. Мы упомянули те, которые сыграли важную роль при ее разработке.

Однако язык находится в непрерывном своем развитии, и задача лингвистов – фиксировать происходящие изменения. В этой связи остается актуальным отслеживать появление новых аффиксов и описывать их валентностные свойства в рамках структурного направления. Логично предположить, что новый аффикс не может взяться из ниоткуда, то есть быть случайным набором звуков. По верному замечанию И.С. Улуханова, существующие формально-семантические корреляции между предлогом и префиксом служат образцом, указывающим на возможность заполнения подобных лакун, в некотором роде стимулом к такому заполнению, так как появление нового префикса, соотносимого с

предлогом, – это не что иное, как реализация заложенных самой системой возможностей, которые опираются на имеющиеся связи между ее элементами [5, с. 110].

Так, можно отметить возникновение следующих префиксов: *около-* (*окололунный*), *внутри-* (*внутригосударственный*), *вне-* (*внеуставной*), которые отсутствуют в описании словообразовательных формантов в Грамматике русского языка (1952). В Краткой русской грамматике (1989) они уже зафиксированы и пополняют группу приставок с пространственным значением. Здесь же относительно аффикса *около-* есть указание, что у него, помимо значения «нахождение вокруг или возле чего-нибудь», имеется и оттенок «примыкающий к чему-нибудь» с отрицательно-оценочной экспрессией – *околонаучный, окололитературный* [6, с. 96].

Однако в процессе употребления у него стали развиваться и другие значения, отмечаемые Толковым словарем русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Итак, сейчас посредством форманта *около-* образуются: «1) существительные и прилагательные со знач. нахождения рядом, поблизости...; 2) прилагательные со знач. не до конца принадлежащий к чему-н., лишь внешне относящийся к чему-н. ... (о среде, окружении); 3) прилагательные со знач. приближенности во времени, напр., околополуденный» [7, с. 450].

Таким образом, второе значение выкристаллизовалось благодаря активному использованию этого префикса в словообразовательной практике, стало более точным по сравнению с примечанием, приводимым в Краткой русской грамматике, причем, как показывают приведенные ниже примеры, коннотация негативной оценки в некоторых случаях может вообще отсутствовать. Следует также отметить, что продуктивность этого префикса продолжает расти – количество новообразований в газетных текстах неизменно умножается: *околоспортивные тенденции, околошоу-бизовый доброхот, в околополитических кругах, околокремлевских кругах, околооперный певец*.

Однако есть и другой путь появления новых аффиксов – заимствование. Как отмечает Н.С. Валгина, «случай в принципе для словообразования крайне редкий, если, ко-

нечно, не считать суффиксы и приставки лат. и греч. происхождения, приобретшие международный характер» [8, с. 132], и, тем не менее, возможный.

В газетном тексте стали появляться дериваты со словообразовательным элементом *-гейт* (от англ. gate). История его возникновения интересна тем, что первоначально он входил в состав сложного наименования крупного политического скандала Watergate, которое впоследствии стало нарицательным. Теперь он активно используется как некоторая самостоятельная единица, участвующая в производстве слов-названий скандалов, возникающих на политической арене, по утверждающейся в речи новой модели, которая «на глазах» расширяет круг основ для своего наполнения: *Ирангейт, Израильгейт, Панамгейт, Моникагейт*.

Естественно, что этот формант чаще соединяется с заимствованными основами, причем именами собственными (названия стран или личные имена), однако, есть случаи его сочетания и с русскими основами или хорошо освоенными иноязычными основами: *Кремлегейт, Руссогейт, Моторгейт* (примеры Н.С. Валгиной), а мы можем продолжить примерами из казахстанской прессы: *Казахгейт, Рахатгейт*, история появления которых хорошо известна и за пределами республики.

Активное использование данного строевого элемента говорит о его сегодняшней востребованности, «модности». Также можно отметить, что в пространстве русского языка в процессе словопроизводства начинают использоваться и другие иностранные аффиксы (такие, как *-инг* и *-ер*), которые всегда функционировали исключительно в пределах заимствованных слов (ср. *шопинг, мониторинг, кемпинг, пилинг, маркетинг* и *репер, хакер, менеджер* и др.). Тем не менее уже известны случаи их употребления в производных с русскими основами: *У обоих было опасное хобби – так называемый «зацепинг». Поклонники этого молодежного течения цепляются за последние вагоны состава, или ездят на них. Один русский зацепер решил прокатиться на новомодном скоростном поезде «Сапсан»¹; Сам термин был*

¹ URL: <http://www.vesti-moscow.ru/rnews.html?id=108694> (дата обращения: 12.12.2018).

*придуман во вконтактной группе **электричкинг**, но ныне вполне распространился во всех транспортных интернетах².*

Таким образом, изучение валентности морфем в аспекте системного подхода не может потерять своей значимости. Однако исследование этого явления может и должно осуществляться в разных плоскостях, поскольку если говорить о «глобальном» зарождении, замысливании того или иного производного, то понятно, что этап согласования словообразовательных элементов далеко не первый, так как перед ним происходит определенный мыслительный процесс – сначала на основании ассоциативных связей где-то глубоко в сознании идет поиск аналогии, мелькает нечто неуловимое (то, что сейчас называется концептами), потом из их совокупности выбираются наиболее подходящие, способные более точно выразить желаемое.

Далее подыскивается адекватная форма выражения этих «пойманных» смыслов. Иными словами, эти смыслы материализуются в семантике словообразующих морфем производной единицы, в которой должно произойти согласование (синтез) семантических значений составных частей деривата – это уже некий результат когнитивной деятельности, репрезентация какой-либо реалии в конкретной номинации, отражающей определенное знание. В настоящее время активизировались исследования проблем словообразования именно в когнитивном аспекте, когда производное слово рассматривается как своеобразная «когнитивная модель интерпретации явлений действительности» [9]. Такое «параллельное» исследование производного слова только подчеркивает актуальность изучения закономерностей семантического согласования его компонентов в синтагматической протяженности, поскольку основа и формант соединяются в одной синтагме, будучи мотивированными теми знаниями, которые необходимо закрепить в какой-либо номинации.

Не менее интересно рассматривать проблему валентности в русле социолингвистики, которая позволяет, например, установить внеязыковые причины появления новых слов и исследовать через новообразования про-

странство языка, функционирующего вне своей автохтонной территории. Так, проанализировав корпус неолексем нашей картотеки, можно сделать вывод, что к экстралингвистическим факторам, провоцирующим рождение новых номинаций, относятся политизация общества, заимствование западной экономической системы, стремительное техническое развитие, что повлекло возникновение новых профессиональных сфер, а также экспрессивность выражения своих мыслей реципиентами, эмоциональной подачи информации, содержащей оценочный компонент. Приведем некоторые примеры:

– **приверженцы кого-либо или чего-либо:** *рыночник, суверенистик, либералка, шахидка, лемешистка, козловистка, американопоклонник;*

– **сообщество, круг людей, объединенных по какому-либо признаку:** *федеральщик, тусовщик, антиамериканист, ладовец, кремлевцы, единоросс, зоозащитник;*

– **наименования лиц по профессии:** *обменистик, музейщик, шопник, миграционник, космист, политехнолог, клонодизайнер, киберсыщик;*

– **наименования-оценки:** *иронист, самосжигатель (об артисте), гробокопатель (археолог), огнеборец (пожарный).*

Следует отметить, что постоянно пополняется список феминных образований: *визажистка, лицеистка, антиглобалистка, фанатка, букерша, брокерша, депутатша, рокерша, таможенница, детективщица, гашишница* и т. д. Таким образом, можно констатировать, что активно реализуют свои валентностные способности морфемы со значением женскости: **-к(а), -ш(а), -ниц(а)**. Это говорит об активности современных женщин, их стремлении занимать те же позиции, что и мужчины.

Если анализировать неолексем, образованные по суперпродуктивной модели сложения, то нетрудно заметить, что массово производятся дериваты не только с семантикой деятеля, но также номинации, обозначающие:

– **общественные явления:** *бизнес-элита, СПИД-терроризм, стрессоустойчивость, взаимоместь, взяточность;*

– **политические и экономические явления:** *телекиллерство, энерготеррор, по-*

² URL: <http://lurkmore.to> (дата обращения: 12.12.2018).

литубежище, политтусовка, тоталиберализм;

– **развитие высоких технологий:** *киберспорт, интернет-издание, каз-нет, термобелье, компьютеропровод, эмбрионовместилище, марсоход.*

Говоря о словообразовательных процессах, происходящих в дискурсивной деятельности русскоязычных СМИ Казахстана, следует отметить, что в них присутствует некоторая специфика: при активном использовании одних и тех же моделей они зачастую заполняются строевыми элементами не только русского, но и казахского языка. Иначе говоря, «игра» со словом происходит по тем же правилам, что и в российских массмедиа, только с участием других «игроков» – при тождестве протекающих процессов результаты получаются разные: в некоторых производных «казахстанского» русского языка присутствует «иносегмент» (заимствованный из казахского языка), привносящий национальный колорит в реализованные единицы (*акын-рольщики, нуртановцы, аулизация, вице-аким, акимство, младотюрки, токалка, келинка*) и демонстрирующий фиксацию действительности в ментальном восприятии представителями этнической общности, проживающей в Казахстане.

Приведенные факты непосредственным образом указывают на то, что проблему валентности целесообразно изучать также с позиций лингвокультурологии. Причем в этой связи вопросы реализации словообразовательного потенциала морфем (и корневых, и аффиксальных) высвечиваются в новом ракурсе в ситуации билингвизма.

В условиях тесного контакта языков происходит взаимовлияние культур, которое не может не отражаться в коммуникативной практике носителей русского языка. Эта мысль удачно выражена Е.А. Журавлевой, которая утверждает, что «результаты такого влияния имеют первостепенное значение для дальнейших путей развития русского языка, так как слова, принадлежащие иной культуре, иной «языковой стихии», органично входят в русский язык и отражают особенности восприятия мира и его ценности, зависимые от инационального окружения, территории и длительности контактов» [10, с. 540]. К сказанному добавим, что эти заимствования

не только активно используются в речевой практике носителей русского языка данного региона, но и регулярно вовлекаются в словопроизводство, что свидетельствует об их востребованности и освоенности в русскоязычном пространстве Казахстана (например, *байгисты, токализация, бешбармачник, пиалушка, медиакурултай, мажлиссумен*). При этом новые слова – часто яркие и необычные благодаря не только этнической специфике строительных элементов, но и значению, которое получается в производном посредством «сплава» инокультурных компонентов, несущих в себе разнообразную информацию, относящуюся и к семантике, и к прагматике, и к этнокультуре, дают образность и выразительность.

Вообще сегодня в коммуникации, как деятельности особого рода, весьма востребованы экспрессия и эклектика, неординарность и индивидуализм. Поэтому многими лингвистами отмечается усиление личностного начала носителей языка и в устной, и в письменной речи, субъективизация информационного пространства, где смысл информации закладывается самим автором сообщения, отражая его точку зрения. Наиболее ярко это проявляется в словообразовательных инновациях, в которых говорящий/пишущий может реализовывать свои интенции, используя собственные словотворческие способности, тем самым эксплицируя языковую компетенцию, языковой вкус в конкретной ситуации общения. В таких случаях чаще всего появляются новообразования с нарушением закономерностей согласования морфем (например, *бензобезумие, Эсенгевия, теннисизация, паханизм, тренажеры, соковыжималка, БЛОГодать*), поскольку именно они дают возможность выразить мысль креативно, привлечь внимание реципиента, оказать на него влияние, используя его фоновые знания. Все это позволяет выявлять приемы воздействия на адресата, способы актуализации коммуникативных намерений автора. Таким образом, при анализе реализаций сочетаемостных способностей морфем в окказиональных образованиях становится возможным исследовать проблему внутренней валентности с позиций прагматической лингвистики.

Свобода выражения своего отношения к происходящему сделала излюбленным средством масс игру со словом как авторский прием демонстрации своего остроумия и креативности. Надо сказать, такие эксперименты не всегда удачны или уместны, иногда балансируют на грани допустимого и табуированного. В этой связи возрастает роль такого процесса, как кодификация, сущность которого состоит в «мониторинге» зафиксированных новшеств с точки зрения их соответствия существующим нормам, также под-

вергающимся определенным изменениям. Этот факт выводит проблему валентности в плоскость эволюистики.

Таким образом, рассматривая какое-либо явление через призму различных подходов, то есть осуществляя его комплексное исследование, мы выявляем сущностные характеристики, проникаем в самую его природу, объективируя полученное новое знание, что, безусловно, способствует заполнению лакун в научной картине мира.

Список литературы

1. Гайнуллина Н.И. Лексикология русского языка. Алматы: Қазақ университеті, 2002. 170 с.
2. Зуева Р.С. К вопросу о разграничении окказиональных и потенциальных слов // Семантико-стилистические исследования: сб. науч. ст. Алма-Ата, 1989. С. 7-13.
3. Зуева Р.С. Словообразование // Современный русский язык: Словообразование. Морфология. Синтаксис / под ред. Н.И. Гайнуллиной. Алматы: Қазақ университеті, 2002. С. 6-35.
4. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1981. С. 133-239.
5. Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: АО «Астра семь», 1996. 221 с.
6. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 1989. 639 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
8. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
9. Петрухина Е.В. Русское производное слово как когнитивная модель интерпретации явлений действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы Междунар. конгресса русистов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 195.
10. Журавлева Е.А. Влияние культурно-языковых контактов на лексическую систему русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы 2 Междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2004. С. 539-540.

References

1. Gaynullina N.I. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of Russian Language]. Almaty, Kazakh University Publ., 2002, 170 p. (In Russian).
2. Zuyeva R.S. K voprosu o razgranichenii okkazzional'nykh i potentsial'nykh slov [To the question of distinction between occasional and potential words]. *Semantiko-stilisticheskiye issledovaniya: sbornik nauchnykh statey* [Semantic and Stylistic Researches: Collection of Scientific Articles]. Alma-Ata, 1989, pp. 7-13. (In Russian).
3. Zuyeva R.S. Slovoobrazovaniye [Wordbuilding]. In: Gaynullina N.I. (ed.). *Sovremennyy russkiy yazyk: Slovoobrazovaniye. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian Language: Wordbuilding. Morphology. Syntax]. Almaty, Kazakh University Publ., 2002, pp. 6-35. (In Russian).
4. Zemskaya E.A. Slovoobrazovaniye [Wordbuilding]. In: Beloshapkova V.A. (ed.). *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, pp. 133-239. (In Russian).
5. Ulukhanov I.S. *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Elements of Wordbuilding System of the Russian Language and their Lexical Realization]. Moscow, JSC "Astra sem" Publ., 1996, 221 p. (In Russian).
6. Shvedova N.Y., Lopatin V.V. (eds.). *Kratkaya russkaya grammatika* [A Short Russian Grammar]. Moscow, 1989, 639 p. (In Russian).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. (eds.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, LLC "ITI Tekhnologiya" Publ., 2003, 944 p. (In Russian).

8. Valgina N.S. *Aktivnyye protsessy v sovremenном russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow, "Logos" Publ., 2003, 304 p. (In Russian).
9. Petrukhnina E.V. Russkoye proizvodnoye slovo kak kognitivnaya model' interpretatsii yavleniy deystvitel'nosti [Russian derivative word as a cognitive model of interpretation of reality phenomena]. *Trudy i materialy Mezhdunarodnogo kongressa rusistov «Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'»* [Proceedings of the International Congress of Russianists "Russian Language: Historical Destiny and Modern Era"]. Moscow, Moscow University Publ., 2001, p. 195. (In Russian).
10. Zhuravleva E.A. Vliyaniye kul'turno-yazykovykh kontaktov na leksicheskuyu sistemu russkogo yazyka [Influence of cultural and language contacts on the lexical system of the Russian language]. *Trudy i materialy 2 Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka «Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'»* [Proceedings of the 2nd International Congress of Russianists "Russian Language: Historical Destiny and Modern Era"]. Moscow, 2004, pp. 539-540. (In Russian).

Информация об авторе

Бузелю Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и переводческого дела. Университет «Туран», г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.buzelo@turana.edu.kz

Вклад в статью: изучение газетного материала, анализ авторской картотеки, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5457-1237>

Поступила в редакцию 21.12.2018 г.

Поступила после рецензирования 18.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Anna S. Buzelo, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Journalism and Translation Studies Department. "Turan" University, Almaty, the Republic of Kazakhstan. E-mail: a.buzelo@turana.edu.kz

Contribution: newspaper material study, authors card files study, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5457-1237>

Received 21 December 2018

Reviewed 18 January 2019

Accepted for press 20 February 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-21-28
УДК 808+81.04

Некоторые особенности использования модально-временных форм в любовной силлабической поэзии Петровской эпохи

Петр Александрович СЕМЕНОВ

ЧОУ ВПО «Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 17-я линия Васильевского острова, 4-6В
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>, e-mail: 2331638@mail.ru

Some special aspects of the use modal-temporal forms in amatory syllabic poetry of Peter the Great's era

Petr A. SEMENOV

Baltic University of Foreign Languages and Intercultural Cooperation
4-6V 17th line of Vasilyevsky island, St. Petersburg 199034, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>, e-mail: 2331638@mail.ru

Аннотация. Исследование направлено на выявление характера грамматической нормы литературного языка переходного периода и посвящено памяти Надежды Ивановны Гайнуллиной, моего любимого учителя и друга. В центре исследовательских интересов Надежды Ивановны был литературный язык Петровской эпохи. Вопросам освоения заимствованной лексики на материале «Писем и бумаг Петра Великого» была посвящена ее кандидатская диссертация и докторское исследование, статьи и монографии, содержащие глубокое осмысление роли и места Петра Великого в истории русского литературного языка и раскрывающие глубинный смысл происходивших в этот период процессов в литературном языке и, в частности, состояние языковой нормы. Осмыслен этот далекий от нас период истории русского литературного языка, что имеет особую теоретическую значимость, поскольку речь идет о литературном языке *переходной эпохи*. Установлено, что именно такие эпохи дают возможность глубже осмыслить диалектику развития литературного языка, правильно поставить вопрос о соотношении таких важнейших категорий исторической стилистики, как норма, узус, стиль. Утверждено, что выводы, к которым приходит Н.И. Гайнуллина, имеют важное теоретическое значение. Сделаны выводы, что предложенное Н.И. Гайнуллиной понимание нормы переходного периода может иметь теоретическое значение не только для Петровской эпохи, но и для любого переходного периода в истории любого литературного языка, в частности, для понимания языковой ситуации нашего времени, которая характеризуется резкой сменой культурно-исторических парадигм, совершенно определенно отразившихся в современном русском языке, в языке наших дней в виде многослойных инновационных наслоений на относительно традиционные формы выражения.

Ключевые слова: русский литературный язык Петровской эпохи; идеи Н.И. Гайнуллиной; нормы переходного периода

Для цитирования: Семенов П.А. Некоторые особенности использования модально-временных форм в любовной силлабической поэзии Петровской эпохи // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 21-28. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-21-28

Abstract. The research is aimed at revealing the nature of the grammatical norm of the literary language of the transition period and is dedicated to the memory of Nadezhda Gainullina, my favorite teacher and friend. Nadezhda Ivanovna research interests focused on the literary language of the Peter the Great's era. The development of loanword vocabulary on the material of "letters and papers of Peter the Great" was devoted to her candidate dissertation and doctoral research, articles and monographs containing a deep understanding of the role and place of Peter the Great in the history of the Russian literary language and revealing the deep meaning of the processes taking

place during this period in the literary language and, in particular, the state of the language norm. We comprehend this far from us period of the history of the Russian literary language, which has a special theoretical significance, since it is a literary language of the transition period. We have established that such historical periods provide an opportunity to understand the dialectic development of the literary language, the right to raise the question of the relationship between the critical categories of historical styles as a norm, language usage, style. It is approved that findings, which comes to N.I. Gainullina, have important theoretical value. It is concluded that the proposed N.I. Gainullina understanding of the norms of the transition period can be of theoretical importance not only for the Peter the Great's era, but also for any transition period in the history of any literary language, in particular, for understanding the language situation of our time, which is characterized by a sharp change of cultural and historical paradigms, definitely reflected in the modern Russian language, in the language of our days in the form of multilayered innovative layering on the relatively traditional forms of expression.

Keywords: Russian literary language of Peter the Great's era; N.I. Gainullina ideas; transition period norms

For citation: Semenov P.A. Nekotoryye osobennosti ispol'zovaniya modal'no-vremennykh form v lyubovnoy sillabicheskoy poezii Petrovskoy epokhi [Some special aspects of the use modal-temporal forms in amatory syllabic poetry of Peter the Great's era]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 21-28. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-21-28 (In Russian, Abstr. in Engl.)

О языке Петровской эпохи много спорят, при этом оценки языкового состояния могут носить диаметрально противоположный характер. Ср., например, с одной стороны, высказывание В.Д. Левина: «То, что раньше было сосредоточено на разных полюсах языка, что представляло разные языковые системы, отражая феодальное «двуязычие», могло оказаться бессистемно смешанным в пределах одного произведения. К этому добавился мощный иноязычный элемент, что привело к еще большей пестроты письменного языка. Сказалось еще и различие в темпах развития и степени традиционности разных сторон языка. Новая для литературного языка лексика – народно-бытовая или западно-европейская – могла получить архаическое, церковнославянское грамматическое оформление, что создает порой, с точки зрения нашего времени, даже комический эффект, звучит пародийно» [1, с. 117-118]. Подобного рода утверждения можно встретить и в работах других исследователей. Например, В.М. Живов в монографии «Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков» замечает, что языковая ситуация Петровской эпохи достаточно точно характеризуется метафорой А.В. Исаченко «первобытный хаос»: «Первобытный хаос – это то состояние, из которого рождается новая жизнь. В чем состояла хаотичность нового идиома, поддается объяснению. Те элементы, которые раньше были распределены

по разным письменным традициям (по разным регистрам письменного языка), теперь оказываются сваленными в одну кучу, которая в настоящем исследовании именуется «Петровским пулом». Та вариативность, которая раньше была упорядочена фрагментациями узуса по разным регистрам, теперь оказывается неупорядоченной в рамках единого нефрагментированного узуса» [2, с. 541]. При этом в метаязыке, описывающем языковую ситуацию Петровской эпохи, наблюдается незаметное сползание с категории «норма» к категории «узус», говорится о «неустойчивом узусе»: «Этот неустойчивый узус характерен и для начального этапа деятельности академических филологов. В первом академическом издании – имею в виду «Краткое описание комментариев Академии наук» – отдельные переводчики пишут по-разному, и узус в целом отличается большой пестротой» [2, с. 564]. Исследователи как бы признаются в своем бессилии реконструировать *норму* данного периода и тем самым молчаливо или открыто соглашаются с тем, что нормы как таковой нет, и даже более – нет литературного языка: «Гражданский» язык Петровской эпохи, хотя его нередко называют русским литературным языком нового типа, не обладает основными атрибутами литературного языка: ему не присуща ни общеобязательность, ни кодифицированность, ни полифункциональность» [2, с. 543].

Противоположная точка зрения была в свое время высказана в «Лекциях по истории русского литературного языка» Б.А. Лариным: «Многие историки языка, исходя из плохих переводов, считали язык Петровской эпохи неоправданно пестрым, характеризующимся нелепым смешением славянских и заимствованных элементов. Это поверхностные выводы. Верная оценка языка Петровской эпохи должна опираться на лучшие сочинения того времени, необходимо учитывать, на восприятие какого читателя рассчитаны эти произведения» [3, с. 354-355].

Именно эту точку зрения разделяет Н.И. Гайнуллина, утверждая, что «хаос» и «безъязычие», которые «привычно отмечают исследователи, говоря о данном времени, представляется не как отсутствие всяких норм (это, по нашему мнению, взгляд на языковую ситуацию «сверху»), не как смешение, а как *закономерное соединение традиционного и нового*, которое наиболее заметно на уровне лексического употребления в текстах этого времени (взгляд «изнутри»). Это представление о языке с позиций *функционального* подхода, рассматривающего не отдельные уровни системы (строєвый подход, свойственный исторической грамматике), а *текст* как коммуникативное построение более высокого порядка, когда речь идет об *употреблении* языковых единиц... Именно тогда так называемое «смешение» и тем более хаос предстанут как своеобразная *норма переходного периода*» [4, с. 17]. При таком подходе, напротив, для осмысления языковой ситуации исследователям недостаточно категории «узус», так как она, по мнению Н.И. Гайнуллиной, не способствует прояснению сущности происходящих в литературном языке процессов [5, с. 6]. Исследователи этого направления стремятся *реконструировать норму*.

Заметим, однако, что сторонники «подхода Ларина», к которым относится и Н.И. Гайнуллина, для подтверждения своей позиции обычно апеллируют к лексическому материалу. Сторонники противоположной точки зрения («подхода Левина»), напротив, в качестве аргумента широко используют грамматический материал, в особенности морфологию. Это и понятно: если смешение разнородных лексических единиц легко объ-

ясняется новыми темами, идеями, понятиями, пришедшими с новой секуляризованной культурой, и тем самым не может свидетельствовать об «отсутствии норм», то вряд ли новое содержание обязательно требовало смешения разнородных грамматических форм. Получается, что новая лексика есть средство восполнения содержательных лакун, и «неологический взрыв» Петровской эпохи сам по себе был не в состоянии поколебать норму, но *грамматическая пестрота* текстов должна бы служить несомненным доказательством того, что в это время отсутствуют какие-либо кодифицированные нормы и господствует «первобытный хаос».

Тем интереснее посмотреть именно на грамматическую систему с позиций функционального подхода, который отстаивает Н.И. Гайнуллина, то есть проанализировать грамматическую норму не в абстрактном «языке», представленном как набор отвлеченных «парадигм», а в конкретном тексте, с учетом его прагматики, функционального назначения, жанрово-содержательного своеобразия. При этом необходимо учитывать, что предшествующая средневековая культура слова – это риторическая культура, в которой основным строительным материалом текста была *словесная формула*, а с содержательной точки зрения текст распадался на *топосы* – законченные в смысловом отношении фрагменты текста, «речевые куски», в пределах которых получает развитие та или иная тема [6, с. 136-147; 7]. Каждый такой топос характеризовался свойственным именно ему набором словесных формул. XVIII век еще не преодолел эту устойчивую традицию: окончательное разрушение топики, «демонтаж красноречия» (если воспользоваться выражением Р. Лахманн) произойдет позже, в реалистической стилистике XIX века.

Материалом для наших наблюдений будет любовная силлабическая поэзия Петровской эпохи, жанр одновременно традиционный и новый. С одной стороны, любовная лирика была одним из важных проявлений новой светской культуры Петровского времени. Р. Лахманн (правда, несколько упрощая ситуацию) пишет: «Своеобразная динамика русской литературы состояла в том, что поэзия, посвященная теме любви в России, по сравнению с западноевропейской тради-

цией, начала развиваться достаточно поздно... В России не существовало ни любовной темы, ни соответствующей ей риторики. Здесь отсутствовали социальные и идейные структуры, опиравшиеся на служение прекрасной даме. Равным образом отсутствовали стилистические предпосылки для развития любовной поэзии с ее двойной сущностью: придворно-светской и духовной. Лишь в XVIII веке мы встречаем поэзию, обладающую стилистически утонченными формами выражения и топижкой, в которой отражается знакомство с анакреонтикой и петраркизмом» [8, с. 215].

Следовательно, любовная поэзия – это явление новой светской культуры, не имевшее непосредственного аналога в предшествующей литературе. С другой стороны, сами по себе жанры силлабической поэзии духовного и светского (нелюбовного) содержания получили широкое развитие в литературе московского барокко и были жанрами, несомненно, книжной (более того, элитарной, придворной) культуры со своей традицией. Вот почему анализ силлабической любовной лирики Петровского времени с точки зрения интересующего нас вопроса о норме переходного периода представляет несомненный интерес.

Обратимся к выявлению роли модально-временных форм языковой композиции в любовной песне «Кто ми даст слезы якоже Рахили», принадлежащей, по мнению А.В. Позднева, перу неизвестной поэтессы и дошедшую до нас в составе рукописного сборника [9]. Текст этот относится к образцам строгой силлабики, отличается достаточно высоким уровнем литературной отделки и поэтому не может быть приписан к «низовой» демократической литературе.

Языковая композиция анализируемой лирической песни, как и полагается тексту, созданному по законам риторики, членился на вступление (приступ), основную часть (включающую в себя ряд композиционных блоков) и заключение (воззвание). Грамматическим каркасом, создающим языковую композицию текста, являются глагольные формы. При этом в смене модально-временных планов прослеживается достаточно строгая закономерность.

1. **Вступление** выдержано в оптативном модальном ключе. Основная глагольная форма, являющаяся «несущей конструкцией», создающей композиционное и стилистическое единство, – сослагательное наклонение (*оплакала бы*) в сочетании с футуральной формой, включенной в структуру риторического вопроса (*кто даст, кто излиет, кто пошлет*):

Кто ми даст слезы якоже Рахили,
Восплачуся горце в моем смутном деле,
 Свет очию моею лишена,
 От прелюбезна друга оставлена.
Кто слез кровавых **излиет** мне море, –
Оплакала б я сердечное горе,
Кто ми горличны криле **может дати**
Полечу в лесы по друге рыдати.
 Тако с кокушки выпросивши гласы
Куковала б я в лесах по вся часы.
 Лишихся прежде желанья еднago,
 А потом паки також и другаго.
 О, друг мой сладкий, друг любезнейший,
 Паче лучь солнца в любви прекраснейший.
Кто днесь мне **послет** горьких слез криницы,
Оплакала б я свои плачущи зеницы [9, с. 305].

Заметим, что модель «футур + оптатив», являясь «несущей конструкцией» вступления, не является при этом абсолютно преобладающей. Вступление в лирической песне – наиболее разнообразная в модально-временном плане часть, поскольку именно во вступлении задаются основные темы произведения (разлука > слезы > утешение). Единственная архаическая глагольная форма, встретившаяся во вступлении, – аорист 1 л. ед. ч. (*Лишихся прежде желанья еднago*).

Полагаем, что эта форма не является в данном контексте облигаторной и вполне могла быть заменена перфектной (*лишилась*). Думается поэтому, что аорист является в данном случае элементом стилистической отделки произведения. Другой возможной причиной выбора формы аориста является ее гендерная немаркированность (в сравнении с «эловой» формой, обязательно указывающей на род).

2. Следующий композиционный элемент – **изложение** – условно может быть разделен на три топоса: **страдание**, **воспоминание** и **упование**. Лексической скрепой, поддерживающей единство этого композиционного элемента, являются наречия вре-

мени, образующие антонимическую пару: *прежде (в прежние дни) – ныне (днесь)*. Это противопоставление заложено уже во вступлении и проходит через весь текст:

- (1) Лишихся **прежде** желанья едного,
А потом паки також и другаго...
- (2) Кто **днесь** мне послет горьких слез криницы,
Оплакал б я свои плачуши зеницы.
- (3) Где **прежние** наши забавы девались,
Ныне кровь сердцу моему претворилась...
- (4) Пойду в чертоги, где **прежде** бывахом
- (5) На что ж мы **прежде** любовь совершали
Сердце ковати Волкана не звали.
- (6) Како мы **прежде** усты (?) совершахом,
Быть неразлучны в любви обещахом.
Днесь же ни в очи друг друга видаем,
Токмо в надежных сердцах пребываем.
- (7) **Днесь** рассеяны мы в разные страны,
Ох, мне смертные умноженны раны.

А. В топосе **страдание** ведущими временными формами являются презенс и перфект:

О, друг мой сладкий, друг любезнейший,
Паче лучь солнца в любви прекраснейший.
Кто днесь мне послет горьких слез криницы,
Оплакала б я свои плачуши зеницы.
Где прежние наши забавы девались,
Ныне кровь сердцу моему претворилась.
Что так с тобою рано разлучились,
В разные страны, ах, мы отлучились.
Или не в союзной планете рожденны,
Что так с тобою скоро разлученны.
О, свете земный скоро превратливый,
Ох, нам случаю зело несчастливый!
Никогда маю в веселии быти,
И не могу аз тя, друга забытьи.
Заре ночная – мысль во слезах тонет,
Денница к небу – сердце мое стонет.
Солнце восходит – по тебе рыдаю,
Солнце – к полудни – тяжко въздыхаю.
Солнце на запад – то мне обмирати,
Во сне на ложе в слезах утопати [9, с. 305-306].

Б. Единственный раз форма, которую можно условно назвать имперфектной, встретила в топосе «воспоминание»:

Пойду в чертоги, где прежде **бывахом**,
Любви афектом друг друга **лобзахом**.
Не могу прежде на порог вступати,
Доколь не буду аз слез изливати.
Вспомню словеса наши прелюбезна,
Також и дела в дружестве полезна.
На что ж мы прежде любовь совершали,
Сердце ковати Волкана не звали.
Како мы прежде усты (?) **совершахом**,
Быть неразлучны в любви **обещахом** [9, с. 306].

Появление формы имперфекта в подобном контексте можно считать вполне закономерным: семантически она выражает здесь «давнопрошедшее» («преждепрошедшее») время, одновременно передавая и семантику длительности и итеративности (повторяемости). Весь топос выстроен в книжном стилистическом ключе (*аз, чертоги*, инфинитивы с безударным *-ти*), не противоречит этому и европеизм *афект*, который, как и другие немногочисленные европеизмы и мифологизмы (*дама, амур* и т. п.), включается в Петровское время в арсенал книжных стилистических средств. Заметим, что именно по этой причине европеизмы нередко получали архаичные окончания: они осмысливались как элемент книжной культуры, элемент литературной отделки произведения, и «комически» подобные контексты звучат только для нашего читательского уха, но отнюдь не для читателя Петровского времени.

Обратим, однако, внимание на то, что имперфект – отнюдь не облигаторная форма в данном топосе. В том же контексте в той же функции встречается и «эловая» форма: *На что ж мы прежде любовь совершали, Сердце ковати Волкана не звали*. Однако имперфект здесь задает и создает модально-временную рамку топоса: он открывает топос и закрывает его, обозначая тем самым границы. Ср. предыдущий контекст – топос «страдание», в котором организующей временной формой является презенс:

Заре ночная – мысль в слезах тонет,
Денница к небу – сердце мое стонет.
Солнце восходит – по тебе рыдаю,
Солнце к полудни – тяжко въздыхаю.
Солнце на запад – то мне обмирати,
Во сне на ложе в слезах утопати [9, с. 306].

Далее следует «импрефективный» топос «воспоминание» (*Пойду в чертоги, где пре-*

жде **бываюм**, Любви афектом друг друга **лобзаюм**... Быть неразлучны в любви **обе-щаюм**). А следующий топос опять переводит лирическое повествование в план настоящего: *Днесь же ни в очи друг друга видаем, Токмо в надежных сердцах пребываем*. На границу топосов указывают и наречия *прежде* – *днесь*, разделяющие топосы, но одновременно и соединяющие их в единое произведение. Средством семантического сопряжения первого и второго топосов является итеративная семантика цикличности. В первом топосе (страдание) она создается лексическими средствами, указывающими на повторяемость (*заре ноцная – денница к небу – солнце к полудни – солнце на запад*), а в следующем топосе (воспоминание) для этого как раз и понадобились формы имперфекта. Третий топос, возвращаясь в план настоящего, носит в то же время и подытоживающий характер (*Днесь же ни в очи друг друга видаем, Токмо в надежных сердцах пребываем*), в силу чего итеративное значение сменяется значением настоящего постоянного и даже вневременного (абстрактного).

В. Топос «упование», завершающий основную часть «плача», опять переводит изложение в ирреальный план путем использования форм сослагательного наклонения. Лексическим средством, создающим композиционное целое в этой части риторического построения, является наречие *лучше*:

Дабы пребыли во веки удружны,
Купно **бы** оба **были** неразлучны.
Лутче с тобою прежде дружитца,
Нежель днесь, не видя тебя, крушитца.
Вем яко **бы** всех и мя **оставили**,
Не болши по мне в печали скорбели.
Ибо кляхомся мы нелицемерно,
Дабы до смерти в дружбе жити верно.
Двое нас телом – мысль сердцем единым,
Ах, разлучила нещастна година.
Что един хочет купно мы желаем,
Что ж ненавидим, тое отметаем.
Днесь рассеяны мы в разные страны,
Ох, мне смертныя умноженны раны.
Лутче бы в нас Марсу меч свой утопити,
И моею кровью стрелы упоити.
Тело **бы** наше вкупе **умертвилось**,
Во едином гробе мы **положились**
Лутче Позефора нас **бы** **умертвила**,
Очеса песком гробным нас покрыла

[9, с. 306-307].

Оптативные топосы развивают возникшую тему вечности, постоянства любви, но поданную уже в ином модальном ключе: *Дабы пребыли во веки удружны, Купно бы оба были неразлучны... Ибо кляхомся мы нелицемерно, дабы до смерти в дружбе жити верно*. В последнем случае опять понадобилась имперфектная форма, но она уже характеризуется некоей пространственно-временной нелокализованностью.

Еще одна закономерность модально-временной организации всего текста – постепенное ослабление временной локализованности и усиление абстрактности. С этой точки зрения весь текст распадается на четыре части: (1) ведущий топос – страдание, организующие формы времени – настоящее актуальное и перфект в собственно перфектном значении; (2) ведущий топос – страдание, организующая форма времени – настоящее повторяющееся; (3) топос «воспоминание», организующая форма времени – импрефект в итеративном значении; (4) ведущий топос – упование; организующие модально-временные формы – оптатив, настоящее постоянное.

3. **Заключение** представляет собой «воззвание» и выстроено в императивно-оптативном ключе:

Ах бо ты, Венера, к тебе прибегаю,
Тебе молитву аз простираю.
Яви нам ныне своей благодати,
Пошли Купиду паки нас собрати.
Да мы, друг друга зряще, **веселились**,
Верно до смерти в любви **насладились**

[9, с. 307].

Проведенный анализ системы временных форм в структуре лирико-повествовательных топосов позволяет сделать два вывода – частный и общий.

1. *Частный вывод* касается функционирования временных форм. Архаичные времена в исследуемых текстах не представляют собой абсолютно «пустых форм». «Пустыми» их можно назвать только в том смысле, что они, утратив свои исконные значения, используются как стилистическое средство. Однако, являясь стилистическим средством, они в то же время, наряду с другими глагольными формами, создают модально-временную рамку топоса, включаясь тем самым в текстовую глагольную парадигму и преоб-

разуя свои старые грамматические значения в соответствии с новыми условиями функционирования в контексте.

2. Во всех случаях архаичные глагольные формы используются по принципу стилистического согласования, все контексты, в которых они встречаются, выдержаны в книжном стилистическом ключе. Это позволяет сделать *общий вывод о характере нормы переходного периода*.

Можно утверждать, что любовная лирика Петровской эпохи, несмотря на молодость, новизну этого жанра для русской литературы, – это поэзия традиционных форм, устойчивых топосов. Противоречия в этом утверждении нет, поскольку литература Петровской эпохи, как и литература предшествующего периода, основывалась на канонах риторики; поэтому к относительно новому материалу (любовной теме) применялись старые риторические правила и образцы («приклады»), пришедшие из «Риторик» и «Поэтик» XVII века. Обновление этих образцов заключалось лишь в том, что они приспособлялись авторами к выражению нового содержания, а для такого приспособления, естественно, рекрутировались языковые средства и из «галантной» западноевропейской литературы (мифологизмы, европеизмы), и из народной поэзии. При этом очевидно, что в структурировании текста лексика участвует *через грамматику*, следовательно, архаичные грамматические формы,

которые при поверхностном рассмотрении кажутся непонятными «реликтами», неотвеченными «окказионализмами», входят в текст не сами по себе, а в составе традиционных формул. И как только литература вырабатала новые формы выражения, перестав нуждаться в традиционных формулах, вместе с ними вышли из употребления и простые претериты, и прочая грамматическая архаика.

Для нас важен тот факт, что при этом обновлении риторического арсенала в связи с новизной содержания происходило соединение в пределах одного контекста традиционного и нового, тем самым шло *обновление литературного языка*, с постепенным вытеснением архаизмов по мере преобразования традиционных формул. Якобы характерные для Петровской эпохи языковая пестрота, безнормие, причудливое смешение разнородных языковых форм, о чем часто пишут исследователи, – это только внешняя сторона происходивших в литературном языке процессов. Нормативное мышление предшествующей эпохи не могло бесследно исчезнуть в бурное время реформ: оно проявилось в создании новой *нормы переходного периода* (Н.И. Гайнуллина [10; 11]), сущность которой заключалась в приспособлении традиционно-книжных форм для выражения нового содержания и в восполнении неизбежно возникающих при этом лакун новыми языковыми средствами разного генезиса.

Список литературы

1. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1964. 248 с.
2. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. 655 с.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005. 416 с.
4. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века. Алматы, 1995. 276 с.
5. Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2004. № 2 (74). С. 4-7.
6. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. 296 с.
7. Колесов В.В. История русского языка. Москва; Санкт-Петербург, 2005.
8. Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб., 2001. 366 с.
9. Позднеев А.В. Неизвестная поэтика Петровского времени // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.). М., 1971. С. 305-307.
10. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах Петра Великого» (К проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.
11. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: КазНУ, 2002.

References

1. Levin V.D. *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Short Note of Russian Literary Language History]. Moscow, 1964, 248 p. (In Russian).
2. Zhivov V.M. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Historical Morphology Notes of the Russian Language 17th–18th Centuries]. Moscow, 2004, 655 p. (In Russian).
3. Larin B.A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian Literary Language]. St. Petersburg, 2005, 416 p. (In Russian).
4. Gaynullina N.I. *Epistolyarnoye naslediyе Petra Velikogo v istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka* [Epistolary Heritage of Peter the Great in the History of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Almaty, 1995, 276 p. (In Russian).
5. Gaynullina N.I. O smeshannom kharaktere russkogo yazyka i norme perekhodnogo perioda [On the mixed nature of the Russian language and the norm of the transition period]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – KazNU Bulletin. Philology Series*, 2004, no. 2 (74), pp. 4-7. (In Russian).
6. Kolesov V.V. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, 1989, 296 p. (In Russian).
7. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of Russian Language]. Moscow; St. Petersburg, 2005. (In Russian).
8. Lakhmann R. *Demontazh krasnorechiya* [The Dismantling of Eloquence]. St. Petersburg, 2001, 366 p. (In Russian).
9. Pozdneyev A.V. Neizvestnaya poetessa Petrovskogo vremeni [An Unknown Poetess of Peter the Great's Era]. *Russkaya literatura na rubezhe dnukh epokh (XVII – nachalo XVIII v.)* [Russian literature at the turn of two eras (17th – early of 18th century)]. Moscow, 1971, pp. 305-307. (In Russian).
10. Gaynullina N.I. *Zaimstvovannaya leksika v «Pis'makh i bumagakh Petra Velikogo» (K probleme osvoyeniya slov inoyazychnogo proiskhozhdeniya v Petrovskuyu epokhu): dis. ... kand. filol. nauk* [Loanword Vocabulary in the "Letters and Papers of Peter the Great" (to the Problem of Mastering the Words of Foreign Origin in the Peter the Great's Era). Cand. philol. sci. diss.]. Alma-Ata, 1973. (In Russian).
11. Gaynullina N.I. *Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo (Opyt diakhronicheskogo opisaniya)* [Language Personality of Peter the Great (Diachronic Description Experience)]. Almaty, Al-Farabi Kazakh National University Publ., 2002. (In Russian).

Информация об авторе

Семенов Петр Александрович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: 2331638@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>

Поступила в редакцию 11.12.2018 г.
Поступила после рецензирования 14.01.2019 г.
Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Petr A. Semenov, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Social-Humanitarian and Natural Sciences Department. Baltic University of Foreign Languages and Intercultural Cooperation, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: 2331638@mail.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>

Received 11 December 2018
Reviewed 14 January 2019
Accepted for press 20 February 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-29-34
УДК 800

Аксиологическая составляющая языковой картины мира (на материале «Жития протопопа Аввакума»)

Лейла Юрьевна МИРЗОЕВА

Университет им. Сулеймана Демиреля
040900, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Абылай Хан Каскелен, 1/1
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4174-9897>, e-mail: mirzoeva@list.ru

Axiological component of the linguistic worldview (on the material of “Hagiography of Protopope Avvakum”)

Leyla Y. MIRZOEVA

Suleyman Demirel University
1/1 Abylai Khan Kaskelen St., Almaty 040900, the Republic of Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4174-9897>, e-mail: mirzoeva@list.ru

Аннотация. Предпринята попытка развития теоретических положений «диахронии в синхронии языка», отраженных в работах Н.И. Гайнуллиной. На материале текста «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» рассмотрены аксиологические представления языковой личности с позиций диахронии в синхронии языка; акцентировано внимание на том, что аксиологические представления являются краеугольным камнем, на котором формируется языковая картина мира. Доказано, что универсальность, антропоцентричность и экспрессивность языковой картины мира зиждутся на фундаменте оценочности. Установлено, что одним из ведущих понятий, соотносимых с мелиоративной зоной шкалы оценок, является понятие чистоты, которое в сознании человека XVII века означало, конечно, не только чистоту помыслов, но и возведение служения Богу в главную жизненную цель, что для языковой картины мира реципиента конца XX – начала XXI века уже не характерно. В «Житии протопопа Аввакума» выявлено более 20 контекстов, содержащих средства выражения оценки. Доказано, что языковая картина мира, сопрягаемая с русским литературным языком XIX, XX и XXI веков, уже не предполагает такого разнообразия оценок и широты употребления средств выражения оценки именно в этой сфере.

Ключевые слова: Н.И. Гайнуллина; диахрония; аксиологические представления; языковая личность; языковая картина мира; оценочность

Для цитирования: *Мирзоева Л.Ю.* Аксиологическая составляющая языковой картины мира (на материале «Жития протопопа Аввакума») // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 29-34. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-29-34

Abstract. We made an attempt of development theoretical propositions “diachrony in synchrony of language”, reflected in the works of N.I. Gainullina. On the text material we consider axiological representation of a linguistic personality with a position diachrony in the synchrony of language; the attention is focused on the fact that axiological representations are the cornerstone on which the linguistic view of the world is formed. It is proved that the universality, anthropocentricity and expressiveness of the linguistic view of the world are based on the foundation of evaluativity. During the study we establish that one of the leading concepts correlated with the reclamation zone of the scale of assessments is the concept of purity, which in the human consciousness of the 17th century meant, of course, not only the purity of thoughts, but also the construction of service to God in the main life goal, which is not typical for the linguistic view of the world of the recipient of the late 20th – early 21st century. Our study reveal that in the “Hagiography of Protopope Avvakum” more than 20 contexts containing means of expression of evaluation. It is proved that the linguistic view of the world, coupled with the Russian literary language of the 19th, 20th

and 21st centuries, does not imply such a variety of estimates and the breadth of use of means of expression evaluation in this sphere.

Keywords: N.I. Gainullina; diachrony; axiological representations; linguistic personality; linguistic view of the world; evaluativity

For citation: Mirzoyeva L.Y. Axiologicheskaya sostavlyayushchaya yazykovoy kartiny mira (na materiale «Zhitiya protopopa Avvakuma») [Axiological component of the linguistic worldview (on the material of “Hagiography of Protopope Avvakum”)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 29-34. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-29-34 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Принимая во внимание тот факт, что оценочность служит фундаментом, на котором и формируется национально-специфичная картина мира, считаем, что ее можно рассматривать на диахронической оси.

Эволюция ценностных ориентаций, отраженных в языке с помощью ряда средств выражения оценки, является основной причиной, генерирующей трансформацию национально-специфичной картины мира, которая «передает особенности национального мировидения и отличается универсальностью, экспрессивностью, а также антропоцентричностью» [1, с. 12]. Поскольку в языковой картине мира главным критерием ценности реалий окружающей действительности является человек, она представляет собой «очеловеченную» модель мира.

По мнению Л.С. Выготского, отношение человека к окружающему миру, его оценка собственного места в нем – все эти феномены находят свое отображение в мире понятий, устойчивость которого является необходимой предпосылкой единства общения в любом языковом коллективе [2, с. 50-51].

Множество так или иначе систематизированных понятий образует систему лексических значений, а язык, как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова, «не только отражает, но и хранит культуру и передает ее из поколения в поколение» [3, с. 13]. Отражение через оценочные предпочтения языковой личности национальной специфики оценок отчетливо проявляется при анализе памятников XVII века, в особенности – «Жития протопопа Аввакума», который, по словам Д.С. Лихачева, был самым замечательным и самым известным русским писателем XVII века.

При рассмотрении системы средств выражения оценки в тексте «Жития» особого внимания заслуживает резкая разница оце-

ночных шкал автора и реципиента (в особенности если последний является носителем восточной культуры). Как известно, оценочная шкала имплицитно присутствует в сознании автора текста, но не находит формального выражения [4, с. 48]. По нашему мнению, оценочная шкала – это именно тот элемент оценочной системы, который организует высказывание, речь и, шире, целенаправленное поведение человека [5, с. 88], а также отражает национально-культурную специфику оценок.

Помимо этого, можно говорить о приоритетной роли оценочной шкалы в организации языковой картины мира. В целом же, как указывают В.И. Шаховский, В.В. Жура, «эмоциональный дейксис языковой личности и является результатом сложной системы ее взаимоотношений с окружающим микро- и макромиром» [6, с. 39]. Так, в «Житии протопопа Аввакума» мерилем ценностных ориентаций, крайним полюсом мелиоративной зоны шкалы оценок является понятие «старого благочестия»: «...держите старое благочестие крепко и непоползновенно!», – призывает Аввакум.

На пейоративном полюсе сосредоточены такие лексические средства выражения оценки, которые соответствуют понятиям «отступник», «еретик», «дьявол» и т. п. Целесообразно подробнее проанализировать средства выражения оценки, декодирование смысла которых может представить трудности для реципиента, ориентированного на представленную в современном русском языке языковую картину мира ее систему ценностей. Речь идет о том, что при исследовании текста «Жития...», как яркой иллюстрации понятия «языковая картина мира» с позиции диахронии, в синхронии языка налицо семантические сдвиги, произошедшие в системе средств выражения оценки и в самих

ценностных ориентациях. Так, в контекстах «Доброй человек, дворянин, друг... вкладчик в монастырь... ко мне зашел...»; «Его же (корабля. – Л. М.) ум человек не вместит красоты и доброты...»; «...и з доброю дружиною умерли Христа ради...» выделенные лексические средства выражения оценки по денотативному значению совпадают с общеоценочным оператором «хороший», главенствующим над частным значением «доброта как качество характера» (что в сознании человека конца XX – начала XXI века является семантическим ядром слова «добрый»).

Довольно трудна для восприятия с позиций реципиента наших дней (именно вследствие изменения картины мира и ее аксиологической основы!) и инверсия оценочного знака в средствах выражения оценки «прелесть», «прелестный»: в XVII веке, а в особенности – в восприятии идеолога раскола, каким являлся протопоп Аввакум, эти лексемы были наделены пейоративным оценочным значением. Ср.: «И мне столько забывать много для прелести сего века!»; «...и народы учил, обличая их (никониан. – Л. М.) злобесовное и прелестное мудрование». Следует отметить, что в проекции на оценочную шкалу человека XVII века «прелестный» – «прельщающий, отвращающий от истины, неправедный, следовательно, воплощающий все то, что должно быть с негодованием отринуто». В языковой картине мира и, соответственно, в системе оценок нашего современника, напротив, эти средства выражения оценки соотносятся с мелиоративным полюсом шкалы (прелестный – прекрасный, привлекательный) [7].

Однако, если носитель русского языка еще может обладать знанием прецедентных текстов, содержащих отрицательно оценочное значение данного слова, то для реципиентов с иной культурной ориентацией это значительно сложнее [8]. Одним из ведущих понятий, соотносимых с мелиоративной зоной шкалы оценок, является и понятие чистоты, которое в сознании человека XVII века означало, конечно, не только чистоту помыслов, но и возведение служения Богу в главную жизненную цель, что для языковой картины мира реципиента конца XX – начала XXI века уже не характерно: «Чист есмь аз и прах прилепший от ног своих отрясаю пред

вами...»; «Протопоп, ведаю-де я твое чистое, и непорочное, и богоподражательное житие...». Отметим, что первый из контекстов содержит ответ Аввакума на вселенском соборе патриархов, где он также стремился утвердить правоту старой веры.

При прочтении «Жития» и анализе системы средства выражения оценки необходимо, как уже указывалось, учесть разницу оценочных шкал, и – шире – языковой картины мира реципиента и автора. В теоцентричной системе оценок, присущей Аввакуму, и – шире – человеку XVII века, с мелиоративным полюсом шкалы оценок совпадает все, что угодно Богу. Ср., например, характеристику личности, в которой сконцентрированы положительно оцениваемые качества (по мнению Аввакума, они должны быть главными не только в священнослужителе, подвижнике, но и в любом «правоверном», благочестивом человеке): «Миленькой мой, храбрый воин Христов был. Зело вера и ревность тепла ко Христу была; не видал инова подвижника и слезоточца такова». Комментируя этот контекст, насыщенный положительно оценочными средствами выражения оценки, акцентируем внимание на мелиоративной характеристике «храбрый воин Христов», сигнализирующей не о воинской доблести (а с позиции языковой личности – носителя литературного русского языка конца XX – начала XXI века – в его языковой картине мира, храбрость – качество настоящего воина, но не служителя культа).

Специфическими характеристиками, связанными именно с православной культурой, являются такие оценочные лексемы, как *подвижник*, *слезоточец* (что в процессе трансформации и эволюции языковой картины мира подверглось значительным изменениям и переориентациям именно аксиологического характера). Аналогичные явления отмечены нами и в сфере пейоративных оценок. Так, в приводимом ниже контексте сосредоточены оценки, ориентированные на квазистереотипы как традиционные, характерные для данной лингвокультурной общности символы, существенные для видения мира данным народом [3]: «А человек, суете который уподобится, дние его, яко сон, преходят; скачет, яко козел, раздувается, яко рысь, съестъ хошет, яко змия, ржет зря на

чужую красоту, *яко жребя, лукаует, яко бес, насыщаяся невоздержно, без правила спит, Бога не молит; покаяние отлагает на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму...».*

Все выделенные нами оценочные сравнения национально специфичны и находят отражение в русском литературном языке XVII века, могут быть адекватно восприняты синхронным адресатом только в рамках характерной для данной эпохи языковой картины мира, кроме того, для верного восприятия данного контекста следует акцентировать внимание на оценочных смыслах слова «суета». В контексте жития, которое, несмотря на новаторство и смелость Аввакума, придавшего ему художественно-автобиографический характер, все же сохранило в определенной мере жанровую специфику, данная лексическая единица может быть истолкована только как антипод всего сакрального, устремленного к Богу. И, безусловно, с трудом воспринимается в XX веке (и даже при известном знакомстве с историей раскола) следующий оценочный контекст, повествующий о сожжении одного из борцов за старую веру: «Пускай ево испекли – хлеб сладок святой троице». Здесь, однако, отмечается противоречие в системе оценок не столько в контексте противопоставления «православная Русь и ее языковая картина мира – языковая картина мира носителя современного русского литературного языка», сколько в плане эволюции понятий «хорошо» – «плохо», которая в немалой степени определялась отходом от теоцентризма.

На пейоративной зоне шкалы оценок при функционировании языковой картины мира, «работающей» в системе текста «Жития», значительная роль отводится таким средствам выражения оценки, как «еретик», «отступник». Ср.: «Но грызутся *еретики*, что собаки, а без божьей воли проглотить не могут»; «...велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укаряю Никона, *еретика*»; «В то время Никон отступник веру казил и законы церковные...»; «Аще мне и умереть – со *отступниками* не соединюсь!»; «...и, не обинуясь, обличал никониянскую *ересь*...»; «Камень – Христос, а Сион – церковь, а блязнящиеся – *похотолобцы*, и все *отступницы*...».

Нами выявлено в «Житии» более 20 контекстов, содержащих данные средства выражения оценки. Характерно, что пейоративные оценки, относящиеся к еретикам, находят разнообразные средства выражения. Языковая картина мира, сопрягаемая с русским литературным языком XIX, XX и XXI веков, уже не предполагает такого разнообразия оценок и широты употребления средств выражения оценки именно в этой сфере. Приведем в качестве примеров контексты, содержащие метафорические средства выражения оценки и акцентирующие внимание на таких чертах объекта оценки, как лицемерие и притворство: «...а я по городом паки их, *пестрообразных зверей*, обличал...»; «В соборной церкви при царе остриг его *овчеобразный волк*...».

Теоцентризм оценочной системы человека XVII века, отраженный в «Житии протопопа Аввакума», диктует и следующую ее особенность, которую необходимо учитывать в процессе восприятия и анализа текста: своеобразным центром, вокруг которого сгруппированы отрицательные оценки, являются лексемы «антихрист», «дьявол». Ср.: «И много пружався со *дьяволом*, взошел на патриаршество божием попусцием, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою...» (о Никоне. – Л. М.) «Просто молить, *дьяволу* волю творят, а о Христове повелении не радят»; «...ано от тайных дел *ишии антихристов* стоит».

Симптоматично, что по интенсивности выражения негативной оценки они превосходят даже те средства выражения оценки, которые Аввакум употребляет в порыве самоуничтожения и которые также характеризуются пейоративно оценочной интенсивностью и, помимо этого, высокой степенью эмоциональности: «А я ничтоже есмь. Рекох и паки реку: аз есмь *грешник, блудник и хищник, тать и убийца*, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку *окаянной лицемерец*». В то же время с образом дьявола – центром пейоративной зоны шкалы оценок – связана и авторская ирония, что является прямым отступлением от жанровых канонов и свидетельством эволюции средств выражения оценки: «...а дьявол – какая диковина, чево ево боятца!». При сохранении негативной ориентации дьявол становится и объек-

том осмеяния. Подводя итоги анализа оценочной системы «Жития» с позиций выражения в нем языковой картины мира, характерной для соответствующей эпохи, отметим, что всего нами рассмотрено 254 оценочных контекста, причем негативная оценка содержится в 163 из них, позитивная – в 73, отмечены и оценки амбивалентного характера, органично совмещающие в себе положительное и отрицательное отношение к объекту, а также достоверностные квалификации. Большая часть их может быть воспринята адекватно как носителями русской культуры, в основе которой лежит православие, так и

носителями иных культур [9], безусловно, с поправкой на время написания и существовавшие в данную эпоху оценочные ориентации, и с учетом соответствующей языковой картины мира.

Таким образом, если же рассматривать в целом диахронический процесс становления оценочной лексики, то лексические экспликации значения общей оценки чрезвычайно важны в идеологическом отношении. Они развиваются и трансформируются в тесной связи со становлением различных, более дифференцированных оценок.

Список литературы

1. Саитова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира (на материале немецкого, русского и башкирского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 25 с.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1956. 548 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 7-17.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
6. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 38-56.
7. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
8. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 2010. 448 с.
9. Булдаков В.А. Словообразовательные средства выражения коннотации в лексике немецкого языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2008. № 2-2. С. 101-105.

References

1. Saitova E.M. *Imena lits vo frazeologicheskoy kartine mira (na materiale nemetskogo, russkogo i bashkirskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Names of Persons in the Phraseological Picture of the World (Based on Material of German, Russian and Bashkir Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Ufa, 2007, 25 p. (In Russian).
2. Vygotskiy L.S. *Izbrannyye psikhologicheskiye issledovaniya* [Selected Psychological Studies]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences RSFSR, 1956, 548 p. (In Russian).
3. Ter-Minasova S.G. *Lichnost' i kollektiv v yazykakh i kul'turakh* [The personality and collective in languages and cultures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19 – Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2003, no. 2, pp. 7-17. (In Russian).
4. Volf E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 228 p. (In Russian).
5. Gak V.G. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1998, 768 p. (In Russian).
6. Shakhovskiy V.I., Zhura V.V. *Deyksis v sfere emotsional'noy rechevoy deyatelnosti* [Deixis in the field of emotional speech activity]. *Voprosy yazykoznaneya – Topics in the Study of Language*, 2002, no. 5, pp. 38-56. (In Russian).
7. Mokiienko V.M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic Phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 287 p. (In Russian).
8. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg, 2010, 448 p. (In Russian).

9. Buldakov V.A. Slovoobrazovatel'nyye sredstva vyrazheniya konnotatsii v leksike nemetskogo yazyka [The word-building means of expressing connotations in the German vocabulary]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, vostokovedeniye, zhurnalistika – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2008, no. 2-2, pp. 101-105. (In Russian).

Информация об авторе

Мирзоева Лейла Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра языкового образования. Университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: mirzoeva@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, изучение источника, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4174-9897>

Поступила в редакцию 11.12.2018 г.

Поступила после рецензирования 09.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Leyla Y. Mirzoeva, Doctor of Philology, Professor, Language Education Department. Suleyman Demirel University, Almaty, the Republic of Kazakhstan. E-mail: mirzoeva@list.ru

Contribution: study conception, source study, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4174-9897>

Received 11 December 2018

Reviewed 9 January 2019

Accepted for press 20 February 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-35-41
УДК 81.282.2+81.373.421+81.373.423

Парадигматический аспект общерусского слова в архангельских говорах

Маргарита Константиновна ПАК

РГП «Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова»
470074, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9864-2359>, e-mail: pakmarkon@yandex.ru

All-Russian word paradigmatic aspect in the Arkhangelsk's sub-dialect

Margarita K. PAK

The Karaganda State University of the name of academician E.A. Buketov
28 Universitetskaya St., Karaganda 470074, the Republic of Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9864-2359>, e-mail: pakmarkon@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению парадигматического аспекта общерусских существительных на материале архангельских говоров. Рассмотрены общерусские существительные, отличающиеся богатой полисемией, в архангельских говорах имеющие большое количество смысловых эквивалентов, находящихся в отношении двусторонней импликации. В лексической синонимии, омонимии русских народных говоров наряду с различительными чертами отмечено много общего с синонимией, омонимией в лексике литературного языка. Установлено, что общерусские существительные имеют большие синонимические ряды, определяемые языковыми единицами, которые находятся между собой в отношениях семантической сопоставленности. В диалектной системе, как и в литературном языке, каждое лексическое значение имеет свой набор синонимов, что подтверждает определенную связь синонимии с полисемией, то есть очевидна определенная связь между парадигматическими отношениями и семантической структурой слова. Доказано, что в диалектной системе синонимический ряд расширяется за счет номинаций видовых ветвлений. Выявлена характерная детализация, фиксирующая предмет, явление с разным набором конкретных отличительных признаков, что создает определенные условия для богатой синонимии.

Ключевые слова: русская диалектная система; архангельские говоры; общерусские существительные; синонимический ряд; омонимия

Для цитирования: Пак М.К. Парадигматический аспект общерусского слова в архангельских говорах // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 35-41. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-35-41

Abstract. The research is devoted to the consideration of the paradigmatic aspect of All-Russian nouns based on the material of the Arkhangelsk's sub-dialects. We consider All-Russian nouns with rich polysemy in the Arkhangelsk's sub-dialects, which have a large number of semantic equivalents in relation to bilateral implication. In lexical synonymy, homonymy of Russian sub-dialects, along with distinctive features, there are many similarities with synonymy, homonymy in the vocabulary of the literary language. It is established that All-Russian nouns have large synonymic series defined by language units, which are in the relationship of semantic juxtaposition. In the dialect system, as well as in the literary language, each lexical meaning has its own set of synonyms, which confirms a certain connection of synonymy with polysemy, in other words, a certain connection between paradigmatic relations and the semantic structure of the word is obvious. It is proved that in the dialect system the synonymic chain expands due to the nominations of species branches. In this study we discover characteristic detailing fixing an object, the phenomenon with a different set of concrete distinctive signs that creates certain conditions for rich synonymy.

Keywords: Russian dialect system; Arkhangelsk's sub-dialects; All-Russian nouns; synonymic chain; homonymy

For citation: Pak M.K. Paradigmaticheskiy aspekt obshcherusskogo slova v arkhangel'skikh govorakh [All-Russian word paradigmatic aspect in the Arkhangelsk's sub-dialect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 35-41. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-35-41 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Рассмотрение вопроса о семантике общерусских существительных (ОС) представляет ценность для специалистов не только своей развитой семантической структурой, но и разветвленной системой межсловных взаимосвязей на парадигматическом уровне функционирования лексических средств общерусского характера. Многоаспектный лингвистический анализ парадигматических отношений на собранном диалектном материале дает дополнительные сведения для представления полной картины о коренных словах русского языка. Картоoteca Архангельского областного словаря (АОС), насчитывающая 5 млн карточек [1], содержит богатый фактический материал современных архангельских говоров, сохраняет интересные примеры, относящиеся к синонимии, омонимии, которые позволяют говорить о специфике системных отношений в области общерусских существительных в диалектной системе в сравнении с теми же явлениями в литературном языке (ЛЯ).

Многие исследователи (Л.И. Баранникова, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, Н.А. Лукьянова и др.) отмечали исключительное богатство синонимических средств в диалектной системе, исследование которых актуально. Известно, что ОС, отличающиеся богатой полисемией, в архангельских говорах имеют большое количество лексико-семантических эквивалентов, находящихся в отношении двусторонней импликации. В лексической системе разнообразных тождественных семантических единиц в русских народных говорах наряду с различительными чертами отмечается много общего с синонимией в лексике ЛЯ (см. подробнее [2]). Как правило, доминантным, основным словом синонимического ряда выступает общерусское слово, как наиболее употребительная, стилистически нейтральная единица, в результате определяющая его прагматическую специфику. ОС имеют большие синонимические ряды, составленные языковыми единицами, кото-

рые находятся между собой в отношениях семантической сопоставленности, «одноименности». В диалектной системе, как и в ЛЯ, каждый лексико-семантический вариант имеет свой набор синонимов (полных, частичных), что подтверждает определенную связь синонимии с полисемией, то есть очевидна конкретная связь между парадигматическими отношениями и семантической структурой слова [2, с. 24]. В нашей картотеке отмечено такое явление, когда в синонимическом ряду находятся лексемы, которые отличаются в своем первичном значении. Например, *дорога* «образ жизни кого-н.» – *век* «промежуток времени в сто лет»; *дело* «работа, занятие» – *жизнь* «особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития», *путь* «полоса земли, служащая для езды и ходьбы» и др. Е.А. Нефедова отмечает, что «общерусские слова, относящиеся по своим первичным значениям к разным, часто весьма удаленным друг от друга семантическим сферам, на каких-то отдаленных от начального шагах своего семантического развития могут вступать в синонимические отношения. При этом разные слова приходят к общему для них значению разными путями, и само это значение имеет неодинаковый статус в семантической структуре каждого из них» [3, с. 195].

В архангельских говорах широко распространены семантически эквивалентные единицы, представляющие однокорневые образования. Например, *дом* «жилое бревенчатое рубленое строение со всеми подсобными хозяйственными помещениями, находящимися под одной крышей» – *домага*, *доменко*, *домешко*, *домик* в 1 знач., *домишко*, *домовье* в 4 знач., *домок* в 1 знач., *домуха*, *домушек*, *домушко*, *домчик*, *домышек*; *дядя* «мужчина» – *дяденька* в 1 знач., *дядечка* в 1 знач., *дядько*, *дядюшка* в 1 знач., *дядюшко* во 2 знач., *мужик* «высокий крупный человек» – *дядина*, *дядька* в 5 знач., *дядюшка* во 2 знач., *дерево* «растущее дерево» – *дерева* в

1 знач., *деревенька* в 1 знач. и др. Богатую синонимию однокорневых образований демонстрируют следующие слова: *вечер* «зимние вечерние посиделки, вечернее собрание молодежи в помещении для рукоделия и развлечений», *двор* «задняя, нежилая (обычно двухъярусная) часть крестьянского дома, используемая для хозяйственных нужд», *горб* «пологая округлая возвышенность», *дождь* «очень сильный, продолжительный дождь», *горе* «неприятность, несчастье, бедность, нужда» и др.

В ряду тождественных семантических эквивалентов, функционирующих в архангельских говорах, отмечены преимущественно морфемные синонимы, то есть слова, относящиеся к разным словообразовательным типам от одного корня. Например, *деревинина*, *деревинко*, *деревье* в 1 знач., *деревко* в 1 знач., *деревце* в 1 знач., *деревье* в 1 знач., *деревяшка* в 1 знач., *гора* «небольшая возвышенность, холм» – *горица*, *горишка*, *горище* в 1 знач., *горок*, *горуха*, *горье*, *горяночка*; *дрова* «распиленная древесина, используемая в качестве топлива, дрова» – *дровеньки*¹, *дровеца*, *дровешки*, *дровешко*, *дровица*, *дровишко*, *дровишечка*, *дровишко*, *дровища*, *дровки*, *дровник* в 3 знач., *дровишка*, *дровня*, *дровушка*, *дровца*, *дровье* и др. Различные деривационные средства используются для образования новых номинаций, обозначающих важные реалии, имеющих существенное практическое значение для диалектоносителя в освоении окружающего мира. Устная форма бытования диалектного языка способствует широкому образованию новых дериватов посредством известных в системе языка морфем.

Развернутый синонимический ряд, где широко представлены различные сложные образования – приложения, манифестирует объемную значимую характеристику, широко бытующую в традиционной народной культуре. Так, существительное *хозяин* «мифическое существо, обитающее в доме, бане, сарае, помещении для скота, овине или в воде, в лесу» – *бука*¹ в 1 знач., *дед* во 2 знач., *дедуха*, *дедушка* во 2 знач., *дедушко*¹ в 4 знач., *дедушко-батаманушко*, *дедушко-братанушко* в 1 знач., *жировной*, *жировой*, *жихарь*, *жихорица*, *лешой*, *нечистая сила*, *обдериха*, *одерышек*, *суседко*, *хозяюшко*,

чертушко, *чертышко*; «мифическое существо, обитающее в доме» – *бабушка-доможирюшка*, *дед дома*, *дед-домовой*, *дед-сусед*, *дедко* в 4 знач., *дедко-доможирко*, *домо-домовой*, *дедушка домовой*, *дедушка-доможирюшка*, *дедушка-домовеюшка*, *дедушка-соседушка*, *дедушка-батаманушко*, *дедушко-богоданушко*, *дедушко-братанушко*, *дедушко-доманушко*, *дедушко-домоваюшко*, *дедушко-домовейко*, *дедушко-домовеюшко*, *дедушко-домовидушко*, *дедушко-доможирюшко*, *дедушко-модамушко*, *дедушко-домовеюшко*, *дедушка-домовой*, *дедушко-соседушко*, *домовей*, *домовик*, *домовичек*, *дяденька-батюшка*, *нечистая сила*, *суседушко-братанушко*, *хозяин жировой*; «мифическое существо, обитающее в доме и в помещении для скота» – *бабушка-доможирюшка*, *дед-домовой*, *дед-домовой*, *дедушка-домовеюшка*, *дедушко-доможижшишко*, *дедышко-домоведышко*, *доброхот* в 4 знач., *доброходушка* во 2 знач., *доброхотушко* во 2 знач., *доманушко*, *домашней хозяин*, *домашничек*, *домоваюшко*, *домовая ласточка*, *домоведушка* во 2 знач., *домоведушко*, *домоведушко-батюшко*, *домовей* в 1 знач., *домовейко*, *домовеюшка*, *домовешко*, *домовеюшко-батюшко*, *домовеюшко-братанушко*, *домовитой* во 2 знач., *домовичек*, *домовишко*, *домовой сосед (соседушко, суседко)*, *домовой хозяин (хозяинушко, хозяюшка)*, *домовоюшко*, *домовушко*, *доможижшишко*, *доможилко*, *доможир* в 3 знач., *доможирка* в 3 знач., *доможирко*, *доможирюшко*, *доможирюшко-домовой*, *домохозяйин* в 5 знач., *домохозяйюшко*, *запечник*, *ласка*, *соседка*, *суседко*, *суседушко-братанушко*, *шишко*, *шишко-доможирюшко* и др. [2]. В данном синонимическом ряду тождественные по значению существительные-эквиваленты актуализируют разные ассоциативные связи, признаки, характеризующие домового: родственные отношения – дедушка, дед, брат, дяденька; места обитания – дом, жира; главенство – хозяин, сам; близость нахождения – сосед; характер – доброта, ласка; сходство с другими мифическими существами – черт; сравнение – ласточка и др. [2, с. 26]. Актуализация какого-л. признака, особенности предмета свойственно диалектоносителям, такая детализация характеризует его наивно-языковое осознание мира. Ф.И. Буслаев точно подметил, что «словом мы выражаем не

предмет, а впечатление, произведенное оным на нашу душу. <...> Синонимы должны определяться не по предметам, ими означаемым, а по точке зрения, с которой человек смотрел на предмет при сотворении слова» [4, с. 273].

Известно, что каждый объект может быть охарактеризован по-разному, в зависимости от того, какой отличительный его признак берется в основу, в результате чего возможно несколько названий. Одна и та же реальность может быть представлена разными лексемами, актуализирующими различные релевантные признаки, как правило, существенную роль играет функциональный параметр [2, с. 26]. Диалектоноситель часто употребляет синоним для объяснения, толкования, уточнения неизвестного слова в ситуациях, когда собеседник является носителем литературной речи или не знаком с данной этнической культурой. Например, *Гороховики вопще-то, по писанию, они подосиновики, зовут красный грипп. Красноголовики, серы грибы – у нас много разных назоев, им имянь шыпко-шыпко много. У нас грохот, у них (в Пурнеме) ситеуха, з двумя ручьками, реденька, рыбу грохотят. Бабушка пошла по грибы, ну, по губы*. Встречаются примеры, где идет нанизывание синонимов.

Материал картотеки АОС показывает, что синонимический ряд образуют существительные как с конкретным, так и с абстрактным значением. Следует отметить, что в образовании синонимического ряда явное преимущество просматривается у существительных с конкретным, прямым значением.

Развитую синонимическую систему имеют не только общерусские слова, но и диалектные. Так, *дресва* «каменный песок, полученный при пережигании, прокаливании или дроблении особого камня для очистки от грязи» – *вороста, дерства, дреса, дресвица* в 1 знач., *дресвяк, дресвяничный камень, дресвяной камень, дресла, дресочка, дреста, дросва; дрясла* «мелкая галька, камешки, прибрежная полоса речной гальки» – *дресвица* во 2 знач., *дресвичка* во 2 знач., *дресвище; заводь* «тихое место у берега реки, залив; отмель» – *заходень* во 2 знач., *заходина, заводня, заводушка, заводья, заводюха, завойчик* «глубокое место у реки, омут» – *глубь* во 2 знач., *грива* в 5 знач., *ердан* в 3 знач., *жер-*

ло в 1 знач., *заброд, завал* в 3 знач., *заходень* в 3 знач., *заглубь; забой* «снежный нанос, большой сугроб» – *завой* в 1 знач., *заборка* в 7 знач., *завиль* в 1 знач., *сувой, сугробок, су-мет, угор* «ветер со снегом, сильный снегопад, вьюга, пурга» *завейка* в 1 знач., *завалиха* в 1 знач., *завируха* в 1 знач. и др.

Функционирование в архангельских говорах большого количества лексем, обозначающих одно и то же явление, объясняется не только развитой собственной, внутренней лексической системой, но и межсистемной интерференцией. В диалектной системе на основании общности значений ОС объединяются в большие междиалектные многокомпонентные синонимические ряды, куда могут входить слова, пришедшие в говор из других языков, диалектов, с которыми исторически была территориальная близость, языковые контакты, из ЛЯ, в результате чего появляются так называемые абсолютные синонимы. Например, *дедушко* «паук» – *бурмаши, мизгарь, мизгирь, мозгирь, музгирь, павок, паут, сетельник, сетник, сеточник, тенетчик, тенотчик, тентчик; глаз* «глубокое, обычно круглое, топкое место в болоте, топь» – *ванна², вяз², глазина, глазник, глазница* в 1 знач., *глазунец, глазье* во 2 знач., *дрябочина, жегла, жорно, замета, затоп, ключ, лайда, льва, ляга, ляговина, паун, плавун, рада, слив, сурадоу, талец, топь, трясица, утопель, чарус* и др. (см. подробнее вып. 10 [1]). В данном случае помимо собственно диалектных слов фиксируются существительные *лайда, льва*, заимствованные из финского языка, *судадоу, чаус* – происхождение неизвестно. По мнению О.Н. Мораховской, включенные слова из разных подсистем общенародного языка в синонимические ряды «приводят к перестройке отношений между его членами» [5, с. 228].

В диалектной системе синонимический ряд, демонстрирующий смысловую эквивалентность, активно расширяется за счет номинаций видовых ветвлений. Характерная для диалектного языка детализация, фиксирующая предмет, явление с разным набором конкретных дифференциальных признаков, создает определенные условия для богатой синонимии. Разноструктурные обозначения одного и того же акцентируют разные релевантные стороны обозначаемого, что позво-

ляет высветить в языковом представлении ту или иную отличительную особенность, существенную для практических диалектоносителей. Видовое разграничение в ряду похожих предметов характерных черт создает реальное условие для семантических вариантов номинации в синонимическом ряду. Так, большой ряд идеографических синонимов создается за счет номинаций, характеризующих предмет по разным отличительным признакам (место произрастания, цветовая характеристика, по форме, ценности, значимости, образное представление и др.). Например, слово *зайчик* «гриб подберезовик со светлой шляпкой» – *подберезоватик*, *моховик*, *подосинник*, *белоголовик* во 2 знач., *гриб белой*, *серокоренок*, *долгомошник*, *иван долгой*, *заяц*, *макар*; *белый гриб* «гриб с белой мякотью» – *боровик* в 3 знач., *бурой гриб*, *вахромей*, *дорогой гриб* в 1 знач., *питерской гриб*, *московик*, *подполковник*, *солдат*, *репник*, *толстокоренной гриб*, *каравай*, *ковришка*, *коровник*, *коровяк*, *оленной гриб*, *ореховик* и др.

В результате исторического развития в современных архангельских говорах полными синонимами, эквивалентными заменителями выступают следующие существительные: *дом*, *двор* «совокупность жилых и нежилых помещений под одной крышей», «нежилая часть крестьянского дома, используемая для хозяйственных нужд», «семья, дом, хозяйство»; *бой*, *драка* «драка» и др. Исследователи отмечают аналогичные примеры синонимии на разном языковом материале. Историческая особенность русизмов просматривается в синонимическом ряду. Так, существительное *глава* «верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, голова» имеет преимущественное число синонимов с полногласным сочетанием (голованушка, головашка в 1 знач., головенка в 1 знач., головизня, головина в 1 знач., головица в 1 знач., головища, головка в 1 знач., головонька, головуха, головушка в 1 знач. и др.). Исторически сложившаяся традиция русского семейного уклада характеризует набор зафиксированных синонимов, обозначающих мужчину, пришедшего жить в дом жены: *дворовик* в 1 знач., *дворовой*² во 2 знач., *дворяга* в 1 знач., *животан*, *животник*, *приемщик*, *приемыш* и др.

Зафиксированы примеры синонимических рядов устойчивых сочетаний, в составе которых выступает общерусское существительное. Например, *крестовые дороги* «перекресток» – две (три) дороги, дорога на четыре стороны, крестовые дорожки, роستانые дороги; (идти и) дороги не видеть «передвигаться, не разбирая дороги» – не видеть пути (под собой), дорога мала, доставать землю ухом; *двоежирной дом* «двухэтажное жилое бревенчатое строение» – верх да низ, горница на подызбице, две жиры, двужирной дом, дом с верхами, дом на подвалах; *красное дерево* «комнатное растение бальзамин» – девья краса в 3 знач., сахарное дерево; *выше глаз* «с избытком, очень много» – через глаза, полны глаза (чего), до глаз, не с божьи глаза, больше большего, через голяшку, до горла; *глаза едут спать* «очень хочется спать» – лоб на глаза накатывается; *глаза росширить* «удивиться» – вывернуть глаза, выломить глаза, глазища выворотить на леву(ю) сторону, горло разинуть, рот росширить; *худо(е) дело* «плохо, трудно, неудачно, ужасно, страшно, опасно» – бедово(е) дело в 1 знач., гиблое дело, негожо дело, неладно дело, непутево дело, нетодельное дело и др.

Итак, существительные с конкретным значением имеют развитую систему синонимов ОС, ярко демонстрирующую взаимосвязь предметов и явлений окружающего мира, органическую связь семантического тождества и различия, отражают особенности структурирования семантического пространства. Богатая лексическая синонимия, имеющая глубокое диахроническое семантическое основание, отображает своеобразие видения окружающего мира, когнитивной обработки действительности диалектоносителями.

На уровне парадигматики семантические отличия в архангельских говорах возможны не только в синонимии, но и в плане омонимичных явлений. Многие исследователи (О.Г. Гецова, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова и др.) отмечали широкое функционирование в диалектной системе слов с идентичной звуковой оболочкой и грамматической формой при семантическом различии. Развитая омонимия в современной диалектной системе обусловлена денотативной основой в лексическом значении слова, в основе семантиче-

ского сдвига лежит, как правило, утрата общих семантических элементов, функциональный перенос. В данном случае речь должна идти именно о соотносительности, а не о прямолинейной связи, которая обычно кладется в основу семантических дифференциальных признаков языковой единицы. Широко употребительные ОС в результате разрыва первоначальной семантики могут служить базой для создания обозначений, не связанных ассоциативно предметом, явлением. В нашей картотеке отмечены омонимы следующих общерусских существительных: *бабка*, *бабочка* – 7 омонимов; *баба*, *ворот* – 6 омонимов; *бабушка* – 5 омонимов; *вал* – 4 омонима; *бочка*, *воля*, *гриб*, *губа*, *доля* – 3 омонима; *брань*, *воз*, *воздух*, *ветка*, *гладь*, *город*, *грохот*, *грубость*, *девушка*, *добро*, *долг*, *ель*, *кулак*, *лен*, *живот*, *руда* – 2 омонима и мн. др. Проанализированный материал свидетельствует о том, что в архангельских говорах система омонимов более развита, чем в ЛЯ. В АОС отмечены омонимы, отсутствующие в ЛЯ: *ель*, *дичь*, *доля* и др. Омонимичные слова, как результат длительного исторического развития лексико-семантической системы, чаще всего обозначают различные материальные предметы, важные и необходимые в обычной каждодневной крестьянской жизни, характерные для данной местности природные явления. Например, *бочка* – *бочка*² «деревянное сиденье, полка на носу и корме лодки», *бочка*³ «ручка цепа», *гребень* – *гребень*² «весло», *гребень*³ «грубое домотканое полотно»; *враг* – *враг*¹ «овраг, глубокая канава», *враг*³ «сильный ветер, буря» и др. Развитию омонимии, как и синонимии, способствует заимствованное слово из ЛЯ, другого говора. Так, *дружба* – *дружба*³ «электропила определенной марки», *гриб* – *гриб* «любой съедобный гриб», *гриб*² «оборка, волан», *гриб*³ «грипп» и др. Омонимичные слова, как правило, относятся к одной части речи – имени существительному, но могут отличаться частеречной принадлежностью. Например, омонимы существительные: *девушка*¹ «незамужняя молодая женщина», *девушка*² «кость щиколотки», *грех*¹ «наруше-

ние религиозных предписаний, правил», *грех*² «детская игра», *пирог*¹ «печеное изделие из теста с какой-л. начинкой», *пирог*² «длинный узкий плод некоторых растений, раскрывающийся на две половинки, створки, заключающие в себе семена»; существительное – местоимение – наречие: *друг*¹ «товарищ, приятель», *друг*² «другой, рядом находящийся человек, предмет, явление», *друг*³ «неожиданно, внезапно; быстро, мгновенно»; существительное – наречие: *даль*¹ «далеко расположенное, отдаленное место», *даль*² «вдаль, на большое расстояние», *вечер*¹ «зимние вечерние посиделки, вечернее собрание молодежи в помещении для рукоделия и развлечений», *вечер*² «вечером, в вечернее время» и др. Омонимичными словами могут выступать как общерусские существительные, так и диалектные (*гребло*¹ «приспособление для сгребания чего-н. сыпучего, состоящее из деревянной колодки, прибитой перпендикулярно к длинной ручке», *гребло*² «лесная возвышенность», *гребенина*¹ «грубое домотканое полотно», *гребенина*² «предназначенное для сгребания сено», *душник*¹ «отверстие в крыше (потолке) или стене топящегося по-черному бревенчатого строения для выхода дыма», *душник*² «травянистое растение» и др.).

Омонимичные языковые единицы, относящиеся к разным предметным сферам, но соотносительные друг с другом в чем-л., как правило, обозначают различные реалии, важные в каждодневной практической деятельности сельского человека. В развитой системе омонимии, характеризующейся семантическим разрывом полисеманта, усматривается некоторый рациональный подход диалектоносителей к имеющемуся лексическому фонду языка.

Богатая синонимия, омонимия общерусских существительных в архангельских народных говорах демонстрируют убедительную картину их широкого реального функционирования, особенности структурирования семантического пространства носителями языка.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. М., 1980–2015. Вып. 1-16.

2. Пак М.К. Особенности синонимии в диалектной системе // Вестник Карагандинского университета. Серия филология. 2010. № 2 (58). С. 23-28.
3. Нefeldова Е.А. Многозначное слово в микро- и макросистеме диалектного языка // Аванесовские чтения: Междунар. науч. конф.: тез. докл. / под общей ред. М.Л. Ремневой, М.В. Шульги. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 193-195.
4. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
5. Мораховская О.Н. Лексикология и лексикография // Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 203-234.

References

1. Getsova O.G. (ed.). *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk's Regional Dictionary]. Moscow, 1980–2015, vol. 1-16. (In Russian).
2. Pak M.K. Osobennosti sinonimii v dialektnoy sisteme [Peculiarities of the synonymy in the dialectal system]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya filologiya – Bulletin of University of Karaganda. Series Philology*, 2010, no. 2 (58), pp. 23-28. (In Russian).
3. Nefedova E.A. Mnogoznachnoye slovo v mikro- i makrosisteme dialektnoy yazyka [Polysemantic word in micro and macro-system of dialect language]. In: Remneva M.L., Shul'ga M.V. (gen. eds.). *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Avanesovskiy chteniya»* [International Scientific Conference Abstracts "Avanesov Readings"]. Moscow, MAKS Press Publ., 2002, pp. 193-195. (In Russian).
4. Buslayev F.I. *Prepodavaniye otechestvennogo yazyka* [The National Language Teaching]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1992, 512 p. (In Russian).
5. Morakhovskaya O.N. Leksikologiya i leksikografiya [Lexicology and lexicography]. In: L.L. Kasatkin (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Publishing Center "Akademiya", 2005, pp. 203-234. (In Russian).

Информация об авторе

Пак Маргарита Константиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы. Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан. E-mail: pakmar-kon@yandex.ru

Вклад в статью: анализ литературы, идея, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9864-2359>

Поступила в редакцию 12.12.2018 г.

Поступила после рецензирования 11.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Margarita K. Pak, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Literature Department. The Karaganda State University of the Name of Academician E.A. Buketov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan. E-mail: pakmar-kon@yandex.ru

Contribution: literature analysis, idea, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9864-2359>

Received 12 December 2018

Reviewed 11 January 2019

Accepted for press 20 February 2019

Дефис как нетрадиционный знак орфографии

Антонина Семеновна ЩЕРБАК^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4421-1884>, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

The hyphen as a non-traditional sign of orthography

Antonina S. SHCHERBAK^{1,2}

¹Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University
117, MaChang Rd, Tianjin 300072, People's Republic of China
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4421-1884>, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен такой небуквенный знак русской орфографии, как дефис, который был предметом повышенного внимания известного казахстанского ученого Н.И. Гайнуллиной. Обращено внимание на тот факт, что в письменных работах сегодняшних бакалавров, магистрантов и даже аспирантов путаются три знака: ТИРЕ как знак препинания, ДЕФИС как знак орфографии и «долгое» ТИРЕ, появившееся в результате освоения информационных технологий и компьютерно-сетевой тематики, так называемое «интернетовское» «длинное тире». На материале примеров написания русских топонимов установлено, что среди существующих в настоящее время рекомендаций относительно применения дефиса и содержащихся в действующем, известном всем носителям русского языка своде орфографических правил, нет четких обозначений, которые бы предусматривали его использование для разбиения сложных топонимов; выделены причины нерешенности вопросов правописания сложных топонимов. Установлены «выразительные цели» использования дефиса, постановка которого противоречит традиционному написанию слова, и доказано, что употребление дефиса в различных текстах следует рассматривать как проявление индивидуально-авторских особенностей почерка, когда достигается главная цель автора текста – донести предложенные тонкости смысла слов и изящество формулы самовыражения.

Ключевые слова: Н.И. Гайнуллина; русский язык; орфографический знак; дефис

Для цитирования: Щербак А.С. Дефис как нетрадиционный знак орфографии // Нефилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 42-48. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-42-48

Abstract. In this study we consider such a nonalphabetical sign of Russian orthography, as the hyphen, which was field of increased focus of the famous Kazakh scientist N.I. Gainullina. Attention is drawn to the fact that in the written works of today's bachelor's, master's degree student and even postgraduate students are confused three characters: a dash as a punctuation mark, a hyphen as a sign of orthography and em dash, or "long dash", which appeared as a result of the development of information technology and computer-network topics, the so-called "Internet" "long dash". Based on the material of examples of writing Russian toponyms found that among the currently existing recommendations on the use of hyphen and contained in the current, known to all Russian speakers set of orthographic rules, there is no clear notation that would provide for its use for the division of complex toponyms; we highlight the reasons for the unresolved spelling of complex toponyms. It has been established that the "expressive purposes" of the hyphen usage, the statement of which contradicts the traditional spelling of the word, and it is proved that the use of the hyphen in various texts should be considered as a manifestation of the individual author's

handwriting features, when the main goal of the author of the text is achieved-to convey the proposed subtleties of the meaning of words and the elegance of the formula of self – expression.

Keywords: N.I. Gainullina; Russian language; orthographic sign; hyphen

For citation: Shcherbak A.S. Defis kak netraditsionnyy znak orfografii [The hyphen as a non-traditional sign of orthography]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 42-48. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-42-48 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Рассмотрение такого знака русской орфографии, как *дефиса*, было предметом повышенного внимания известного казахстанского ученого Н.И. Гайнуллиной. Как лексиколога, знающего историю русского литературного языка, ученого интересовал дефис с позиции экологии языка [1]. По мнению ученого, современные толковые словари «уже указывают на тенденцию к развитию вторичных значений, актуализированных через явно обозначившуюся сочетаемость ее с широким кругом лексического партнерства из разных сфер применения. Ср.: 2. Состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и окружающей среде. Экология леса. Экология водоема, почвы. Экология человека или социальная экология (взаимодействие человека, общества и окружающей среды). Экология культуры (перен.: область науки, относящаяся к сохранению культурного наследия)» [2, с. 1121].

Н.И. Гайнуллина справедливо подчеркивает, что именно в переносном употреблении следует искать истоки применения лексемы «экология» относительно к фактам языка, поскольку язык и культура тесно взаимосвязаны.

Для языка и для культуры характерно их особое свойство – нормативность. Из этого следует, что язык и культура являют собой формы сознания, язык – это часть культуры и одновременно часть окружающего человека мира. И язык, как и все, что окружает человека и соприкасается с человеком, требует «охраны». Всегда считалось, что язык – это средство объединения людей, а не разъединения. Но сегодня порой получается наоборот.

Применительно к языку требование чистоты все больше расширяет внутреннее, глубинное содержание, в которое включается и правильность, и точность выбора языковых единиц разных уровней для конкретной коммуникативной ситуации, и орфографическая правильность написания слов, и пунктуационная составляющая высказываний, и многое

другое, что всегда было предметом внимания, прежде всего, лексикографов, составлявших нормативные словари и справочники русского языка.

Кто из старшего поколения поймет, что такое «фейк» (подделка в широком смысле) или селЕбрити – известная личность, постоянно упоминаемая в СМИ, то есть «у всех на слуху», это люди, знаменитые тем, что они знамениты? Кто из младшего поколения сегодня знает значение слова «кумачовый»? К сожалению, учащиеся ассоциируют его со словом «кума». Читая стихотворение «Бородино» М.Ю. Лермонтова, вряд ли кто из школьников скажет, что означает слово «кивер».

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

Особое свойство – нормативность применима и к орфографии, и к пунктуации. В настоящее время обращает на себя внимание одна функциональная особенность использования такого небуквенного орфографического знака русской письменности (черточка), как дефис, активизировавшегося в последнее десятилетие. Наши наблюдения показывают, что в письменных работах сегодняшних бакалавров, магистрантов и даже аспирантов путаются три знака:

- ТИРЕ как знак препинания;
- ДЕФИС как знак орфографии;
- «долгое» ТИРЕ, появившееся в результате освоения информационных технологий и компьютерно-сетевой тематики, так называемое «интернетовское» длинное тире.

Думается, этому способствует компьютерный набор текста, когда могут участвовать и короткое тире («-»), используемое преимущественно в англо-американской пунктуации), и цифровое тире («-»), используемое для указания диапазона чисел и выравнивания посередине цифр, и «долгое» ти-

ре («—») как пунктуационный знак, которого нет в русской пунктуации.

Подобного рода языковые факты свидетельствуют о том, что появляются новые проблемы, связанные не только с лексикой, но и с изменениями в русской орфографии и пунктуации, что и определяет новое направление в научных поисках, названное экологией языка.

Чистота русского языка является обязательным требованием, нарушение которого вызывает в наши дни бурную реакцию и негативную оценку со стороны лингвистов и рядовых носителей языка, осуждающих его «неправильности», к числу которых относятся и проникновение нелитературных форм выражения, активно проникающих во все области использования, в том числе и на страницы СМИ в разных их проявлениях, что требует своего решения.

Заметим, что научный интерес Н.И. Гайнуллиной был сосредоточен не только на истории русского литературного языка, но на актуальных процессах современного русского языка, в том числе на заимствованной лексике. Так, в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (в 12 томах) она подчеркивает, что эпистолярный Петра Великого и его корреспондентов отражает особенности освоения новых заимствованных слов русским языком в начальный период становления его как национального [3; 4]. Рассуждая о заимствованиях в русском языке, Н.И. Гайнуллина подчеркивает: «Я недавно читаю в газете слово «он-лайнский», Это сейчас очень модное словечко, действительно очень емкое, синтетичное. «Он-лайн», то есть в момент речи, в линейной речи что-то, допустим, используемое. Но от него-то уже пошло словообразование – посмотрите, как легко и хорошо. А всего-то было взято одно английское слово, причем вначале даже не адаптированное, оно писалось по-английски и было варваризмом. А язык взял и растворил его в собственном материале». На вопрос: «Значит, бояться за русский язык не стоит? А то некоторые ура-патриоты в России готовы «культурный поход» объявить за сохранение «великого и могучего», – отвечает: «Мы знаем, что если язык имеет сильную основу, которая на протяжении тысячелетий развивается и сохраняется при контактах с другими

языками и заимствовании из них, но остается при этом этнически значимым – такой язык силен, и это культурный язык. Вот русский – как раз один из таких языков. И он прекрасно переработает любой иноязычный материал, при этом заимствуя то, что ему нужно, но дальше развиваясь при этом по своим законам. Так что по-русски мы еще поговорим. И в он-лайне тоже» [5].

Между тем, отмечается прилагательное *онлайнный*, которое пишется без дефиса. Ср.:

*Онлайнный каталог (online catalog) – это нечто большее, чем простой перевод информации из традиционных каталогов в электронный формат. Вместо того чтобы просматривать горы отдельных, часто устаревших каталогов поставщика, покупатели могут использовать мощные поисковые возможности Интернета, сравнивая товары сразу по нескольким параметрам, включая цену, даты поставки, гарантии, информацию по обслуживанию и т. д.*¹

Итак, среди существующих в настоящее время рекомендаций относительно применения ДЕФИСА и содержащихся в действующем, известном всем носителям русского языка своде орфографических правил, нет четких обозначений, которые бы предусматривали его использование для разбиения любого слова.

В справочнике по орфографии и пунктуации Н.С. Валгиной и В.Н. Светлышевой сказано: «При колебаниях между дефисным и слитным написанием листованных сложных слов предпочитается второе, если в русском языке в этом слове нет самостоятельного корня (или он не выделяется)» [6, с. 58]; в качестве примеров приводятся слова *ватервейс* и *ватервейс*, *ватер-поло* и *ватерполо*, *ватер-линия* и *ватерлиния*. «Если самостоятельный корень в русском языке выделяется, то слово следует писать через дефис» [6, с. 58]; *пресс-бюро*, *пресс-конференция*. Между тем так и нет четкого объяснения написания слов с отдельным и дефисным написанием типа *мини юбка* и *мини-юбка*.

Особенно наглядно проявляется противоречивость в реализации действующих орфографических правил в правописании слитного или полуслитного написания топонимов

¹ URL: <https://lektcii.org/2-63586.html> (дата обращения: 13.12.2018).

мов. Речь идет о правописании сложных топонимов, начинающихся на *Верхне-, Нижне-, Старо-, Ново-, Мало-, Средне-, Красно-, Центрально-*, например: *Новомосковск* и *Ново-Перedelкино* как слитно-дефисное написание топонимов, когда возникает трудность в написании прописной или строчной буквы второго компонента названия.

Анализ данных Реестра адресов г. Тамбова, утвержденного Постановлением главы администрации г. Тамбова от 11 января 2007 г. № 140 «Об утверждении Реестра адресов города Тамбова» с данными других городов, и материалов Интернета показывает, что написание топонимов расходится. Например: *Ново-южная* (г. Тамбов) и *Новоюжная* (с. Комсомolec, Тамбовская обл.); *Ново-ленинградская* (г. Тамбов) и *Новоленинградская* (гг. Смоленск, Самара); улица *Новолипецкая* (г. Елец) и *Ново-липецкая* (г. Тамбов); улица *Ново-северная* и *Новосеверная*; улица *Ново-лагерная* и *Ново-лагерная*; переулок *Ново-огородный* и *Ново-огородный*; улица *Новопо-лынковская* и *Ново-пыльковская*, проезд *Новорубежный* и *Ново-рубежный*; *Ново-стремная* и *Ново-стремная* (различное написание на карте г. Тамбова и данных Интернета). На карте Липецка отмечены улицы *Ново-тепличная*, *Новокарьерная*, *Ново-Весовая* [7].

В издании «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» под редакцией В.В. Лопатина отмечается, что географические названия с первой частью *Ново-* могут писаться как слитно, так и через дефис [8].

Думается, что нерешенность вопросов правописания сложных топонимов можно объяснить рядом причин, к числу которых относятся:

1) теоретическая разработка проблем ономастики в лингвистических работах начала целенаправленно осуществляться только в середине XX века;

2) первый официально утвержденный свод правил русского правописания, обязательный для всех учреждений и граждан, «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. не охватывал все случаи правописания географических названий, что и послужило появлению противоречий в написании топонимов;

3) издание «Правила русской орфографии и пунктуации» не включало отдельного раздела, посвященного вопросам орфографии топонимических единиц;

4) иллюстрированный топонимический материал в издании «Правила русской орфографии и пунктуации» был включен фрагментарно, авторы справочника не учитывали структурные особенности конкретных топонимических моделей;

5) у носителей русского языка отсутствовало представление о сформировавшихся обоснованных правилах написания топонимов и, как следствие, – отмечалась несформированность орфографических норм относительно однозначного написания топонимов.

Противоречивость действующих орфографических правил при написании, например, адресных линейных топообъектов на территории Российской Федерации находит отражение среди сложных проблем современной орфографии, где особое место занимают вопросы слитого, раздельного и дефисного (полуслитного) написания топонимов, а также их написание с прописной буквы или со строчной буквы после дефиса.

В последние годы в области художественной литературы также отмечаются отдельные случаи применения дефиса, позволяющие говорить о новой тенденции в области использования дефиса. В этой связи не случайно в новом «Своде правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» находим специально отведенный § 37, в котором составители указывают, что «в любых текстах (чаще в художественных и публицистических) дефис может использоваться в выразительных целях» [9, с. 62].

Исходя из такого назначения дефиса – показать «выразительные цели», Н.И. Гайнуллина определяет функциональную значимость дефиса в научном тексте. Речь идет о том, что употребление дефиса следует рассматривать для «выделения (смыслового и произносительного) какой-либо части слова». Действительно, в этом случае проявляется «языковая ТОНКОСТЬ, изящество формулы самовыражения. Это требование хорошо просматривается на примерах конструктивного сближения дефисно-цепочного написания слова. Ср.: «<...>. Из выступления Н.С. Михалкова по ТВ: «Счастье – это не

когда получилось и не когда получится, а когда по-лу-ча-ется» [10, с. 162]. Использование дефиса в указанной «выразительной» функции имеет место не только в публицистических текстах (о чем говорит и приведенный иллюстративный пример), но и в научных текстах.

Н.И. Гайнуллина считает, что «выразительную» функцию дефис имеет и в научном стиле изложения, в котором функциональное назначение этого небуквенного знака в последние годы обозначилось не менее, если не сказать более определенно, чем в публицистическом или художественном тексте. По мнению Н.И. Гайнуллиной, «выразительная функция уступает в нем место дефинитивно-уточняющей, релевантной именно для научного текста» [1, с. 43]. В доказательство данного суждения ею приводятся факты активного использования дефиса в научном почерке известного философа русского языка В.В. Колесова. Ученый подчеркивает, что именно его работы последних лет (В.В. Колесова) демонстрируют широчайшую палитру заложенных смыслов, которые может передавать (и передает!) дефис, служащий тонкости, точности и самовыражению.

Использование дефиса в нетрадиционном употреблении в научном тексте «работает» на экологию языка в аспекте понимания чистоты, точности письменной речи и емкости мысли в процессах коммуникации на фоне нередко встречающихся даже в научных работах небрежностей в манере изложения.

Как известно, для научного стиля характерны точность и емкость выражения мысли, это главное требование и залог коммуникативной удачи, чего обычно и добиваются ученые, когда им необходимо в наглядной и экономной форме объективировать внутреннее содержание слова, способствующее передаче научной мысли, особенно важной для понимания сложного научного текста. И дефис, как показывают наблюдения Н.И. Гайнуллиной, за поведением этого знака в трудах ученых, в подобных случаях выступает целесообразным орфографическим небуквенным знаком, казалось бы, противоречащим традиционному написанию слова.

Проиллюстрируем использование дефиса на примере из работы В.В. Колесова [11, с. 36]: «Перечисление «образов» начинается с аллегии (это символ, в котором мысль, то есть идея обнажена) и затем через метафору и разного рода «предметафор <...> доходит до самых «тонких» фигур, способных создавать «образ» посредством **во-ображения и пре-ображения** идеи – до иронии, насмешки и сарказма <...>».

Нетрадиционные префиксальные доминирующие орфограммы ВО- и ПРЕ-, выделенные с помощью дефиса, помогают «(и даже настраивают и заставляют адресата научного текста!)», по мнению Н.И. Гайнуллиной, проникнуть внутрь фрагментов слов, дифференцировать их семантику с соответствующими оттенками и тонкостями заложенного смысла, весьма важного именно для данного контекста «(вообразить «представить» и преобразовать «изменить представленное, превратить в нечто иное)» [1, с. 45].

В этом случае следует говорить об индивидуально-авторской черте научного стиля, когда достигается главная цель автора научного текста – экономно донести предложенные тонкости смысла слов, нацелив самого читателя реализовать данную процедуру через экспликацию небуквенного знака – дефиса.

Орфограммы ВО- и ПРЕ-, выделенные с помощью дефиса, как языковые симптомы, способствуют установлению внутреннего состояния ученого, поскольку подобные языковые факты свидетельствуют об особой экспрессивной функции языка, позволяющей пишущему (создателю научного текста) «выразить себя», то есть свои мысли, суждения.

Таким образом, использование дефиса в различных типах текстов позволяет их создателям с точностью и тонкостью заострить внимание на определенном слове и говорить об индивидуально-авторской черте научного стиля, когда автор научного текста достигает главной цели – донести предложенные тонкости смысла слов до читателя, чтобы он самостоятельно осмыслил этот процесс через экспликацию небуквенного знака – дефиса.

Список литературы

1. Гайнуллина Н.И. Дефис с позиций экологии языка // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 41-45.
2. Толковый словарь русского языка. С включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008. 1175 с.
3. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации. Алматы: Қазақ университеті, 2008. 295 с.
4. Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2004. № 2 (74). С. 4-7.
5. Козлов С. Ясность речи. URL: http://np.kz/people/2598-jasnost_rechi.html (дата обращения: 13.12.2018).
6. Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Справочник по орфографии и пунктуации. М.: Высш. шк., 1993. 335 с.
7. Щербак А.С. Рекомендации по правописанию урбанонимов при реализации законов о наименовании и переименовании адресных линейных объектов Российской Федерации. Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2017. 27 с.
8. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
9. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация / под ред. О.Е. Ивановой. М.: Азбуковник, 2000. 396 с.
10. Харченко В.К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики: книга рисков. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2008.
11. Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: Изд-во СПбУ, 2003. 471 с.

References

1. Gainullina N.I. Defis s pozitsii ekologii yazyka [A hyphen from the perspective of ecology of language]. In: Shcherbak A.S. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Linguistic and Speech Ecology”]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2012, pp. 41-45. (In Russian).
2. Shvedova N.Y. (executive ed.). *Tolkovyuy slovar' russkogo yazyka. S vklyucheniym svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. With the Inclusion of Information on the Origin of Words]. Moscow, 2008, 1175 p. (In Russian).
3. Gainullina N.I. *Zaimstvovannaya leksika v Petrovskuyu epokhu: protsessy adaptatsii* [Loan Words in the Peter the Great's Era: Adaptation Processes]. Almaty, Қазақ universiteti, 2008, 295 p. (In Russian).
4. Gainullina N.I. O smeshannom kharaktere russkogo yazyka i norme perekhodnogo perioda [On the mixed nature of the Russian language and the norm of the transition period]. *Vestnik Kazakhskogo natsional' nogo universiteta. Seriya filologicheskaya – KazNU Bulletin. Philology Series*, 2004, no. 2 (74), pp. 4-7. (In Russian).
5. Kozlov S. Yasnost' rechi [Clarity of speech]. (In Russian). Available at: http://np.kz/people/2598-jasnost_rechi.html (accessed 13.12.2018).
6. Valgina N.S., Svetlysheva V.N. *Spravochnik po orfografii i punktuatsii* [Guide to Orthography and Punctuation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, 335 p. (In Russian).
7. Shcherbak A.S. *Rekomendatsii po pravopisaniyu urbanonimov pri realizatsii zakonov o naimenovanii i pereimenovanii adresnykh lineynykh ob"yektov Rossiyskoy Federatsii* [Recommendations for the Spelling of Urbanonyms in the Implementation of the Laws on the Name and Rename the Address of the Linear Bodies of the Russian Federation]. Tambov, LLC “Tsentr-press”, 2017, 27 p. (In Russian).
8. Lopatin V.V. (ed.). *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskyy spravochnik* [Rules of Russian Orthography and Punctuation. Full Academic Reference]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 480 p. (In Russian).
9. Ivanova O.E. (ed.). *Svod pravil russkogo pravopisaniya. Orfografiya. Punktuatsiya* [Set of Rules of Russian Spelling. Orthography. Punctuation]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, 396 p. (In Russian).
10. Kharchenko V.K. *«Belyye pyatna» na karte sovremennoy lingvistiki: kniga riskov* [“White Spots” on the Map of Modern Linguistics: Risk Book]. Moscow, Maksim Gorky Institute of Literature and Creative Writing Publ., 2008. (In Russian).
11. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazykoznaniiya: ocherki i etyudy* [History of Russian Linguistics: Essays and Studies]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2003, 471 p. (In Russian).

Информация об авторе

Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; профессор кафедры русского языка. Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоповедения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ исследований Н.И. Гайнулиной, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4421-1884>

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Antonina S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation; Professor of Russian Language Department. Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Contribution: study conception, researches analysis of N.I. Gainullina, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4421-1884>

Received 23 January 2019

Reviewed 20 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-49-53
УДК 82

Еще раз о проблеме автора «Слова о полку Игореве»: почему все герои «Слова», здравствующие на 1185 год, являются родственниками Андрея Боголюбского?

Алексей Алексеевич БУРЫКИН

ФГБУН «Институт лингвистических исследований РАН»
199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9119-2698>, e-mail: albury@rambler.ru

A few more words about the author's problem “The Tale of Igor's Campaign”: why are all the characters of “The Tale”, living at 1185, relatives of Andrei Bogolyubsky?

Aleksey A. BURYKIN

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Ln., St. Petersburg, Russian Federation, 199053
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9119-2698>, e-mail: albury@rambler.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению родственных отношений между князьями, упоминаемыми в «Слове о полку Игореве», и Андреем Боголюбским, попытке разобраться с неоднозначностью идентификации князей, упомянутых в «Слове» с теми историческими личностями, которые известны нам по именам из летописей. Выявлены особые пристрастия автора «Слова о полку Игореве» к князьям, состоявшим в родстве с Андреем Боголюбским. Доказано, что, несмотря на то, что главными героями повествования «Слова о полку Игореве» являлись Ольговичи, потомки Олега Гориславича – его внуки Игорь и Всеволод, его же внуки Святослав Киевский и Ярослав Черниговский, большинство героев «Слова о полку Игореве», к которым обращался в своем «Златом слове» Святослав, – это близкие и дальние родственники Андрея Юрьевича Боголюбского. Это утверждение справедливо даже в тех случаях, когда идентификация того или иного князя затруднительна, поскольку альтернативные отождествления князей укладываются в те же самые отношения родства с Андреем Боголюбским, чаще всего это двоюродные внучатые племянники. Доказано, что рассмотрение генеалогических связей между князьями, упомянутыми в «Слове», сильно осложнено недостатком сведений об отдельных князьях и как следствие – множеством персональных идентификаций князей.

Ключевые слова: автор «Слова о полку Игореве»; родство с Андреем Боголюбским

Для цитирования: Бурькин А.А. Еще раз о проблеме автора «Слова о полку Игореве»: почему все герои «Слова», здравствующие на 1185 год, являются родственниками Андрея Боголюбского? // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 49-53. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-49-53

Abstract. The study is devoted to the consideration of kinship relations between the princes mentioned in the “The Tale of Igor's Campaign” and Andrei Bogolyubsky, an attempt to deal with the ambiguity of the identification of princes mentioned in the “The Tale” with those historical figures who are known to us by the names of the chronicles. We reveal the special preferences of “The Tale of Igor's Campaign” author to the princes consisting in relationship with Andrei Bogolyubsky. It is proved that, despite the fact that the main characters of the story “The Tale of Igor's Campaign” were Olgovich, descendants of Oleg Gorislavich – his grandchildren Igor and Vsevolod, his grandchildren Svyatoslav of Kiev and Yaroslav of Chernigov, the majority of heroes “The Tale of Igor's Campaign” to which Svyatoslav addressed in his “Golden word”, are close and distant relatives of Andrei Yuryevich Bogolyubsky. This statement is true even in cases where the

identification of one or another prince is difficult, because the alternative identification of princes fit into the same relationship with Andrei Bogolyubsky, most often it's great-grand nephews. It is proved that the consideration of genealogical relations between princes mentioned in the "The Tale" is greatly complicated by the lack of information about individual princes and as a consequence – a lot of personal identification of princes.

Keywords: author of the "The Tale of Igor's Campaign"; kinship relations with Andrei Bogolyubsky

For citation: Burykin A.A. Eshche raz o probleme avtora «Slova o polku Igoreve»: pochemu vse geroi «Slova», zdravstvuyushchiye na 1185 god, yavlyayutsya rodstvennikami Andreya Bogolyubskogo? [A few more words about the author's problem "The Tale of Igor's Campaign": why are all the characters of "The Tale", living at 1185, relatives of Andrei Bogolyubsky?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 49-53. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-49-53 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Казалось бы, между событиями Половецкой степи весной и летом 1185 г., описанными в «Слове о полку Игореве», и правлением князя Андрея Юрьевича Боголюбского (ок. 1111 – 29 июня 1174), убитого заговорщиками в своей резиденции в Боголюбове под Владимиром, не усматривалось и не может быть никакой связи. Между интересующими нас событиями прошло 11 лет. Кто-либо из участников событий, имеющих отношение и к гибели Андрея Юрьевича, и к неудачному походу Новгород-Северского князя Игоря Святославича и его брата Всеволода на половцев, нам неизвестен.

Предположение, что автор «Слова» мог быть как-то связан с переяславским князем Владимиром Глебовичем, получившим тем же летом 1185 г. три тяжелых раны при обороне своего Переяславля от осаждавших его половцев, высказанное автором статьи совместно с Н.А. Мещерским, основывалось в большой степени на догадках [1, с. 214-216]. Идея о том, что жена Всеволода, то есть невестка (жена брата) Игоря, главного героя «Слова» – «красная Глебовна» может быть сестрой Владимира Глебовича Переяславского, не имеет подтверждений и базируется только на тождестве отчества, как было принято именовать княжеских дочерей, однако Д.С. Лихачев [2, с. 408] в этом не сомневается, и это принято многими исследователями.

После того, как нами была сформулирована теория, согласно которой автором «Слова» является зодчий Кузьмище Киянин, проработавший много лет у Андрея Юрьевича, построивший боголюбовский ансамбль, присутствовавший на панихиде по убиенному князю, провожавший его гроб из Боголю-

бова во Владимир и описавший эти события в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [1], авторская (Краткая) редакция которой была позже превращена в Пространную редакцию за счет дополнений анонимного соавтора (Подмастерья), вопрос об отношении автора обоих повествований («Слова» и «Повести об убиении...») к своим современникам-князьям приобретает особое значение, требующее внимательного исследования.

Д.С. Лихачев писал: «Последовательность, в которой автор «Слова» обращается к русским князьям, едва ли случайна. В ней нет ни местничества, ни родовой точки зрения. Он не учитывает родственных отношений или степени важности княжеств. Ему ничего не стоит обратиться сперва к племяннику, а потом к дяде (к Владимиру Глебовичу, а потом к Всеволоду Суздальскому), к Ольговичам вперемешку с Мономаховичами, к смоленским князьям (Рюрику и Давыду Ростиславичам) прежде, чем к Ярославу Осмомыслу» [2, с. 133].

Цель настоящей работы – проследить родственные отношения между князьями, упоминаемыми в «Слове о полку Игореве», и Андреем Боголюбским. Поиски проявления особой близости отношений автора к Андрею Боголюбскому – это задача, вытекающая из представленной теории, кем должен быть автор «Слова», исходя из близости текстов Мусин-Пушкинской тетради, «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и миниатюр Радзивилловской летописи, если все перечисленные произведения являются творениями одного автора – архитектора и золотых дел мастера Кузьмища Киянина. Другая цель работы – еще раз попытаться разобрать-

ся с неоднозначностью идентификации князей, упомянутых в «Слове» с теми историческими личностями, которые известны нам по именам из летописей.

Ни сам убиенный Андрей Юрьевич, ни его братья, кроме Всеволода Юрьевича – Всеволода Большое Гнездо (1154 – 15 апреля 1212) в тексте «Слова» не упоминаются. К Всеволоду обращается в «Золотом слове» Святослав: «Великий княже Всеволоде!» Другие братья Андрея Юрьевича не названы. Всеволод Юрьевич – первый, к кому обращается Святослав в своем «Златом слове» [3, с. 436].

В «Слове» присутствуют родной племянник Андрея Боголюбского Владимир Глебович Переяславский (1157 – 18 апреля 1187) – князь Переяславский (1169–1187), сын Глеба Юрьевича Переяславского (+1171), и, предположительно, его сестра Ольга Глебовна, жена Всеволода Святославича. Рассказ об обороне Переяславля, проявившийся в «Слове», как можно считать, сюжетно связан с рассказами о походе Игоря в Ипатьевской и в Лаврентьевской летописях.

Стоит обратить внимание, что в Радзивилловской летописи (которые мы также атрибутируем Кузьмищу Киянину: во-первых, архитектор должен был уметь рисовать, во-вторых, исторический материал «Слова» соответствует миниатюрам этой летописи, в-третьих, шесть рисунков, относящихся к убийству Андрея Боголюбского, точно соответствуют «Повести» и ее исторической основе, в-четвертых, 8 миниатюр – к событиям «Слова» и 6 рисунков – к событиям, зафиксированным в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» – это максимальные количества рисунков к одному летописному событию) две миниатюры, относящиеся к обороне Переяславля и ранениям Владимира Глебовича, вставлены внутрь континуума миниатюр, связанных с событиями похода Игоря 1185 г. Тот же композиционный порядок эпизодов (отправление войска Игоря в поход и первая битва – осада Переяславля и ранения Владимира Глебовича – бегство Игоря из плена) мы находим в повестях о походе Игоря на половцев 1185 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Таким образом, иллюстратор Радзивилловской летописи в представлении исторических событий мог

быть в зависимости как от «Слова», так и от летописи.

Изяслав Мстиславич (умер в 1154 г.) – двоюродный брат Андрея Боголюбского. Для нас большее значение имеют его сыновья, поскольку и имя Мстислав, и отчество Мстиславич встречаются в этот период очень часто. Мстислав Изяславич (+1170), сын Изяслава Мстиславича, еще один сын этого князя, брат Мстислава Ярославича, Ярослав Изяславич Луцкий (+1175 или 1180) – двоюродный племянник Андрея Боголюбского – тот, которому возглашается похвала в старейшем варианте Краткой редакции «Повести об убиении...» [1, с. 173]. Князя «буй Романе, и Мстиславе», скорее всего, Мстислав Изяславич, двоюродный племянник Андрея Боголюбского, и его сын Роман Мстиславич (1155? – 1205) – внучатый племянник убиенного князя [3, с. 444].

Еще один вариант персонализации Мстислава – это Мстислав Ярославич, сын Ярослава Изяславича Луцкого, известный как Мстислав Немой (+1226) [1, с. 356], двоюродный внучатый племянник Андрея Юрьевича (в конце концов, не обязательно, чтобы Роман и Мстислав были отцом и сыном, на чем основывается первая версия идентификаций). Мстислав Ярославич Немой – князь пересопницкий, сын киевского, а затем луцкого князя Ярослава Изяславича, правнук Мстислава Владимировича Великого. Имел братьев Всеволода, Ингваря и Изяслава. (ЭнциСПИг, 2, 281). Этот Мстислав Ярославич – двоюродный внучатый племянник Андрея Юрьевича – Д.С. Лихачев полагает, что здесь может упоминаться и Мстислав городенский [3, с. 445].

Дети Ростислава Мстиславича, двоюродного брата Андрея Юрьевича Боголюбского, – те, к кому обращается Святослав вслед за Всеволодом Юрьевичем: Рюрик Ростиславич (ок. 1139–1215), [4, с. 93]), с 1163 г. женат на «Беглуковне», соответственно, предположительно, он по этому браку – зять хана Гзака, именуемого то Билуковичем, то Бурновичем [4, с. 152] (возможно, первое имя по отцу, второе по роду). Похоже, по второму браку Рюрик Ростиславич оказался зятем Романа Мстиславича [5, с. 23-24].

Рюрик Ростиславич и Давыд Ростиславич (1140–1197) [6, с. 93] – двоюродные пле-

мянники Андрея Юрьевича, сыновья Ростислава Мстиславича, двоюродного брата Андрея Юрьевича.

После них Святослав обращается к Ярославу «Осмомыслу» Галицкому (+1187), что может быть мотивировано только неизвестными нам политическими соображениями, или какими-то личными причинами: автор упоминает «златокованный стол» князя, вероятно, одно из своих творений как мастера-ювелира.

Дальнейшее рассмотрение генеалогических связей между князьями, упомянутыми в «Слове», сильно осложнено недостатком сведений об отдельных князьях и, как следствие, – множеством персональных идентификаций князей.

«Буй Романе и Мстиславе» – можно думать, что это двоюродные братья, сыновья Мстислава Изяславича (+1170) и Изяслава Ярославича Луцкого (+1180) – Роман Мстиславич (+1205) и Мстислав Немой, князь Пересопницкий (+1226), как полагает Б.А. Рыбаков, отмечая эти имена в генеалогической таблице как имена героев «Слова» [Рыбаков. 1971, табл. между с. 280-281]. Д.С. Лихачев придерживается того же мнения: Ингварь и Всеволод, по Д.С. Лихачеву, – сыновья Ярослава Изяславича Луцкого. Оба князя приходятся двоюродными внучатыми племянниками Андрею Юрьевичу Боголюбскому.

«Все три Мстиславичи» – сыновья Мстислава Ростиславича Храброго (двоюродного брата Андрея Юрьевича Боголюбского) по таблице Б.А. Рыбакова [4, табл. между с. 280-281], однако по этой же таблице они также должны приходиться двоюродными внучатыми племянниками Андрею Юрьевичу – их дед Ростислав приходился двоюродным братом Андрею Юрьевичу. Д.С. Лихачев [3, с. 447] считает, что это сыновья Изяслава Мстиславича, родного брата Ярослава Изяславича Луцкого. Предположение Д.С. Лихачева вполне вероятно – тогда в этом пассаже «Слова» называются два сына Ярослава Изяславича Луцкого и три сына Мстислава Изяславича – первый (Святослав), второй, и третий. Четвертый сын Мстислава Изяславича, Владимир, умер ок. 1170 г. – можно только восхищаться знанием генеалогии у автора «Слова». Не очень ясно, какой Всеволод имеется в виду: сыновья с таким

именем имелись и у Ярослава Изяславича (даты жизни неизвестны), и у Мстислава Ярославича (Всеволод Мстиславич умер в 1195 г.).

Мстислав Всеволодович, князь Городенский, судя по всему, не может быть адресатом «Золотого слова» Святослава (см. ниже: очень дальняя родня).

Завершается «Золотое слово» Святослава сложным обращением: «Ярославле и вси внуци Всеслави». В первом издании: «Ярославе» [1, с. 361]. Д.С. Лихачев предложил читать «Ярослави», имея в виду не одно конкретное лицо, а Ярославичей, целую княжескую ветвь – потомков Ярослава Мудрого, которые в течение длительного времени вели борьбу с полоцкими князьями, потомками Изяслава, названными по имени Всеслава, наиболее значительного князя из этой ветви, – Всеславовыми внуками [3, с. 452].

Композиция «Золотого слова» Святослава таким образом обретает ясность и стройность. Под пером автора «Слова» первый, к кому обращается Святослав, – это Всеволод Юрьевич, родной брат Андрея Юрьевича. Далее следуют обращения Святослава к более дальним родственникам Андрея Боголюбского – до двоюродных внучатых племянников. Последние, к кому обращается в «Слове» Святослав – это полоцкие князья, потомки Всеслава Брючиславича, находящиеся вне родства с Андреем Боголюбским.

Таким образом, мы получаем положительный ответ на наш вопрос об особых пристрастиях автора «Слова» к князьям, состоящим в родстве с Андреем Боголюбским. Несмотря на то, что главными героями повествования «Слова» являются Ольговичи, потомки Олега Гориславича – его внуки Игорь и Всеволод, его же внуки Святослав Киевский и Ярослав Черниговский, основная масса героев «Слова», к которым обращается в своем «Златом слове» Святослав, – это близкие и дальние родственники Андрея Юрьевича Боголюбского. Это утверждение справедливо даже в тех случаях, когда идентификация того или иного князя затруднительна, поскольку альтернативные отождествления князей укладываются в те же самые отношения родства с Андреем Боголюбским, чаще всего это двоюродные внучатые племянники.

Список литературы

1. Бурькин А.А. Слово о полку Игореве: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 418 с.
2. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. 359 с.
3. Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. С. 375-466.
4. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. Л.: Наука, 1971. 296 с.
5. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 211 с.
6. Творогов О.В. Князья Рюриковичи. Краткие биографии. М., 1992. 95 с.

References

1. Burykin A.A. *Slovo o polku Igoreve: tekst, yazyk, avtor* [The Tale of Igor's Campaign: Text, Language, Author]. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2017, 418 p. (In Russian).
2. Likhachev D.S. «*Slovo o polku Igoreve*» i *kul'tura ego vremeni* ["The Tale of Igor's Campaign" and his Heritage Culture]. Leningrad, 1978, 359 p. (In Russian).
3. Likhachev D.S. Kommentariy istoricheskii i geograficheskii [The Historical and Geographical Commentary]. In: Adrianova-Peretts V.P. (ed.). *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1950, pp. 375-466. (In Russian).
4. Rybakov B.A. «*Slovo o polku Igoreve*» i *ego sovremenniki* ["The Tale of Igor's Campaign" and his Contemporaries]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 296 p. (In Russian).
5. Baskakov N.A. *Tyurkskaya leksika v «Slove o polku Igoreve»* [Turkic Lexicon in "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 211 p. (In Russian).
6. Tvorogov O.V. *Knyaz'ya Rurikovichi. Kratkiye biografii* [Rurik Prince's Dynasty. Short Biography]. Moscow, 1992, 95 p. (In Russian).

Информация об авторе

Бурькин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела. Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: albury@rambler.ru

Вклад в статью: работа с литературными источниками, обработка результатов исследования, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9119-2698>

Поступила в редакцию 17.01.2019 г.
Поступила после рецензирования 15.02.2019 г.
Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Aleksey A. Burykin, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Research Worker of Lexical Department. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: albury@rambler.ru

Contribution: work with literature references, research results processing, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9119-2698>

Received 17 January 2019
Reviewed 15 February 2019
Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-54-61
УДК 81.373.2+81.367.622.12

У истоков литературной ономастики

Светлана Анатольевна СКУРИДИНА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2313-2482>, e-mail: saskuridina@yandex.ru

At the origins of literary onomastics

Svetlana A. SKURIDINA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2313-2482>, e-mail: saskuridina@yandex.ru

Аннотация. Представлена история возникновения и развития литературной ономастики, востребованность которой в настоящее время не вызывает сомнения в связи с привлечением ее данных для анализа художественного мира разных авторов как лингвистами, так и литературоведами. Цель исследования – познакомить читателей с теми работами, в которых размышления о функции имени собственного в художественной литературе можно рассматривать как предпосылки зарождения ономастики. Отмечена важная роль в развитии науки об именах собственных не только ученых, но и критиков, писателей и журналистов, например, В.Г. Белинского, Н.С. Лескова, О.И. Сенковского. Несмотря на первоначальный интерес исследователей к этимологическому значению литературного имени, в ономастических работах середины XX века находят освещение такие проблемы, как отражение в антропониме сущностных характеристик литературного персонажа, стилистическое соответствие ономастических единиц, социальная обусловленность имени и т. д. Указано на первоочередное значение в разработке проблематики новой для 1950-х гг. отрасли лингвистики работ таких ученых, как В.Н. Михайлов, Р.П. Шагинян, Э.П. Магазаник, Д.С. Лихачев. В заключение отмечена специфика исследований современной Воронежской ономастической школы, основанной продолжателем ставших уже классическими традиций отечественной ономастики Г.Ф. Ковалевым.

Ключевые слова: литературная ономастика; имя собственное; функции имени собственного; поэтика имени; Воронежская ономастическая школа

Для цитирования: Скуридина С.А. У истоков литературной ономастики // Нефилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 54-61. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-54-61

Abstract. We present the history of the emergence and development of literary onomastics, the relevance of which is currently not in doubt due to the involvement of its data for the analysis of the artistic world of different authors as linguists and literary critics. The aim of the study is to acquaint readers with those works in which reflections on the function of the proper noun in fiction can be considered as prerequisites for the emergence of onomastics. An important role in the development of science about the proper noun not only scientists, but also critics, writers and journalists, for example, V.G. Belinsky, N.S. Leskov, O.I. Senkovsky. Despite the initial interest of researchers to the etymological meaning of a literary name, in onomastic works middle of 20th century lighting find such problems, as reflected in the anthroponyms of the essential characteristics of the literary character, stylistic conformity onomastic units, social conditionality of name, etc. We point out the primary importance in the problems development of the new branch of linguistics for the 1950s of the works of such scientists as V.N. Mikhailov, R.P. Shaginyan, E.P. Magazanik, D.S. Likhachev. In conclusion we note the modern Voronezh onomastic school research specificity, founded by G.F. Kovalev, the successor of the already classical traditions of Russian onomastics.

Keywords: literary onomastics; proper noun; functions of proper noun; poetics of name; Voronezh onomastic school

For citation: Skuridina S.A. U istokov literaturnoy onomastiki [At the origins of literary onomastics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 54-61. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-54-61 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В настоящее время отмечается повышенный интерес к изучению ономастики, в том числе к литературной ономастике. Художественное произведение – это особая сфера функционирования имен собственных: здесь слова соотносятся не только с реальной, но и с созданной действительностью, не только с современным дискурсом, но и с языком художественного произведения. В художественном тексте ономастические единицы вступают в ассоциативные связи, переосмысливаются сначала автором, а потом читателем, поэтому имена собственные являются важнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности.

К изучению имени собственного одним из первых обратился М.В. Ломоносов: в «Российскую грамматику» 1755 г. вошел раздел «О происхождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских» [1], а в 1835 г. В.Г. Белинский опубликовал статью «Ничто о ничем, или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы», в которой отмечал необходимость использования в художественном произведении личных имен, соответствующих именам реальной действительности [2]. В 1883 г. выходит статья Н.С. Лескова «О русских именах», посвященная проблеме перехода имен собственных в нарицательные в связи с чрезмерной повторяемостью определенных имен и затрагивающая вопрос актуальности и востребованности таких славянских имен, как именник *Ярослав, Добрыня, Светозар*, которые на момент выхода данной публикации известного писателя были забыты [3]. К этому же вопросу Н.С. Лесков обращается в работе, посвященной «Календарю графа Толстого» [4].

Как видим, проблема именования человека или литературного персонажа затрагивалась уже в то время, когда не существовало термина *ономастика*, и, что интересно, первыми о важности имени собственного говорят литераторы (причислим М.В. Ломоносова к их числу, несмотря на его разносторон-

ний исследовательский интерес) и критики. Сопоставляя антропонимы *Онегин* и *Печорин*, В.Г. Белинский рассматривает литературное имя, говоря языком современной науки, как тексто- и стилеобразующий фактор [5], отмечая в другой своей работе, что для обозначения той или иной особенности в характере реального человека достаточно обратиться к имени литературного персонажа, в связи с чем можно говорить о переходе имен собственных в нарицательные: «Не говорите: вот человек, который подл по убеждению, зловерен благонамеренно, преступен добросовестно, – скажите: вот Фамусов!.. Онегин, Ленский, Татьяна, Зарецкий, Репетилов, Хлестова, Тугоуховский... разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И боже мой! Как много смысла заключает в себе каждое из них!.. Целый мир в одном, только в одном слове!» [5].

Несмотря на то, что вышедшая в 1859 г. заметка журналиста и издателя О.И. Сенковского посвящена специфике реального русского антропонимикона и обращается к русскому отчеству, нам бы не хотелось пройти мимо нее в связи с тем, что автор не только подробно исследует на обширном лингвистическом материале вопрос о возникновении и происхождении отчества, а также поднимает проблему, актуальную и в настоящее время, – отказ от употребления отчеств, связанный с влиянием другой культуры: «...вы не можете теперь въ золоченныхъ и благоуханныхъ гостиныхъ Петербурга никого чествовать Ивановъ Ивановичемъ, и еще менѣе Анною Петровною. Въмѣсто отчествъ вошли въ этомъ кругу въ употребленіе французскіе титулы *monsieur* и *madame*, которые слышатся даже среди русскаго разговора. <...> Всѣ славянскіе народы употребляютъ или употребляли окончаніе *ичь* и *вичь* для выраженія происхожденія отъ такого-то отца» [6, с. 201, 204].

Начало XX века отмечено исследованием А. Маркова «К вопросу о прозвище Ильи Муромца», в котором прозвище становится

способом познания географического пространства Древней Руси времен богатырей и определения расположения г. Муром [7].

В 1909 г. выходит работа В.И. Чернышева, в которой фиксируется не только необычность имен действующих лиц в сказках А.С. Пушкина, но и прослеживается литературная родословная имен *Салтан*, *Дадон*, *Гвидон*: «Всѣ эти три имени мы находимъ въ книгѣ лубочнаго изданія: «Сказка о славномъ и храбромъ богатырѣ Бовѣ королевичѣ и о прекрасной королевнѣ Дружневнѣ; и о смерти отца его Гвидона» [8]. Также В.И. Чернышев подробно анализирует имя собственное *Чернавка* и описывает этапы его перехода в имя нарицательное.

В 1909 г. под псевдонимом Л.В. появляется работа Л.В. Васильева о происхождении фамилии *Тентетников*, выводимой исследователем из украинской лексемы *тендитный* (*тендітний* – нежный, тонкий, встречающегося в «Старосветских помещиках») [9].

В 1910 г. выходит «Указатель именъ личныхъ, географическихъ названій и дѣйствующихъ лицъ» В.Л. Разинькова, войдя в ставшее ныне раритетным издание «Пушкин и его современники» [10]. В 1912 г. публикуется работа А.Г. Горнфельда о фамилии Халтупкин у Л.Н. Толстого, в которой автор предлагает обратиться к словарю В.И. Даля для знакомства с негативным значением слов, начинающихся на *хал-* и добавляет: «Сюда входит еще ощущение чего-то ничтожного, поверхностного, ненастоящего. И как великолепно выражено это презрительное отношение в уничижительном окончании *тюпкина*» [11]. Знаменательно, что А.Г. Горнфельд затрагивает вопрос у протонимичности исследуемой фамилии: «Оно имеет и реальный повод; что-то смутно шевелится в воспоминании старой барыни, и она соединяет действительное имя с аксессуарами, присочиненными ее метким языком. Был ведь революционер Халтурин, устроивший взрыв в Зимнем дворце...» [11].

Как видим, исследователей начала XX века в первую очередь интересовало этимологическое значение имен собственных, употребленных в художественных текстах, а также проблема отражения в антропониме сущностных характеристик литературного персонажа.

В 1924 г. исследователем творчества А.Н. Островского Н.П. Кашиным издается статья «Откуда взял Островский фамилию Юсова», посвященная комедии «Доходное место» [12]. Проблема происхождения литературного имени обозначена в работе русского и болгарского историка и литературоведа П.М. Бицилли, в 1931 г. предложившего свое видение появления в творческой лаборатории Ф.М. Достоевского фамилии *Карамазов* [13], а в другой своей работе представившего любопытное наблюдение об избытке в русском языке «птичьих» фамилий [14], которые в силу своей распространенности активно используются художниками слова. Еще в одной работе П.М. Бицилли рассматривает ономастику как культурно-исторический источник [15].

В 1930-е гг. А.Л. Бем обозначил важный вопрос для ономастики художественного текста: «...какова функция личного имени в творчестве, покрывается ли она вполне тем, что имеет место в разговорном языке или структура языка поэтического вносит функциональное изменение и в применении к наименованию» [16]. В работе, посвященной ономастике в творчестве Ф.М. Достоевского, А.Л. Бем первым вводит такое понятие, как *поэтика личного имени*, которая «связана с оживлением смысловых сторон имен», когда «голая форма вновь заполняется содержанием, сквозь имя начинают просвечивать смысловые оттенки, создающие вокруг имени пока еще только в смутных очертаниях намеченную смысловую атмосферу». Для А.Л. Бема важным в имени является не только потенциальная возможность оживления его семантики, но и «евфония и ритмический рисунок имени», что обусловлено фонетическим обликом слова-имени, входящего в художественный текст и обеспечивающего определенное звучание, музыку, произведения. По определению исследователя, писатель придерживается определенных традиций при создании имени для литературного персонажа. Одна из главных работ А.М. Бема посвящена процессу выбора имени художником слова, проследить который помогает обращение к его творческой биографии, к воспоминаниям его современников, то есть можно с уверенностью говорить о том, что именно А.М. Бем впервые касается вопроса

автобиографичности имени [16], который в настоящее время является одним из постулатов Воронежской ономастической школы во главе с ее основателем Г.Ф. Ковалевым, по мнению которого невозможно понимание ономастической лаборатории любого писателя без обращения к документальным источникам [17]. Важной заслугой А.М. Бема является создание первого словаря литературной ономастики, в который вошли имена собственные из художественных произведений Ф.М. Достоевского [18].

В 1948 г. опубликована заметка П.Я. Черных о фамилиях у А.С. Грибоедова, в которой исследователь предлагает рассматривать фамилию *Чацкий* как переделку фамилии *Чаадаев* [19].

Важной вехой в истории русской литературной ономастики стали 50-е гг. XX века. В 1954 г. публикуется статья В.Н. Михайлова о роли имен собственных в произведениях Ф.М. Гоголя [20]. Особенностью исследования В.Н. Михайлова является адресованность не узкому кругу специалистов, а преподавателям-практикам, обращающимся к изучению художественных текстов на уроках в школе или занятиях в вузе.

1950-е гг., при обилии прикладных работ, исследующих специфику отдельных художественных произведений, ознаменованы разработкой общетеоретического подхода к имени собственному, в рамках которого следует выделить исследования таких ученых, как Р.П. Шагинян, Э.Б. Магазаник, Д.С. Лихачев. В 1956 г. В.Н. Михайловым защищена кандидатская диссертация на тему «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование» [21].

В совместной статье Р.П. Шагинян и Э.П. Магазаник, рассматривая собственное имя в фокусе истории русской литературы, говорят о невозможности сведения функций имени собственного только к характеристической, которая заключается в «воскрешении» нарицательного этимона и ярко представлена в литературе эпохи классицизма, предполагавшей деление на штили и требовавшей соответствия имен стилистике «высоких», «средних» и «низких» жанров. Например, специфика именника «высоких»

жанров заключалась в обращении к заимствованным из античной мифологии именам или созданным по античным моделям, что продиктовано стремлением изобразить «человека вообще», то есть в отвлечении от реальной социально-исторической и национальной определенности [22]. В работе Р.П. Шагиняна и Э.П. Магазаника представлены две группы «значащих» имен: во-первых, это имена, являющиеся характеристичными «сами по себе», то есть способны непосредственно, вне конкретной зависимости от контекста «осмыслиться» читателем на почве ассоциаций родного языка», во-вторых, имена, становящиеся семантически значимыми только в определенных условиях, то есть в контексте [22]. Исследователи выделяют символическую (являющуюся факultatивной в связи с тем, что определенная ассоциация может не возникнуть у читателя в силу ряда обстоятельств или не быть тождественной той, какую имел в виду автор) и оценочную функции имен собственных, а также рассматривают «имя как стилистическое орудие писателя». По мнению Р.П. Шагиняна и Э.П. Магазаника, экспрессия имени собственного – это совокупность «экспрессивности предметного значения соответствующего этимона» и возможность превращения данного имени собственного в нарицательное в результате преодоления «назывной, лексически «опустошенной» его природы [22].

Д.С. Лихачеву принадлежит мысль о том, что имя собственное является своеобразным индикатором перехода от одной формы литературы к другой, от героя, являющегося исторической личностью или претендующего на это, к герою вымышленному. Определенным показателем данного перехода, по мнению исследователя, является введение в литературный текст безымянного героя, обозначающегося только именем нарицательным, например, «молодец» или «бедный», «богатый», «голый и небогатый человек», «бражник», «крестьянский сын», «девица», «купец некий» и т. д. Наконец в XVII веке появляются герои с вымышленными именами, которых можно наблюдать в таких произведениях, как «Повесть о Фоме и Ереме», «Повесть о попе Саве». Д.С. Лихачев усматривает взаимосвязь пословичных имен

и имен, характерных для сатирической литературы [23].

В истории становления отечественной ономастики, на наш взгляд, важно отметить литературоведческие работы А.С. Бушмина, посвященные художественному миру М.Е. Салтыкова-Щедрина, в которых затрагивается вопрос о функции имен собственных, становящихся индивидуально-эмоциональными, социальными, психологическими характеристиками действующего лица в сатирическом произведении. По мнению исследователя, на основании выбора того или иного литературного имени можно судить «об идейной позиции сатирика и об общественных целях, преследуемых им в данном конкретном случае» [24, с. 21-65]. В 1950-е гг. выходит и работа М.И. Приваловой о функциях имен в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина [25].

Как видим, именно середина XX века – время становления ономастики и отправная точка ее развития. Интересно, что в тексте своей диссертации, защита которой состоялась через двадцатилетие после защиты первой ономастической диссертации В.Н. Михайловым, Э.Б. Магазаник напишет о том,

что поэтическая ономастика не является традиционной наукой и до сих пор может «вызывать у многих крайнее недоумение, недоверие: допустимо ли, дескать, всерьез заниматься таким... вздором?!» [26, с. 7]. Тем не менее уже в 1950-е гг. «утверждается представление о самостоятельной ценности имени собственного как объекта филологического анализа» [27, с. 114].

В настоящее время литературная ономастика пользуется большим спросом как среди лингвистов, так и среди литературоведов. В Воронежской ономастической школе, к которой принадлежит и автор данной работы, исследование имени собственного ведется в следующих аспектах:

- автобиографизм литературной ономастики;
- способность ономастических единиц выступать в художественном тексте индикаторами хронотопа;
- имя с точки зрения социальной характеристики персонажа;
- имя как неотъемлемая часть системы собственных имен художественного мира того или иного художника слова.

Список литературы

1. Ломоносов М.В. О происхождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. Т. 7. Труды по филологии. С. 469-473.
2. Белинский В.Г. Ничто о ничем, или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. С. 7-50.
3. Лесков Н.С. О русских именах // Новости и Биржевая газета. 1883. 24 дек.
4. Лесков Н.С. Календарь графа Толстого // Русское богатство. 1887. № 2. С. 195-207.
5. Белинский В.Г. Герой нашего времени: сочинение М. Лермонтова // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. С. 193-270.
6. Сенковский О.И. Собрание сочинений: в 9 т. Спб., 1858. Т. 1. 645 с.
7. Марков А. К вопросу о прозвище Ильи Муромца // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 159-161.
8. Чернышев В.И. Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о золотом петушке, о мертвой царевне: (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) // Пушкин и его современники. Материалы и исследования: в 39 вып. Спб., 1908. Вып. 6. С. 128-132.
9. Л. В. (Васильев Л.В.). Что значит фамилия Тентетников // Русский филологический Вестник. 1909. № 2. С. 223-226.
10. Разиньков В.Л. Указатель имен личных, географических названий и действующих лиц // Пушкин и его современники. Материалы и исследования: в 39 вып. Спб., 1910. Вып. 9/10. С. 375-397.
11. Горнфельд А.Г. Об одной фамилии у Льва Толстого // Горнфельд А.Г. Муки слова. Т. 1. Спб., 1912. С. 97-106.
12. Кашин Н.П. Откуда взял Островский фамилию Юсова? // Островский. Новые материалы. Письма. Труды. Статьи. Л., 1924. С. 297-302.
13. Бицилли П.М. Происхождение имени Карамазовых // Россия и Славянство. 1931. 24 окт.
14. Бицилли П.М. О птичьих фамилиях // Голос. 1929. 4 февр.

15. *Бицилли П.* Из наблюдений над русской ономастикой как культурно-историческим источником // *Šišićev Zbornik, Zagreb, 1929. С. 591-598.*
16. *Бем А.Л.* Личные имена у Достоевского // *Сборникъ въ честь на проф. П. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863–1933).* София, 1933.
17. *Ковалев Г.Ф.* Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // *Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика.* Воронеж: Изд.-полигр. центр «Новая книга», 2014. С. 3-27.
18. *Бем А.Л.* Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1. Произведения художественные / сост. А.Л. Бемом, С.В. Завадским, Р.В. Плетневым, Д.И. Чижевским // *Вокруг Достоевского: в 2 т. / под ред. А.Л. Бема.* Прага, 1933. Т. 1. О Достоевском. С. 1-89.
19. *Черных П.Я.* Заметки о фамилиях в «Горе от ума» // *Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ.* 1948. Вып. 6. С. 47.
20. *Михайлов В.Н.* Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // *Филологические науки.* 1966. № 2. С. 55-66.
21. *Михайлов В.Н.* Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
22. *Шагинян Р.П., Магазаник Э.Б.* Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе // *Труды Узбекского университета. Сер. Новая.* Самарканд, 1958. Вып. 93. С. 103-126.
23. *Лихачев Д.С.* От исторического имени литературного героя к вымышленному // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* М., 1956. Вып. 3. С. 201-214.
24. *Бушмин А.С.* Своеобразие реализма Салтыкова-Щедрина // *Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина.* Л.: Наука, 1987. 365 с.
25. *Привалова М.И.* Функции личных имен и фамилий в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина // *Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук.* 1952. Вып. 18. № 161. С. 129-148.
26. *Магазаник Э.Б.* Поэтика имен собственных в русской классической литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967. 24 с.
27. *Фомин А.А.* Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // *Вопросы ономастики.* 2004. № 1. С. 108-120.

References

1. Lomonosov M.V. O proiskhozhdenii prityazhatel'nykh, otechestvennykh i otecheskikh imen i zhenskikh ot muzhskikh [On the origin of possessive, domestic and paternal names and female from male]. In: Lomonosov M.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 11 t. T. 7. Trudy po filologii* [Complete Works: in 11 vols. Vol. 7. Works on Philology]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1952, pp. 469-473. (In Russian).
2. Belinsky V.G. Nichto o nichem, ili otchet g. Izdatelyu «Teleskopa» za poslednee polugodie russkoy literatury [Nothing about nothing, or report to the Mr. publisher of “Telescope” for the last half of the year of Russian literature]. In: Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols.]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1953, vol. 2, pp. 7-50. (In Russian).
3. Leskov N.S. O russkikh imenakh [About Russian names]. *Novosti i Birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper], 1883, 24 December. (In Russian).
4. Leskov N.S. Kalendar' grafa Tolstogo [Calendar of count Tolstoy]. *Russkoye bogatstvo* [Russian Wealth], 1887, no. 2, pp. 195-207. (In Russian).
5. Belinsky V.G. Geroy nashego vremeni: sochinenie M. Lermontova [A hero of our time: an essay by M. Lermontov]. In: Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Completed Works: in 13 vols.]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1954, vol. 4, pp. 193-270. (In Russian).
6. Senkovskiy O.I. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. St. Petersburg, 1858, vol. 1, 645 p. (In Russian).
7. Markov A. K voprosu o prozvishe Il'i Muromtsa [To the question of the nickname of Ilya Muromets]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1900, no. 1, pp. 159-161. (In Russian).
8. Chernyshev V.I. Imena deystvuyushchikh lits v skazkakh Pushkina o tsare Saltane, o zolotom petushke, o mertvoy tsarevne: (Saltan, Gvidon, Dadon, Chernavka) [The names of the characters in Pushkin's tales of Tsar Saltan, the Golden Cockerel, the Dead Princess: (Saltan, Gvidon, Dadon, Chernavka)]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniya: v 39 vyp.* [Pushkin and His Contemporaries. Materials and Researches: in 39 issues]. St. Petersburg, 1908, issue 6, pp. 128-132. (In Russian).

9. L. V. (Vasiliev L.V.). Chto znachit familiya Tentetnikov [What does mean the surname Tentetnikov]. *Russkiy filologicheskiy Vestnik* [Russian Philological Bulletin], 1909, no. 2, pp. 223-226. (In Russian).
10. Razinkov V.L. Ukazatel' imen lichnykh, geograficheskikh nazvaniy i deystvuyushhikh lits [Index of persons names, geographical names and active participants]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniya: v 39 vyp.* [Pushkin and His Contemporaries. Materials and Researches: in 39 issues]. St. Petersburg, 1910, issue 9/10, pp. 375-397. (In Russian).
11. Hornfeld A.G. Ob odnoy familii u L'va Tolstogo [About one last name at Leo Tolstoy]. In: Hornfeld A.G. *Muki slova* [Word's Torments]. St. Petersburg, 1912, vol. 1, pp. 97-106. (In Russian).
12. Kashin N.P. Otkuda vzyal Ostrovskiy familiyu Yusova? [Where did Ostrovsky get the name of Yusov?]. *Ostrovskiy. Novyye materialy. Pis'ma. Trudy. Stat'i* [Ostrovsky. New Materials. Letters. Proceedings. Articles]. Leningrad, 1924, pp. 297-302. (In Russian).
13. Bicilli P.M. Proiskhozhdenie imeni Karamazovykh [The origin of the Karamazov's name]. *Rossiya i Slavyanstvo* [Russia and Slavdom], 1931, 24 October. (In Russian).
14. Bitsilli P.M. O ptich'ikh familiyakh [About bird's last names]. *Golos – Voice*, 1929, 4 February. (In Russian).
15. Bicilli P. Iz nablyudenij nad russkoj onomastikoj kak kul'turno-istoricheskim istochnikom [From observations of Russian onomastics as a cultural and historical source]. *Šišićev Zbornik*. Zagreb, 1929, pp. 591-598. (In Russian).
16. Bem A.L. Lichnye imena u Dostoevskogo [Personal names at Dostoevsky]. *The Collection in honor of Professor P. Miletich for sedemdesetletnici ot rozhdeniya mu (1863–1933)* [Collection of Proceedings in Honor of the 70th Anniversary of Professor P. Miletich (1863–1933)]. Sofia, 1933. (In Russian).
17. Kovalev G.F. Aspekty izucheniya imen sobstvennykh v khudozhestvennykh proizvedeniyakh [Aspects of the study of proper nouns in works of art]. In: Kovalev G.F. *Izbrannoye. Literaturnaya onomastika* [Selected Works. Literary Onomastics]. Voronezh, Publishing and Printing Center “New Book”, 2014, pp. 3-27. (In Russian).
18. Bem A.L. Slovar' lichnykh imen u Dostoevskogo. Ch. 1. Proizvedeniya khudozhestvennyye [Dictionary of personal names at Dostoevsky. Part 1. Works of art]. In: Bem A.L. (ed.). *Vokrug Dostoyevskogo: v 2 t. T. 1. O Dostoyevskom* [Around Dostoevsky: in 2 vols. Vol. 1. About Dostoevsky]. Prague, 1933, pp. 1-89. (In Russian).
19. Chernykh P.Y. Zametki o familiyakh v «Gore ot uma» [Notes about surnames in “Woe from Wit”]. *Doklady i soobshcheniya filologicheskogo fakul'teta MGU* [Reports and Messages of Philology Faculty Moscow State University], 1948, vol. 6, p. 47. (In Russian).
20. Mikhailov V.N. Ekspressivnye svoystva i funktsii sobstvennykh imen v russkoj literatury [Expressive properties and functions of proper nouns in Russian literature]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 1966, no. 2, pp. 55-66. (In Russian).
21. Mikhailov V.N. *Sobstvennyye imena personazhey russkoy khudozhestvennoy literatury XVIII i pervoy poloviny XIX vv., ikh funktsii i slovoobrazovaniye: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Proper Nouns of Characters of Russian Literature of 18th and first half of 19th centuries, their Functions and Word Formation. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1956. (In Russian).
22. Shaginyan R.P., Magazanik E.B. Ekspressiya sobstvennykh imen v russkoj khudozhestvennoj literature [Expression of proper nouns in Russian literature]. *Trudy Uzbekskogo universiteta. Seriya Novaya* [Proceedings of the Uzbek University. Series New], 1958, vol. 93, pp. 103-126. (In Russian).
23. Likhachev D.S. Ot istoricheskogo imeni literaturnogo geroya k vymyshlennomu [From the historical name of the literary hero to the fictional]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka* [News of Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language], 1956, vol. 3, pp. 201-214. (In Russian).
24. Bushmin A.S. Svoyeobraziye realizma Saltykova-Shchedrina [The originality of realism Saltykov-Shchedrin]. In: Bushmin A.S. *Khudozhestvennyy mir Saltykova-Shchedrina* [Artistic World of Saltykov-Shchedrin]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 365 p. (In Russian).
25. Privalova M.I. Funktsii lichnykh imen i familij v proizvedeniyakh M.E. Saltykova-Shchedrina [Functions of personal names and surnames in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Scientific Notes of Leningrad University. Series of Philological Sciences], 1952, no. 161, vol. 18, pp. 129-148. (In Russian).
26. Magazanik E.B. *Poetika imen sobstvennykh v russkoy klassicheskoy literatury: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Proper Nouns Poetics in Russian Classical Literature. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Samarkand, 1967, 24 p. (In Russian).

27. Fomin A.A. Literaturnaya onomastika v Rossii: itogi i perspektivy [Literary onomastics in Russia: results and prospects]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2004, no. 1, pp. 108-120. (In Russian).

Информация об авторе

Скуридина Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Вклад в статью: анализ исторических литературных источников, обобщение опыта исследователей ономастики, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2313-2482>

Поступила в редакцию 21.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 18.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Svetlana A. Skuridina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Contribution: historical literature references analysis, synthesis of onomastics researchers experience, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2313-2482>

Received 21 January 2019

Reviewed 18 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71
УДК 811.161.1

**Актуальные неологические процессы
в русском языке новейшего времени
(по материалам социолингвистических интернет-проектов)**

Юлия Александровна МЕЛЬНИК

ФГКВОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>, e-mail: uliya0783@mail.ru

**Current neological processes in the contemporary Russian language
(on materials of sociolinguistic Internet-projects)**

Uliya A. MELNIK

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>, e-mail: uliya0783@mail.ru

Аннотация. Проанализированы российские проекты «Слово года», «Словарь перемен», «Словарь года» (2014–2017), показывающие, какие лексические единицы находятся в фокусе внимания с точки зрения их значимости и актуальности для членов общества. Слова рассмотрены с точки зрения их принадлежности к актуальной для текущего момента тематической группе, отражающей смысловые доминанты года. Заострено внимание на том, что многие лексические единицы относятся к общественно-политической тематике. Выявлен субъективный принцип формирования словников проектов. Исследованы неологические процессы, маркирующие изменения в лексическом составе современного русского языка. Представленный лексический материал классифицирован по характеру неологических процессов, способу вхождения слова в язык с учетом прогноза возможности его дальнейшего закрепления в языке. Указанная группировка лексики позволяет выявить, что для русского языка новейшего времени являются актуальными следующие процессы: активизация определенных лексико-тематических групп, обусловленная экстралингвистическими факторами; трансформация лексической семантики и сочетаемости; пополнение словаря за счет активных процессов современного словопроизводства и заимствований; креативное использование возможностей языковой системы. Рассмотрены наиболее частотные языковые приемы, используемые для вербализации актуальных явлений, событий, фактов объективной реальности: прием паронимической аттракции, прием контаминации, глагольное словообразование, суффиксация, семантическое переосмысление.

Ключевые слова: неологизм; социолингвистика; «слово года»; актуальная лексика; словообразование

Для цитирования: Мельник Ю.А. Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 62-71. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71

Abstract. We analyze Russian projects “Word of the Year”, “Dictionary of Changes”, “Dictionary of the Year” (2014–2017), which show what lexical units are in the focus for their importance and relevance for society members. We analyze words as a current part of the thematic group for present moment that reflects dominant ideas of the meaning of a year. We pay attention to the fact that many words have a social and political orientation. We identify the subjective principle of formation of projects’ lists and study neological processes marking changes in the contemporary Russian language vocabulary. We classify represented lexical material according to the nature of neological processes, the way of a word entering the language considering the possibility of its fur-

ther consolidation the language. Mentioned grouping of lexis enable to identify that the following processes are current for contemporary Russian language: activation of certain lexical-thematic groups with extralinguistic factors, a transformation of lexical semantics and co-occurrence, replenishment of vocabulary due to active processes of modern word creation and borrowing, creative usage of language system possibilities. The most frequent language methods used for verbalization of current phenomena, events, facts of objective reality such as the method of paronymic attraction, the method of blending, verb word formation, suffixation, semantic reinterpretation are considered.

Keywords: neologism; sociolinguistics; “Word of the Year”; current vocabulary; word formation

For citation: Melnik Y.A. Aktual’nyye neologicheskiye protsessy v russkom yazyke noveyshego vremeni (po materialam sotsiolingvisticheskikh internet-proyektov) [Current neological processes in the contemporary Russian language (on materials of sociolinguistic Internet-projects)]. *Neophilologia – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 62-71. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Активное пополнение «словаря времени» является одной из наиболее обсуждаемых проблем в современной лингвистике [1–17]. Новейшие исследования подтверждают, что в последнее время наблюдается дестабилизация лексического фонда, обусловленная, прежде всего, внеязыковыми факторами. Отмечается, что в осмысление активных лексических процессов, в «поиски общего словаря» включаются не только представители лингвистического сообщества, но и люди, далекие от науки [3]. В основном дискуссии о языковых новациях разворачиваются на просторах Интернета, и одним из проявлений этого массового интереса к развитию языка является создание лингвистических интернет-проектов (групп) «Слово года», в которых, в частности, собираются актуальные лексические единицы в режиме реального времени. Слова, находящиеся «в фокусе социального внимания», Е.А. Земская назвала «ключевыми словами эпохи», а Т.В. Шмелева – «ключевыми словами текущего момента» [1, с. 92; 17, с. 63]. Таким образом, актуализация или появление в информационном пространстве какого-либо слова – это «следствие активизации в социальном сознании реалий объективной действительности» [12, с. 124]. С этой точки зрения проекты «Слово года» являются уникальными в своем роде, так как позволяют вести своеобразную «лексическую летопись» эпохи. Фиксируя наиболее значимые слова года, материалы проектов представляются ценными для неологической науки и лексикографии, так как предоставляют возможность точного датирования

вхождения в язык нового слова или возвращения в активный словарь устаревшей лексики. С другой стороны, по рейтингам можно проследить за изменениями в языковой картине мира: «лексические единицы, вошедшие в список «слов года», отражают фокусы общественного внимания «за отчетный период» (с учетом методики сбора материала). Их можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей» [3, с. 49].

РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Ежегодный конкурс «Слово года» проводится в России с 2007 г. вслед за подобными конкурсами, ставшими традиционными в Германии, США, Франции, Германии, Финляндии и других странах. Так, в Германии выборы «Слова года» (“Wort des Jahres”) проводятся с 1971 г. по инициативе Общества немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache)¹. Победителем на первых выборах стало прилагательное *aufmüpfig* (строптивый, непокорный), популярное в немецких СМИ в 1960-х и 1970-х гг., а в 2015 г. первое место получило слово *Flüchtlinge* (*беглецы, беженцы*), также вошедшее и в российские рейтинги. В 2016 г. победителем стало слово *postfaktisch* (*постправдивый*), описывающее тенденцию последних лет, при которой политические и общественные дискуссии все чаще строятся на эмоциях, ориентированных

¹ Wort des Jahres. URL: <http://gfd.s.de> (дата обращения: 10.10.2018).

на собственную систему ценностей, а не на фактах. В 2017 г. на первом месте оказалось *Jamaika-aus* (*Ямайки не будет*), отражающее непростую ситуацию с формированием нового правительства Германии (в частности, неудачную попытку формирования партийных коалиций) после выборов в бундестаг, прошедших в сентябре 2017 г.

В России первый проект (группа) «Слово года», чье появление было обусловлено общественной потребностью, «социальным заказом», был запущен в 2007 г. в социальной сети Facebook². Позже там же начали функционировать «Словарь перемен» и «Словарь года»³. Отметим, что на российской почве практика собирания актуальных слов получила иное социальное звучание, чем в других странах, в связи со спецификой первичного сбора и последующего отбора лексического материала: в отличие от зарубежных проектов, в выборе русского слова года имеет возможность принять участие любой пользователь сети Интернет. Данный факт позволяет нам, вслед за О.С. Иссерс, отнести данные проекты к социолингвистическим «в силу привлечения значительного числа информантов и экспертов и широкого обсуждения рейтингов в прессе и социальных сетях» [4, с. 40].

Характерно, что вся информация, представленная в социолингвистических группах, является открытой. Любой желающий, имеющий профиль в Facebook, может высказать свое мнение под постом о том или ином лингвистическом материале, оставить комментарий, выразить несогласие или одобрение, поспорить о целесообразности включения слова, словосочетания или фразы в итоговые рейтинговые списки.

Проект «Слово года» впервые был реализован в России в 2007 г. под руководством М. Эпштейна. Голосование идет по нескольким номинациям: «Неологизмы», «Слово года», «Выражение и фразы года» и «Анти-слово года». В номинацию «Лейтмотивы» помещаются слова, выделенные из всех дру-

гих номинаций, объединенные общим смыслом и темой. Победителей определяет экспертный совет, в состав которого входят филологи, лингвисты, писатели, журналисты, культурологи.

Проект «Словарь перемен» был создан писателем М. Вишневецкой в 2011 г. Участники группы предлагают новые слова (выражения и фразы) и голосуют за них, так выбираются наиболее популярные, рейтинг прикрепляется отдельным файлом и доступен для просмотра любому пользователю Сети. Также данный проект проводит голосование на выбор «Слова пятилетия» (2011–2016 гг.). На конец октября 2018 г., по итогам открытого голосования, лидирует слово *троллинг*, вслед за ним идут *селфи*, *фейк* и *крымнаш*.

Проект «Словарь года» создан филологом, главным редактором портала «Словари XXI века» А. Михеевым в январе 2012 г. В группе ежемесячно составляются списки характерных, по мнению руководителя и участников проекта, для данного месяца слов или словосочетаний (обычно связаны с общественно-политическими событиями в стране и в мире). В конце года эти списки формируются в единый помесечный «Словарь года».

В итоговые рейтинговые списки указанных проектов оказывается включенной совершенно разноплановая лексика, которая может быть исследована с разных точек зрения и интересна как лингвистам, так и психологам, и социологам, и политологам.

Задача предпринятого исследования – на материале проектов «Слово года», «Словарь перемен» и «Словарь года» выявить и описать актуальные неологические процессы, происходящих в лексике современного русского языка. В фокусе внимания – более 400 лексических единиц, как повторяющихся, так и уникальных.

АКТУАЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

При изучении ежегодных списков актуальных слов, вошедших в рассматриваемые проекты, отчетливо видна, с одной стороны, социокультурная направленность представленных лексических единиц, с другой – субъективность процедуры их отбора [12,

² Слово года. URL: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda/> (дата обращения: 14.09.2018).

³ Словарь перемен. URL: <https://m.facebook.com/groups/154788204607719> (дата обращения: 14.09.2018); Словарь года. URL: <https://www.facebook.com/groups/slovargoda/> (дата обращения: 14.09.2018).

с. 123]. Слова, актуальные для пользователей исследуемых групп, осмысливают текущий год в определенном ракурсе. Соответственно, при их анализе можно выделить тематическую доминанту календарного года, вокруг которой объединяются лексические единицы, то есть происходит активизация определенных лексико-тематических групп, обусловленная внешними по отношению к языку факторами. Например, в 2014 г. наиболее актуальными были три темы – «Ситуация на Украине» (*ополченцы, ватники, колорады, консерватники, ихтамнеты, крымнг*), «Экономический кризис» (*хамон, пармезан, санкции, изоляция, самоизоляция*), «Олимпиада в Сочи» (*солимпиадить, олимпиад*). В 2015 г., в связи с событиями в Сирии и Украине актуализировались лексические единицы, объединенные темой «Тревожная повестка дня: предчувствие войны» (*война, беженцы, терроризм, гибридная (война), милитаризм; беженцы, Шарли; игилизация, Дамбасск, Новосирия*). Вторая актуальная тема касалась экономической ситуации и может именоваться как «Санкционное противостояние». Репрезентировано лексемами *санкции, антисанкции, санкционка, запрещенка, нежелательность* (о пребывании некоторых иностранных граждан на территории России), *импортзаместитель, продуктобесие, сыронизировать, сыроцид, сыр, шпроты, хамондировка*. Доминанта 2016 г. – это «Мировая политика» (*брекз(с)ит, выборы, трампизм, трампанутый, трампофилы, трампировать, трампункт*), *Трам-пам-пам* (мем), *кибератака*). Тема спорта также нашла свое отражение в лексических единицах рейтингового списка, но имела ярко выраженную негативную окраску и была представлена темой «Допинговый скандал» (*допинг, мельдоний*), а также словом *тулузеры* (именование футболистов российской сборной после проигрыша в Тулузе, где проходил чемпионат Евро-2016). Не имеет явной негативной окраски неологизм *околофутбол*, используемый при обозначении той части спортивной и общественной жизни, которая происходит за пределами футбольного поля. Штрихи к «портрету года» добавляют языковые единицы, относящиеся к социально-культурной тематике, отражающие общую референтную ситуацию года и типичные для

2016 г. явления. Так, в рейтинги входят *покемоны, покемания* (инфоповод: повсеместное распространение игры, суть которой состоит в охоте на виртуальных зверушек; призывы к запрещению этой игры), *лабутены* (инфоповод: огромная популярность песни группы «Ленинград» под названием «На лабутенах»), *тахарруш* (групповое домогательство. Инфоповод: сообщения в СМИ о нападении мигрантов на немок в Кельне и других городах), *фанфурики, боярышник* (инфоповод: массовое отравление граждан суррогатными спиртосодержащими настойками, употребляемыми в качестве альтернативы более дорогому алкоголю из магазина), *корги* (инфоповод: сообщение о том, что московская полиция примет на службу щенков породы корги) и др.

Таким образом, в результате анализа лексических единиц, входящих в словники проектов 2014–2016 гг., удается выявлять основные смысловые доминанты периода, которые обычно концентрируются на теме политики, оставляя практически без внимания события из областей науки, техники, общественной жизни. В связи с субъективностью формирования рейтингов, основывающихся на личном предпочтении (опыте) участников группы в выборе тех или иных лексических единиц и последующем голосовании, отмечается оппозиционная направленность исследуемых проектов.

ГРУППЫ ЛЕКСИКИ/АКТУАЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

С точки зрения причин появления слова в рейтинговых списках и перспектив закрепления в языке весь массив разнопланового лексического материала был разделен на четыре группы. Указанная группировка лексики позволяет выявить, какие процессы являются актуальными для русского языка новейшего времени.

Группа 1. Общеупотребительная актуальная лексика. В первую группу входят слова, ранее существовавшие в языке, понятные носителям языка, но активизировавшиеся в определенный период в связи с каким-либо информационным поводом (например, *беженцы, импортзамещение, война, выборы, допинг, олимпиада*). Слова, входящие в

данную группу, с высокой вероятностью могут претендовать на статус «ключевых слов эпохи».

Группа 2. Ранее известные слова, подвергшиеся семантической трансформации. Вторая группа слов – это лексические единицы, известные ранее, активизировавшиеся в определенный период с трансформацией лексической семантики, приобретением новых семантических приращений, в том числе добавочных экспрессивных смыслов (например, *санкционка*, *Левиафан*, *Левиафания*, *хамон*, *пармезан*, *ополченец*). В данную группу вошли такие слова, как *ватник*, *вата*, *ополченец*, *сепаратист*, ставшие оружием в информационной войне, развернувшейся в медиапространстве с 2014 г. на фоне напряженных российско-украинских отношений. Поднимается проблема «выбора номинации как одного из способов формирования общественного мнения средствами массовой информации» [18, с. 133]. Например, для информирования о конфликте на юго-востоке Украины и именовании части жителей этих территорий российскими средствами массовой информации использовалось слово *ополченец*, а украинскими – *сепаратист*, что связывается, в первую очередь, с наличием коннотативных значений данных слов, не зафиксированных в словарях, а также с особенностями психологического значения слова, не совпадающего со словарным [18, с. 139; 19, с. 208].

Отметим, что наблюдается интересное явление переосмысления идеологически окрашенных лексем с негативной окраской: оскорбительное прозвище трансформируется в самоименование, нейтрализуя за счет этого свой пейоративный потенциал [4]. Так, неологизм *ватник*, появившийся в 2011 г. и несколько лет входивший в рейтинги как уничижительное именование российского патриота, неоднократно обыгрывается в публикациях:

(1) *Небольшая группа профессиональных журналистов снимает расследования и не боится задавать неудобные вопросы представителям власти. Журналисты стараются быть объективными в освещении конфликта на юго-востоке Украины, за это их прозвали сепаратистами и ватниками. Но*

сами себя они называют адекватниками (vesti.ru, 28.03.2015).

(2) *«Так что мы, конечно, ватники, но ватники-адекватники», – утверждает спортивный журналист после хоккейного матча с Канадой (Комсомольская правда – Омск, 18.05.2015).*

Вероятно, процессу нейтрализации данного пейоратива способствовала народная историческая память, так как ватник – специальная теплая стеганая куртка, которую в советские времена носили герои великих строев, а также трудящиеся люди страны.

Группа 3. Новообразования и заимствования. В третью группу включаются слова, появившиеся в контексте реальной ситуации, изменений жизни общества. Они отражают новые общественно-политические коллизии, технологические и иные новинки: *крымнаш*, *ИГИЛ*⁴, *санкционка*, *запрещенка* (запрещенная к ввозу в РФ продукция), *брекзит* (референдум по выходу Великобритании из Европейского союза), *селфи*, *себяшка* (то же, что и *селфи*), *вейп* (электронная сигарета), *гироскутер* (электронное средство передвижения).

Лексика данной группы отражает процесс активизации современного словопроизводства и появления заимствований, за счет чего происходит пополнение словаря современного русского языка. Проект «Словарь перемен» представляет специальный раздел в итоговом рейтинговом списке года именно заимствованной лексики, появившейся в отчетный период.

Отметим, что фактор языковой моды оказывает влияние на процесс заимствования англицизмов. Появление гаджетов, технических новинок обязывает «продвинутого» носителя языка знать, как правильно и можно их именовать. Так появились *вейп* (электронная сигарета), *вейпер* (курильщик электронной сигареты), *вейпинг* (процесс курения электронной сигареты), *гироскутер*, *сегвей* (электронные средства передвижения), *хот-спот* (точка бесплатного беспроводного Интернета), *нормкор* (современная тенденция в моде, характеризующаяся выбором непритязательной одежды, стремлением выглядеть «как все»); новый образ мыслей, отказ от ве-

⁴ Организация является запрещенной на территории России.

дущего к одиночеству культа индивидуализма), *фаббинг* (привычка отвлекаться на мобильные устройства вместо того, чтобы поддерживать разговор с собеседником).

Частотность употребления слова в средствах массовой информации, блогах и соцсетях, с одной стороны, помогает ему приобрести популярность, а с другой стороны, способствует тому, чтобы оно за счет частотности и стандартного употребления уходило из категории модных.

При создании новых слов оказываются популярными модели компрессивного словообразования. Н.Д. Цыганова отмечает, что контаминация является «ведущим способом словотворчества участников специальных интернет-сайтов» [15, с. 16]. Контаминанты имеют метафорический оттенок значения, характеризуются стилистической маркированностью, игровой природой и низким уровнем узуализации, хорошо воспринимаются в контексте. Примеры из словников проектов: *пересидент* (слишком долгое время, с превышением сроков, исполняющий свои обязанности президент), *обсириться* – контаминация жаргонизма «обсериться» (в значении «опозориться») и топонима Сирия. Выборы президента США, в которых победил Д. Трамп, стали отправной точкой для появления большого количества новых слов, образованных от фамилии нового главы государства, некоторые из которых были созданы при помощи рассматриваемого нами приема: *трампункт* («Белый дом»), *трампномика*, *трамплантация*, *трампотрясение*. Также в списке «слов года» оказались такие неологизмы, как *трампизм*, *трампист*, *антитрамповский*, *трампанутый*, *трампфиль*, *трампировать*, созданные узуальными способами – аффиксацией и сложением, а также путем семантического переосмысления: *тРАМПлин*, *трам-пам-пам*. Неологизм *трампизм*, с одной стороны, стал использоваться в значении «индивидуально-авторское слово Д. Трампа», с другой – как обозначение нового вектора развития американской политики.

Отмечается деривационная активность некоторых заимствованных морфем, что объясняется модой на употребление англо-американских заимствований, и потенциалом обобщенной оценки, который в них актуализируется.

Так, продуктивной оказывается финаль *-гейт*, так как с ее помощью часто создаются неологизмы, используемые для именования политических скандалов, связанных с известными персонами, событием, объектом или местом: *диссергейт* и *диссернет*, *оффшоргейт*, *Панам-гейт*. Указанная лексика имеет ярко негативную оценочную окраску, как и многие слова из рейтинговых списков, произведенные при помощи финали *-изм*: *трампизм* (процесс внедрения новым президентом своего курса управления страной и неоднозначные высказывания Д. Трампа), *мочизм* (публичное обливание мочой), *рашизм* (Россия + фашизм, пароним).

Является менее популярным, но все же имеет место глагольное словообразование, часто реализуемое по принципам языковой игры. Глагол позволяет вербализовать целую экстралингвистическую ситуацию, одновременно показав свое отношение к ней, с ярко выраженным прагматическим компонентом. Например: *псакнуть* (от фамилии представителя госдепа США Д. Псаки) – «сказать что-то глупое, невпопад», *сыронизировать*, *импортозамещать* (тема санкций). В разные годы появлялись такие слова, как: *скрымздить*, *солимпиадтить*, *свиолончелить* в значении «украсть», но имеющие отношение к разным событиям. В 2014 г. был очень популярен глагол *ванговать*, чаще употреблявшийся в первом лице единственного числа с ироничным подтекстом (от имени известной болгарки Ванги, которую некоторые люди называют провидицей) – «знать, что произойдет в будущем».

Отметим, что социолингвистические проекты «Слово года» не только отражают конкретные события, реалии, поведение и высказывания отдельных личностей, но и фиксируют отношение общества к ним. Об этом свидетельствует субъективный принцип отбора лексических единиц, словосочетаний и фраз, а также включение в итоговые словники проектов как нейтральных, так и оценочных номинаций. Например: *санкции*, *импортозамещение*, *сыр*, *шпроты* – *санционка*, *сыронизировать*, *сыроцид*, *продуктобесие*. В данном случае ярко проявляется «прагматика лингвистического креатива», которая предполагает использование таких средств воздействия или убеждения, «кото-

рые формируют у члена социума определенный взгляд на освещаемое событие, факт» [20, с. 13]. Отметим, что единицы с отрицательно-оценочным (пейоративным) значением составляют довольно многочисленную группу.

Группа 4. Авторские неологизмы. Четвертая группа – авторские неологизмы, создаваемые при помощи способов и приемов языковой игры; чаще всего в рамках определенного контекста. Например, слово *руссиано* – русский «патриотический» кофе – вошло в информационное пространство и стало использоваться при создании мемов после того, как **премьер-министр Российской Федерации Д.А. Медведев призвал отказаться от именованния кофе «американо»** в пользу «руссиано». Произошло это 16 ноября 2016 г. в ходе Евразийского межправительственного совета в Москве и получило мгновенное распространение в СМИ⁵.

Наиболее популярный способ авторского словообразования – контаминация: *плебсикон* (словарный запас человека с низкой речевой культурой), *лайкдорфин* (гормон «фейсбучного» счастья, вырабатывающийся при большом количестве лайков под постом), *советошь* (нечто ветхое, оставшееся еще с советских времен), *соцсед*, *соцседка* (приятель, сосед по соцсети или тот, кто постоянно сидит в соцсети), *лайчуций* (жаждущий лайков, пароним к *алчуцие*), *русальгия* (тоска по России, по всему русскому), *зловцо* (злое словцо), *гуглопытничать* (искать информацию в Интернете), *захажер* (человек, который заходит в гости ненадолго).

Придуманые автором «по случаю» и, как правило, не поддержанные в речевом узусе, подобные неологизмы позволяют словотворцу высказать свое отношение к явлениям действительности и самовыразиться лингвистическим способом. Обращение к корпусному материалу (Медиалогия)⁶ позволяет определить, что данная лексика практически не используется в текстах СМИ, в исключительных случаях встречается в публикациях, касающихся самих рейтингов «Слова года» при подведении итогов уходящего го-

да, в том числе и лингвистических. Отметим, что сами авторы дают дефиниции слову, используют в публикациях, стараются всячески популяризировать неологизм.

ВЫВОДЫ

Как показали наши наблюдения, материал социоллингвистических проектов является репрезентативным источником сведений о неологических процессах в словарном составе русского языка и в качестве «хранилища» слов, отражающих эпоху, ее «вкус», «цвет», «запах». Образцы из словников проектов, представленные выше, являются иллюстрацией тех изменений, которые отмечают исследователи неологической лексики на другом материале (в первую очередь, в медиадискурсе). В то же время следует иметь в виду, что рейтинги отражают далеко не все активные процессы, свойственные лексическому составу языка, а лишь некоторые из них.

Активизация процесса неологизации современного русского языка связана с появлением и распространением Интернета, так как значительный вклад в процесс изменения лексики вносят СМИ и обычные люди – пользователи Сети.

В словники проектов включается лексика, которая, по мнению участников группы, является знаковой для того или иного периода. Отмечается оппозиционная направленность проектов, вследствие чего большая часть лексики проектов имеет общественно-политическую направленность. В итоговые словники стабильно включаются лексические единицы, содержащие яркие оценочные коннотации. Это объясняется стремлением социально активной части общества к выражению оценки факта, явления или события.

Учитывая причины появления слова в рейтингах и прогнозируя его возможное закрепление в языке, мы считаем возможным выделить несколько групп слов, объединенных по характеру неологических процессов и одновременно позволяющих сделать прогноз их неологического статуса. Данная группировка лексики проектов отражает основные неологические процессы в лексическом составе языка, выявленные на рассматриваемом материале: активизацию определенных лексико-тематических групп, трансформа-

⁵ Володин М. Шутка Медведева о «кофе русиано» в считанные часы стала интернет-мемом. URL: <http://kr.ru/daily/26608/3624786/> (дата обращения: 17.10.2018).

⁶ Электронная база СМИ.

цию лексической семантики и сочетаемости, пополнение словаря за счет активных процессов современного словопроизводства и заимствований, креативное использование

возможностей языковой системы, реализуемое, в частности, в индивидуально-авторском словотворчестве.

Список литературы

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90-141.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные игры «Болотного периода» // Русистика. 2013. № 13. С. 10-13.
3. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48-53.
4. Иссерс О.С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал российского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 25-31.
5. Иссерс О.С., Орлова Н.В. Две модели гражданского общества в современных массмедиа: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1 (46). С. 121-127.
6. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Импортозамещение // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С. 114-117.
7. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Сыр // Русский язык за рубежом. 2016. № 2 (255). С. 119-121.
8. Виданов Е.Ю. Семантический и деривационный потенциал ключевого слова эпохи, или страсти по олимпиаде // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 85-91.
9. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Ё., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. С. 1-12.
10. Мельник Ю.А. Лингвистический портрет текущего момента: вне политики (на материале проекта «Слово года-2015») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 53-56.
11. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Семантические вариации актуальных слов: лексемы экстремизм и терроризм в современном русском языке // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 252-258.
12. Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И. Феномен актуального слова 2015 года // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. С. 121-133.
13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб.: Златоуст, 1999. 247 с.
14. Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia Russica Slovaca: Universitas Catholica Rosenbergensis. Ružomberok, 2015. P. 30-38.
15. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 22 с.
16. Черникова Н.В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // Филологические науки. 2007. № 6. С. 71-80.
17. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63-67.
18. Татарникова Н.М. Ополченец в сознании носителей русского языка (по данным свободного ассоциативного эксперимента) // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 133-141.
19. Татарникова Н.М. Как номинация в СМИ влияет на тезаурус личности // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3 (25). С. 204-209.
20. Грдина Т.А., Коновалова Н.И. «Куда идем? Большой вопрос...»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2013. № 3 (22). С. 13-20.

References

1. Zemskaya E.A. Aktivnye protsessy sovremennoy slovoizvodstva [Active processes of modern word creation]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yazyky russkoy kultury Publ., 1996, pp. 90-141. (In Russian).

2. Issers O.S. Diskursivnye igry «Bolotnogo perioda» [Discursive game of “Bolotnyy period”]. *Rusistika* [Russian Studies]. Kiev, 2013, no. 13, pp. 10-13. (In Russian).
3. Issers O.S. V poiskakh obshchego slovary: diskursivnyye praktiki noveyshego vremeni cherez prizmu proyektov «Slovo goda» [In search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 48-53. (In Russian).
4. Issers O.S. Ot seryoznogo – do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiyskogo slova goda [From serious stuff – to funny things: language pun potential of the Russian “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2015, no. 4, pp. 25-31. (In Russian).
5. Issers O.S., Orlova N.V. Dve modeli grazhdanskogo obshchestva v sovremennykh massmedia: vzglyad lingvista [Two models of civil society in modern mass media: the linguistic view]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 1 (46), pp. 121-127. (In Russian).
6. Vepreva I.T., Kupina N.A. Importozameshcheniye [Import substitution]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2015, no. 4 (251), pp. 114-117. (In Russian).
7. Vepreva I.T., Kupina N.A. Syr [Cheese]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2016, no. 2 (255), pp. 119-121. (In Russian).
8. Vidanov E.Y. Semanticheskii i derivatsionnyy potentsial klyuchevogo slova epokhi, ili strasti po olimpiade [Semantic and derivative potential of the epoch keyword, or passion for the Olympics]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii – Ural Journal of Philology. Psycholinguistics in Education*, 2014, no. 2, pp. 85-91. (In Russian).
9. Makarova E.M., Ratsibyrskaya L.V., Issers O.S., Melnik Y.A., Zaytseva I.P., Sipko Y., Radchenko M.V. Rol' SMI v demokratizatsii i kreativizatsii sovremennogo russkogo yazyka (krugliy stol) [The role of mass media in the democratization and creativitization of the modern Russian language (round table)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow State Regional University*, 2017, no. 1, pp. 1-12. (In Russian).
10. Melnik Y.A. Lingvisticheskii portret tekushchego momenta: vne politiki (na materiale proyekta «Slovo goda-2015») [Linguistic portrait of the current moment: outside politics (on the material of projects “Word of the year-2015”)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], 2017, no. 2 (15), pp. 53-56. (In Russian).
11. Mikhaylova O.A., Mikhaylova Y.N. Semanticheskiye variatsii aktual'nykh slov: leksemy ekstremizm i terrorizm v sovremennom russkom yazyke [Semantic variations of urgent vocabulary: lexemes extremism and terrorism in Modern Russian]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2015, no. 1 (51), pp. 252-258. (In Russian).
12. Mustayoki A., Walter H., Vepreva I. Fenomen aktual'nogo slova 2015 goda [Word of the year 2015]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 121-133. (In Russian).
13. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy massmedia* [Language Taste of the Era: from Observations on the Speech Practice of Mass Media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 247 p. (In Russian).
14. Tsoneva L. Slovo goda «krymnash» v russkom mediadiskurse [Word of the Year “Crimea is our” in Russian media discourse]. *Studia Russica Slovaca Universitas Catholica Rosenbergensis*. Ružomberok, 2015, pp. 30-38. (In Russian).
15. Tsyganova N.D. *Poliaspektnoe opisaniye neoleksem (po materialam slovtvorcheskikh internet-saytov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polyaspect Description of Neo-Lexical Units (on the Materials of Word Creative Internet Web-Sites). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Abakan, 2015, 22 p. (In Russian).
16. Chernikova N.V. Aktual'nyye kontsepty i ikh leksicheskiye reprezentanty [Current concepts and their lexical representation]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 2007, no. 6, pp. 71-80. (In Russian).
17. Shmeleva T.V. Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta [Krizis (crisis) as the key word of the present moment]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2009, no. 2 (28), pp. 63-67. (In Russian).
18. Tatarnikova N.M. Opolchenets v soznanii nositeley russkogo yazyka (po dannym svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta) [A militiaman in consciousness of russian native speakers (according to data from a free associative experiment)]. *Kommunikativnyye issledovaniya – Communicative investigations*, 2017, no. 1 (11), pp. 133-141. (In Russian).
19. Tatarnikova N.M. Kak nominatsiya v SMI vliyayet na tezaurus lichnosti [Influence of media nomination on thesaurus of a personality]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri – Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2016, no. 3 (25), pp. 204-209. (In Russian).

20. Gridina T.A., Konovalova N.I. «Kuda idem? Bol'shoy vopros...»: pragmatika kreativa v sovremennom mediynom diskurse [“Where are we going? The big question is...”: pragmatics of creativity in the modern media discourse]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Creative Linguistics], 2013, no. 3 (22), pp. 13-20. (In Russian).

Информация об авторе

Мельник Юлия Александровна, преподаватель кафедры русского языка. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: uliya0783@mail.ru

Вклад в статью: разработка дизайна исследования, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>

Поступила в редакцию 12.12.2018 г.

Поступила после рецензирования 10.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Uliua A. Melnik, Lector of Russian Language Department. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: uliya0783@mail.ru

Contribution: study design development, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>

Received 12 December 2018

Reviewed 10 January 2019

Accepted for press 20 February 2019

Научные термины в поэтическом лексиконе Арсения Тарковского

Татьяна Алексеевна ВОРОНОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>, e-mail: invisible2editor@gmail.com

Scientific terms in Arseny Tarkovsky's poetic lexicon

Tatyana A. VORONOVA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>, e-mail: invisible2editor@gmail.com

Аннотация. Данное исследование посвящено лингвистическому аспекту лирики Арсения Александровича Тарковского. Нами рассмотрен такой нехарактерный для поэтического текста лексический пласт, как научная терминология, которая в стихотворениях А.А. Тарковского – отнюдь не единичное явление. В лингвистике терминологическую лексику принято относить к разряду однозначных слов, не допускающих двоякого истолкования. Однако в пространстве поэтического текста научный термин нередко теряет свою однозначность, приобретает дополнительные смысловые оттенки и переносные значения, становится оригинальной авторской метафорой. Задачей исследования является анализ смысловых трансформаций и приращений, приобретаемых научными терминами в стихотворных произведениях А.А. Тарковского, а также сопоставление выявленных смыслов с первоначальным значением данных терминов. Рассмотрены как одиночные термины, так и терминологическая фразеология. В большинстве стихотворных текстов, выбранных нами для анализа, наблюдается семантическая трансформация или метафоризация терминов в рамках целостного образного контекста. Выявленные изменения в семантике терминологической лексики представляют собой элементы цельной поэтической системы. Интерпретация той или иной лексической единицы, а также понимание причин ее появления в тексте зачастую требует привлечения информации автобиографического характера.

Ключевые слова: А.А. Тарковский; научный термин; фразеологизм; метафора; метафоризация; семантика; семантическая трансформация; смысловой оттенок; переносное значение; поэтический контекст

Для цитирования: Воронова Т.А. Научные термины в поэтическом лексиконе Арсения Тарковского // Нефилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 72-79. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-72-79

Abstract. This research is devoted to the linguistic aspect of Arseny Aleksandrovich Tarkovsky's lyrics. We have considered such an uncharacteristic for the poetic text lexical layer as scientific terminology, which in the poems of Arseny Tarkovsky is not a single phenomenon. In linguistics, terminological vocabulary is usually referred to the category of unambiguous words that do not allow for double interpretation. However, in the space of a poetic text, the scientific term often loses its uniqueness, acquires additional semantic shades and figurative meanings, and becomes the author's original metaphor. The aim of the study is to analyze the semantic transformations and increments acquired by scientific terms in the poetic works of Arseny Tarkovsky, as well as the comparison of the identified meanings with the original meaning of these terms. We consider the single terms, as well as terminology and phraseology. In most of the poetic texts we have chosen for analysis, there is a semantic transformation or metaphorization of terms within a holistic figurative context. Changes that we reveal in the semantics of terminological vocabulary constitute the elements of an integral poetic system. Interpretation of a particular lexical unit, as well as under-

standing the reasons for its appearance in the text, often requires the involvement of information of an autobiographical nature.

Keywords: Arseny Tarkovsky; scientific term; phraseologism; metaphor; metaphorization; semantics; semantic transformation; semantic shade; figurative meaning; poetic context

For citation: Voronova T.A. Nauchnyye terminy v poeticheskom leksikone Arseniya Tarkovskogo [Scientific terms in Arseny Tarkovsky's poetic lexicon]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 72-79. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-72-79 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Наше исследование мы начнем с небольшого теоретического экскурса из области стилистики. Традиционно принято выделять пять функциональных стилей литературного языка: научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный. Однако более современной точкой зрения на сегодняшний день является отход от данной классификации – в частности, ставится под вопрос самое понятие «художественный стиль» (его все чаще замещает термин «идиостиль писателя»), который, как известно, достаточно проникаем для элементов других стилей литературного языка, а также для единиц, относящихся к нелитературным формам национального языка. Особый интерес представляет использование упомянутых элементов в стихотворном тексте. В частности, юридический или научный термин, встраивающийся в «ткань» поэтического произведения, перестает быть термином как таковым, то есть теряет основное качество терминологической лексики – однозначность, обрастая новыми дополнительными смыслами и зачастую превращаясь в оригинальную авторскую метафору (в качестве примера можно привести церковно-юридический термин «интердикт», употребленный Эмили Дикинсон в одном из ее известнейших стихотворений: «Но я на цветок наложу *интердикт*, Пчелу от него отженя» [1]).

Примеры подобных семантико-стилистических трансформаций мы обнаруживаем и в лирике Арсения Александровича Тарковского.

Поэтом используются термины из разных областей науки, как-то: геометрии, физики, астрономии, лингвистики, анатомии и др. Сам А.А. Тарковский выбрал для себя гуманитарное образование (учился на Высших литературных курсах при Всероссийском союзе поэтов [2, с. 402]), хотя в силу ряда причин оно осталось неоконченным, что стало для поэта источником сожалений впоследствии. По собственному признанию

А.А. Тарковского, он мечтал о работе «в области точных знаний». Его письмо к сыну Андрею (оно приводится в мемуарах дочери поэта, Марины Арсеньевны Тарковской) содержит, к примеру, такое признание: «Я очень жалею, что я не учился на каком-нибудь факультете, где нужно много работать, где можно получить точные знания и потом работать (научная работа) в области этих точных знаний» [2, с. 87]. Тем не менее поэт увлекался естественными науками, в особенности, оптикой и астрономией. М.А. Тарковская подробно пишет об «астрономической деятельности» своего отца [2, с. 278-281], которая осуществлялась далеко не на дилетантском уровне: «В начале 1956 года папа был избран членом Совета Московского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества» [2, с. 280]. Все это не могло не отразиться на выборе поэтом научной лексики и фразеологии, о которой пойдет речь в нашем исследовании. Иными словами, отбор лексических средств несет на себе «печать» авторской биографии, что характерно для творчества А.А. Тарковского в целом.

Понятие «фразеология» употреблено нами не случайно, так как в поэтических текстах А.А. Тарковского нередко метафоризируются и подвергаются семантической трансформации именно научные фразеологизмы, а не отдельные термины (хотя первые также используются поэтом). Данную черту тоже следует отнести к разряду системных, поскольку одна из специфических сторон поэзии А.А. Тарковского – стремление к метафоризации целых словосочетаний, а также к выстраиванию развернутой метафоры, сложного метафорического контекста, вовлекающего в свой состав целый комплекс лексических единиц. Об этой особенности уже говорилось в некоторых наших исследованиях, опубликованных ранее [3; 4].

Из научных фразеологизмов, употребленных в стихотворных произведениях

А.А. Тарковского, перечислим следующие (в алфавитном порядке): «грудная клетка», «звездный каталог», «земная ось», «зияние гласных», «прямой угол», «поле тяготенья», «предметное стекло», «спектральный анализ», «угол зренья»; из однословных научных терминов – «альвеола», «альфа», «аорта», «антропология», «капилляр», «озон», «плоскость», «спектр (солнца)», «спектральный», «хромосома», «(глазной) хрусталик», «(мерццовский) экваториал», «(глазное) яблоко». (Оговорим в скобках, что в данный список нами не были включены технические и музыкальные термины, входящие в поэтический инструментарий А.А. Тарковского; их анализ может стать предметом отдельного исследования).

Отметим в первую очередь, что в приведенном списке числа прилагательных незначительно и полностью отсутствуют глаголы; зато явно доминируют существительные (включая главное слово в составе фразеологизма), то есть преобладает «предметный» компонент. Следует обратить внимание также на то, что значительная часть перечисленных нами лексических единиц (за небольшим исключением) встречается в поздних текстах поэта, «ставших классикой А.А. Тарковского» [2, с. 306], маркирует зрелый период его творчества. Можно предположить, что «точное знание», заключенное в научном термине, напрямую сопряжено с точностью смысла, чем и объясняется выбор А.А. Тарковского, который к подобной точности стремился всегда.

Перейдем теперь к практической части нашего исследования и рассмотрим интересные нас лексические элементы непосредственно в поэтическом контексте. Задачей нашего исследования является анализ тех смысловых трансформаций и приращений, которыми научный термин «обрастает» в стихотворном произведении, а также сопоставление их с первоначальным значением термина.

Первое, что обращает на себя внимание, – это весьма незначительное количество терминов, которые использованы автором в прямом значении. Как правило, подобные словоупотребления встречаются в контексте сравнения: «В пятнадцатирублевый номер мой Еще один вселился постоялец, И новая

душа плодиться стала, Как хромосома на стекле предметном» [5]; «Был домик в три оконца В такой окрашен цвет, Что даже в спектре солнца Такого цвета нет» [5]; «Был язык мой правдив, как спектральный анализ, И слова у меня под ногами валялись» [5] (здесь и далее цитаты из произведений А.А. Тарковского выделяются нами курсивом).

Термины «антропология» («антропологическое направление в криминалистке» [6]) и «экваториал» («астрономический прибор, дающий возможность определять положение любого светила относительно небесного экватора» [7]) также использованы в прямом значении (поэма «Чудо со щеглом» и стихотворение «Анжело Секки»). Их задача – «кодировать» определенную сферу научного знания и ввести читателя в «пространство» конкретного исследователя, а именно – криминалиста Ч. Ломброзо и астронома А. Секки: «*Антропология Ломброзо Вдруг подтверждение нашла*» [5], «*От мерццовского экваториала Он старых рук не в силах оторвать, <...> Глотая горький воздух, гладит Секки Давным-давно не чищенную медь*» [5].

В остальных же случаях терминологическая лексика приобретает либо иной смысловой оттенок, либо новое контекстуальное значение переносного характера. Как уже было отмечено нами в одном из предыдущих исследований, «термины в поэтическом контексте могут приобретать окказиональное значение» [4, с. 65].

Так, у существительного «альвеола», помимо прямого значения («легочный пузырек»), появляется добавочный оттенок – «мельчайшая часть легкого, заполненная воздухом», и словосочетание «до мельчайших альвеол» приближается по смыслу к выражению «до предела» или «без остатка»: «*Легкие мои Наполнил до мельчайших альвеол Колючий спирт из голубого кубка*» [5].

С подобным явлением мы также сталкиваемся при анализе стихотворения «Звездный каталог». Астрономический термин, вынесенный в заглавие («список астрономических объектов, обозначенных номером, присвоенным им в каталогах звездного неба»¹), превращается у А.А. Тарковского в метафо-

¹ Каталог звездного неба. URL: <http://www.astronomy.ru/Astronomy/Catalogs.htm> (дата обращения: 13.12.2018).

ру, которая разворачивается на протяжении всего стихотворного текста. Звездный каталог (точнее, астрономический каталог, или каталог звездного неба) уподобляется автором огромной телефонной книге, а номер звезды в каталоге – телефонному номеру любимой женщины («кальфы Ориона»): «До сих пор мне было невдомек – Для чего мне **звездный каталог**? В каталоге десять миллионов Номеров небесных телефонов... <...> Я-то знаю, как зовут звезду, Я и телефон ее найду...» [5].

Антропоцентричность – еще одна особенность поэзии А.А. Тарковского – проявляется в том, что автор нередко прибегает к терминам из области анатомии (чаще всего «кровенным» или «зрительным»). С помощью данной лексики поэт передает как особенности восприятия человеком окружающего мира, так и чувства лирического героя. Интересным с этой точки зрения представляется стихотворение «Охота», в котором термин «глазное яблоко» (в усеченном виде – без прилагательного) включается в текст как синоним поэтизма «око»: «*Падает на бок, цепляясь рогами за мокрые прутья. Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой. Черное, окостеневшее **яблоко** без отражений*» [5].

В другом стихотворении («Ялик») словосочетание «глазной хрусталик» из анатомического термина переходит в обозначение зрения как такового, точнее – зрения, обращенного «вовнутрь» и воспринимающего не объекты внешнего мира, а образы человеческой памяти: «*Что ты бредишь, **глазной хрусталик**? Хоть бы сам себя поберег. <...> Что ты бродишь, неосторожный, Вдалеке от земных дорог?*» [5].

Подобным образом смещается и значение словосочетания «грудная клетка» (стихотворение «Портной из Львова, перелицовка и починка»), которое превращается в обозначение «вместилища чувств» главного героя, (возможно, чувств невысказанных, как бы запертых в «клетке»): «*Чудом сузилась жилетка, Пахнет снегом и огнем, И полна **грудная клетка** Царским траурным вином. Привкус меди, смерти, тлена У него на языке...*» [5].

Добавочный семантический оттенок появляется и у существительного «аорта». Де-

нотативное значение «самый крупный сосуд в организме человека»² осложняется символическим, так как в контексте возникает «смысл перекрытия аорты» [6] – иными словами, намек на смерть: «*На прожиток оставить себе навсегда Крепкий шарик в крови, полный света и чуда, А уж если дороги не будет назад, Так втянуться в него и не выйти оттуда, И – в **аорту**, неведомо чью, наугад*» [5].

Далее рассмотрим те случаи, когда научный термин в поэтическом контексте приобретает переносный смысл.

Терминологическое значение существительного «капилляр» – «самый тонкий сосуд в организме человека и других животных»³. А.А. Тарковский же использует его по отношению к растительному миру – в значении «прожилки растений» [6]: «*Дышит мята в каждом слове, И от головы до пят Шарик зеленой крови В **капиллярах** шебуршат*» [5]. Метафорическое выражение «зеленая кровь» (то есть сок растений) дополняет и развивает словесный образ, созданный автором в данном микроконтексте.

Обращает на себя внимание и семантическая трансформация существительного «озон» в стихотворении «Цейский ледник»: «*Друг, за чашу благодарствуй, Небо я держу в руке, Горный воздух государства Пью на Цейском леднике. Здесь хранит сама природа Явный след былых времен – **Девятнадцатого года Очистительный озон***» [5]. Очевидно, лексемы «озон» и «воздух», соединенные автором в одном контексте, сближаются по значению и могут считаться контекстуальными синонимами. В данном отрывке значение существительного «озон» может быть интерпретировано как «холодный и чистый воздух» [6]. Однако, если мы обратимся к прямому, терминологическому значению данного слова, то оно окажется в определенном смысле антонимичным контекстуальному, так как озон представляет собой «ядовитый голубой газ», отличающийся «высокой токсичностью»⁴. Можно предполо-

² Аорта // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Спб., 1890–1907.

³ Капилляр. URL: <http://wiki-org.ru/wiki/Капилляр> (дата обращения: 13.12.2018).

⁴ Озон // Химическая энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. И.Л. Кнунянц [до 1992 г.], Н.С. Зефирова [с 1995 г.]. М.: Сов. энцикл.; Большая Рос. энцикл., 1988–1998.

жить, что употребление поэтом данного термина в сочетании с прилагательным «очистительный» отсылает скорее к «дезинфицирующим», чем к «отравляющим» свойствам этого вещества.

Прилагательное «спектральный» у А.А. Тарковского трансформируется не только семантически, но и морфологически. Из разряда относительных оно переходит в качественное и употребляется автором в сравнительной форме: *«Был домик в три оконца В такой окрашен цвет, Что даже в спектре солнца Такого цвета нет. Он был еще спектральней, Зеленый до того, Что я в окошко спальни Молился на него»* [5]. В данном контексте при помощи выбранного прилагательного обозначается яркость и глубина цвета, а также большое количество его оттенков. Поскольку тема процитированного стихотворения – воспоминания детства, то, возможно, за счет некоторого отступления от языковой нормы поэт стремится передать именно детское восприятие действительности. Подобные приемы мы находим и в других текстах А.А. Тарковского, у которого тема детства является одной из любимых.

Научный термин у А.А. Тарковского может не только подвергаться семантическому изменению, но и «обыгрываться» фонетически – как, например, выражение «зияние гласных» в стихотворении «Осень» (заметим в скобках, что перед нами образец ранней лирики А.А. Тарковского; в более зрелых произведениях подобных языковых экспериментов поэт избегал): *«Твое изумление, или твое Зияние гласных – какая награда За меркнувшее бытие! <...> Не осень, а голоса слабый испуг, Сияние гласных в открытом эфире – Что лед, ускользнувший из рук...»* [5]. «Чисто научное значение лингвистического термина разрушено его звуковым обыгрыванием: «зияние гласных» – «сияние гласных» [4, с. 66]. Прямое же значение терминологического сочетания – «сочетание двух гласных подряд в слове или начальный гласный в слове» [6] – меняется на переносно-экспрессивное: «возглас, чем-то напоминающий пение» [6] (отсюда и «изумление»).

В лирике А.А. Тарковского переосмыляется и ряд других терминологических сочетаний, а именно: «земная ось», «угол зрения» и «поле тяготения».

В интернет-версии «Большого энциклопедического словаря» мы находим следующее определение: «Земная ось – прямая линия, вдоль которой происходит суточное вращение Земли; проходит через центр Земли и пересекает земную поверхность в географических полюсах» [8]. Обратимся теперь к тексту А.А. Тарковского, в котором встречается этот фразеологизм: *«Сад исходил я года в два И вдоль и поперек, И что расту я, как трава, Мне было невдомек...<...>Пока топтать мне довелось Ковыль да зелена, Я понял, что земная ось Проходит сквозь меня»* [5]. Как мы видим, поэт снова обращается к теме детства и предпринимает попытку передать мировосприятие двухлетнего ребенка, который еще не отделяет себя от окружающего мира. Постигаемое ребенком пространство «своей Лилипутии» (сад, луг, город) для него равно всей планете. Таким образом, выражение «земная ось» здесь следует понимать как «центр мироздания» – что вполне соответствует мироощущению человека в период раннего детства.

Термин «угол зрения» (у А.А. Тарковского – «угол зренья») взят из оптики; в научно-справочной литературе его значение формулируется следующим образом: «угол между лучами, идущими от крайних точек предмета через узловую точку (оптический центр глаза)» [9], то есть «угол, под которым виден предмет» [9]. А.А. Тарковский использует данное выражение в финале одного из своих программных стихотворений – «Стань самим собой»: *«...Но слово лучше у него, И краска ярче у слепца, Когда отыскан угол зренья И ты при вспышке озаренья Собой угадан до конца»* [5]. С помощью оптического термина создается мотив «внутреннего зрения» (о котором мы уже писали выше), то есть способности правильно увидеть и понять самого себя, свое жизненное предназначение. Таким образом, «предмет», который виден под этим «углом», – это подлинная сущность человека, которая им самим разгадана и осознана.

Термин «поле тяготения» (у А.А. Тарковского – «поле тяготенья») относится к

Т. 3: Меди сульфиды – Полимерные красители. М.: Большая Рос. энцикл., 1992. 639 с.: ил., табл.

области классической физики: «Поле тяготения (гравитационное поле) – фундаментальное физическое поле, через которое осуществляется гравитационное взаимодействие между всеми материальными телами»⁵. Общая теория относительности понимает его несколько иначе – как «свойство пространства-времени, появляющееся в присутствии материи. <...> Материальным носителем тяготения является пространство-время»⁶. Данное выражение мы встречаем в стихотворении А.А. Тарковского «Полевой госпиталь», которое является, на наш взгляд, одним из наиболее сложных для истолкования: «*В тот день остановилось время, <...> И ни вороньих свадеб, ни метелей, Ни оттепелей не было в том лимбе, Где я лежал в позоре, в нагоде, В крови своей, вне поля тяготенья Грядущего*» [5].

В приведенном отрывке А.А. Тарковский несколько модифицирует и расширяет устоявшийся термин – «поле тяготенья грядущего». С одной стороны, данное сочетание можно интерпретировать как контекстно-индивидуальный фразеологизм, имеющий значение «возможность будущего», «перспектива продолжения жизни». Однако, если отталкиваться от второго (пространственно-временного) значения физического термина, то «вне поля тяготенья» следует понимать как «вне пространства и времени» и даже «за пределами материального мира».

Подобное толкование представляется более верным, если учитывать, какова биографическая основа стихотворного текста, приводимого нами. «Полевой госпиталь» представляет собой попытку А.А. Тарковского «перевести» на язык поэтических образов состояние клинической смерти, которое он пережил после ранения в декабре 1943 г. Об этом сохранились свидетельства современников – к примеру, А.П. Лаврина: «...Меня потряс рассказ поэта А.А. Тарковского о его опыте **внетелесного** (выделено нами. – Т. В.) существования... в январе 1944 г., когда он погибал в госпитале от гангрены» [10, с. 128]. Приведенная цитата подтверждает наше

предположение, в том числе и на лексическом уровне.

Наконец, образный план лирического текста может строиться не на одном, а на нескольких терминах, значение которых трансформируется и переосмысливается. Примером тому может служить стихотворение «Под прямым углом». Исследователи творчества А.А. Тарковского высказывают предположение, что в данном стихотворении отразились сложные и противоречивые, хотя и прочные, отношения поэта с его третьей женой, Т.А. Озерской.

В стихотворении «выстраивание» образного контекста начинается уже с названия и далее продолжается с первых же строк: «*Мы – только под прямым углом, Наперекор один другому, Как будто не привыкли к дому И в разных плоскостях живем. <...> Мы **отражаем** все и вся И понимаем с полуслова, Но только не один другого...*» [5]. Употребленные в тексте термины, однако, связаны скорее не с областью геометрии, а опять же с оптикой: противоречивость отношений изображается автором через образ «поляризации света». На это указывает упоминание «стекла» и «радуг» («оконное стекло», «жизнь как стекло», «колеса радуг»), а также глагол «отражать».

Подведем итоги нашего исследования. Употребляя научные термины в своих поэтических произведениях, А.А. Тарковский выстраивает целостный контекст, и контекстуальный смысл термина зачастую постигается через другие лексические единицы, использованные автором в данном микротексте (фразе, четверостишии и т. д.). Выбор поэтом того или иного существительного или фразеологизма также представляется не случайным, а, напротив, является элементом цельной поэтической системы, «кодирует» ключевые темы и мотивы и т. д. Зачастую для интерпретации той или иной лексической единицы (а значит, и текста в целом) необходимы сведения о жизни поэта, привлечение информации автобиографического характера.

⁵ Гравитационное поле // Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1982. С. 332.

⁶ Там же.

Список литературы

1. *Дикинсон Э.* Стихотворения / пер. В. Марковой. М.: Худож. лит., 1981.
2. *Тарковская М.А.* Осколки зеркала. М.: Вагриус, 2006. 416 с.
3. *Воронова Т.А.* Структура метафоры в поэзии А.А. Тарковского // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ – ВОИКПРО): сб. ст. Воронеж: ВЭПИ, 2004. Вып. 2. С. 130-132.
4. *Воронова Т.А.* Фразеологизмы А.А. Тарковского с точки зрения авторской лексикографии // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Междунар. сб. науч. тр. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. Вып. 28. С. 60-70.
5. *Тарковский А.А.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1-2.
6. *Воронова Т.А.* Словарь лирики Арсения Тарковского: в 3 ч. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. Ч. 1. (А-Йота). 296 с.; 2007. Ч. 2. (К – Ощущенье). 292 с.; Наука-Юнипресс, 2014. Ч. 3. (Пава – Ряска). 254 с.
7. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2006.
8. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 1997. 1456 с.
9. *Колубаева Л.А.* Преломляющие оптические системы. Томск, 2009.
10. *Волкова П.Д.* Арсений и Андрей Тарковские. М.: Изд. дом «Зебра Е», 2004. 384 с.

References

1. Dickinson E. *Stikhotvoreniya* [Poetry]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1981. (In Russian).
2. Tarkovskaya M.A. *Oskolki zerkala* [Shatters of Mirror]. Moscow, Vagrius Publ., 2006, 416 p. (In Russian).
3. Voronova T.A. *Struktura metafory v poezii A.A. Tarkovskogo* [The structure of a metaphor in the poetry of A.A. Tarkovsky]. *Izvestiya Nauchno-kordinatsionnogo tsentra po profilyu «filologiya» (VGPU – VOIKPRO): sbornik statey* [Proceedings Of the Scientific Coordination Center on the “Philology” Profile (Voronezh State Pedagogical University – Voronezh Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Education Workers)]. Voronezh, Voronezhskiy ekonomiko-pravovoy institut Publ., 2004, vol. 2, pp. 130-132. (In Russian).
4. Voronova T.A. *Frazeologizmy A.A. Tarkovskogo s tochki zreniya avtorskoy leksikografii* [Phraseological units of A.A. Tarkovsky from the point of view of author's lexicography]. *Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov «Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu»* [International Collection of Scientific Proceedings “Materials on Russian-Slavic Linguistics”]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2007, vol. 28, pp. 60-70. (In Russian).
5. Tarkovskiy A.A. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1991, vol. 1-2. (In Russian).
6. Voronova T.A. *Slovar' liriki Arseniya Tarkovskogo: v 3 ch. Ch. I. (A-Yota). Ch. II. (K – Oshchushchen'ye). Ch. III. (Pava – Ryaska)* [Dictionary Lyrics of Arseny Tarkovsky: in 3 Parts. Part 1 (A – Iota). Part 2 (K – Feeling). Part 3 (Peahen – Duckweed)]. Voronezh, Voronezh State University Publ., pt 1, 2004, 296 p., pt 2, 2007, 292 p., “Nauka-Yunipress” Publ., pt 3, 2014, 254 p. (In Russian).
7. Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 3 vols.]. Moscow, AST Publ., 2006. (In Russian).
8. Prokhorov A.M. (ed.). *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., St. Petersburg, Norint Publ., 1997, 1456 p. (In Russian).
9. Kolubayeva L.A. *Prelomlyayushchiye opticheskiye sistemy* [The Refractive Optical System]. Tomsk, 2009. (In Russian).
10. Volkova P.D. *Arseniy i Andrey Tarkovskiye* [Arseny and Andrei Tarkovsky]. Moscow, Publishing House “Zebra E”, 2004, 384 p. (In Russian).

Информация об авторе

Воронова Татьяна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: invisible2editor@gmail.com

Вклад в статью: анализ литературы, набор первичного материала, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>

Поступила в редакцию 21.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Tatyana A. Voronova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Contribution: literature analysis, source material acquisition, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6314-9000>

Received 21 January 2019

Reviewed 19 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

Проблемы обучения русской фонетике иностранных студентов

Элла Евгеньевна ЩЕРБАТЮК

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8273-876X>, e-mail: 2207wega@mail.ru

Russian phonetics teaching difficulties to foreign students

Еlla E. SHCHERBATYUK

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8273-876X>, e-mail: 2207wega@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены важные вопросы работы над фонетическим строем языка на начальном этапе обучения иностранных студентов, затронуты актуальные проблемы обучения русской фонетике иностранных студентов, особенности выработки и совершенствования их слухо-произносительных навыков. Отмечена необходимость владения и слуховыми навыками, и произносительными. Установлено, что в работе над фонетическим строем языка, во-первых, важно умение разграничивать все элементы устной речи и сопоставлять их с определенными понятиями, во-вторых, необходимо реализовать внешнее оформление высказывания.

Ключевые слова: иностранные студенты; звуковой строй языка; слухо-произносительные навыки; артикуляция

Для цитирования: Щербатюк Э.Е. Проблемы обучения русской фонетике иностранных студентов // Нефилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 80-83. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-80-83

Abstract. In this study we consider the important issues of work on the phonetic structure of the language at the initial stage of foreign students teaching, the actual problems of teaching Russian phonetics to foreign students, the peculiarities of development and improvement of their audiolingual skills are touched upon. We also note the necessity of possession and auditory skills, and pronunciation. It is established that in the work on the phonetic structure of the language, firstly, it is important to distinguish all the elements of speech and compare them with certain concepts, and secondly, it is necessary to implement the external design of the statement.

Keywords: foreign students; sound language structure; audiolingual skills; articulation

For citation: Shcherbatyuk E.E. Problemy obucheniya russkoy fonetike inostrannykh studentov [Russian phonetics teaching difficulties to foreign students]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 80-83. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-80-83 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Любой язык – это, как известно, звуковая система [1]. Знание и владение этой звуковой системой – обязательное условие при общении в любом виде. Владение слухо-произносительными навыками обеспечивает эффективность всех видов речевой деятельности. Важное требование к произношению – фонематичность [2–5], что означает уровень правильного фонетического оформления ре-

чи, необходимый для восприятия ее собеседником. При нарушениях фонетических правил языка неизбежно нарушение в разной степени информативности, так как информация будет неправильно восприниматься собеседником в потоке речи.

Владение слуховыми навыками предоставляет возможность успешного развития речевой деятельности в ее различных видах.

Владение произносительными навыками требуется для реализации процесса говорения.

Обучение произношению – это обучение материальной основе звукового строя языка со следующими составляющими: развитие речевого слуха, обучение правильному звукопроизношению, овладение средствами звуковой выразительности речи – то есть комплексности всех языковых средств. Обучение иностранных студентов практической фонетике является одним из самых трудных аспектов преподавания русского языка как иностранного.

Развитие звуковой культуры речи – это главная цель при обучении иностранных студентов русскому языку. В процессе вводно-фонетического курса слухо-произносительные навыки студентов практически не развиты, поэтому основное внимание на начальном этапе занятий необходимо уделять именно фонетике. Фонетические навыки свидетельствуют об умении правильно произносить звуки и их сочетания, правильно расставлять ударения и использовать интонационное оформление в устной речи. Преподаватель должен активно использовать «фонетическую зарядку», которая настраивает речевой аппарат иностранных студентов на русское произношение.

В лингвистике при обучении фонетике используют два метода: имитативный и сознательный.

Имитативный метод подразумевает повторение услышанного материала за преподавателем. *Сознательный метод* предполагает, что иностранные студенты предварительно должны понять и осознать, что и как правильно произносить. При этом применяются схемы речевого аппарата, таблицы и т. д.

Для иностранного студента важно понимание того, как речевые органы используются при произношении определенного звука, поскольку последующая имитация этого же звука является более результативным способом освоения русского языка.

Слухо-произносительные навыки отражают умение быстро и беспрепятственно воспринимать и дифференцировать на слух разные фонетические явления русского языка, а также грамотное произношение отдельных звуков в потоке речи. При обучении

произносительным навыкам значительную роль играет артикуляционная база языка.

Артикуляция – это ряд движений, которые производят органы речи. Часть движений могут выполняться сознательно и самостоятельно контролироваться как визуально, так и мышечно (например, форма губ, положение кончика языка, степень воздушной струи и т. д.) [6; 7].

В процессе овладения устной речью иностранные студенты должны постепенно усваивать элементы артикуляционных движений, научиться управлять своими речевыми органами, чувствовать изменения в их положении. Задача преподавателя – помочь иностранным студентам в практическом освоении этих навыков, используя описание звуков, наглядную демонстрацию отдельных движений, положения речевых органов и т. д.

Выразительность является важным качеством устной речи. Способность грамотно подбирать слова, высказывать мысли, выражать чувства, эмоции, интонационно воздействовать на слушателя зависит от того, насколько хорошо говорящий владеет произношением звуков, техникой дыхания, четкой дикцией, темпом речи и т. д.

Таким образом, развитие произносительных навыков, умение использовать компоненты звуковой выразительности речи, знание особенностей культуры речевого общения – все это является важнейшими задачами в обучении русскому языку как иностранному. Поэтому фонетика требует особого внимания на начальном этапе обучения для последующего применения в других видах коммуникативной деятельности.

В ходе работы преподаватель обязан не только исправлять ошибки в произношении, но и в результате добиться правильного произношения каждого студента. Для этого применяются различные виды упражнений, например, *рецептивные* (задания по распознаванию и различению звуков, слогов), *репродуктивные* (имитация, трансформация).

В хоровых заданиях усложняется контроль за правильностью произношения всех студентов, поэтому преподаватель должен использовать больше индивидуальных заданий, которые подбираются с учетом индивидуальных особенностей студентов.

Важную роль в обучении фонетике иностранных студентов играет аудирование, которое может использоваться на занятиях для устранения сложностей, связанных с восприятием иностранной речи. При аудировании студенты дробят речевой поток на отдельные элементы с помощью интонации, пауз, логического ударения.

При использовании аудиотекстов возможны следующие виды работ:

- прослушивание звукозаписи и повторение за диктором;
- прослушивание звукозаписи и синхронное говорение с диктором;
- прослушивание звукозаписи с визуальной опорой на текст;
- фонетический разбор прослушанного аудиотекста и т. д.

В процессе преподавания русского языка как иностранного преподавателю предстоит столкнуться с такими ошибками, которые не свойственны носителям русской речи [8]. Именно поэтому специалисты русского языка как иностранного разработали новейший критерий анализа ошибок – критерий успешности/неуспешности коммуникативного акта.

Таким образом, выделяются два основных типа ошибок:

- 1) коммуникативно-значимые;

- 2) коммуникативно-незначимые.

К первому типу относят ошибки, частично или полностью изменяющие смысл отдельной фразы, разговора в целом, коммуникативный тип сказанного, что приводит к неверному пониманию или полному непониманию при общении. Ко второму типу принято относить такие ошибки, которые никак не изменяют смысл высказывания, его тип, эмоциональную наполненность и впоследствии не влияют на успешный ход коммуникации.

Для сохранения, закрепления и совершенствования выработанных у студентов навыков необходимо многократно повторять ряд упражнений и тренировочный материал, постепенно расширяя и усложняя его. В результате обучения фонетике и приобретения навыков говорения студенты должны в полной мере овладеть русской артикуляционной базой, научиться бегло озвучивать текст в соответствии с фонетическими особенностями русского языка, освоить полный комплекс фоностилистических средств для быстрой и выразительной коммуникации.

Вот почему работа над русской фонетикой должна быть основной задачей преподавателя русского языка как иностранного, и этой работе должно уделяться значительное внимание на всех этапах обучения студентов.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 2014.
2. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
3. Галева М.М. Механизм произношения и динамика его формирования в процессе обучения русскому языку как иностранному // Преемственность при обучении иностранцев русскому языку. М., 1981. С. 80-87.
4. О едином фонетическом режиме для студентов в условиях аспектного преподавания русского языка как иностранного // Преподавание русского языка нерусским на историко-филологическом факультете: сб. науч. тр. / под ред. Г.Ф. Жидковой, И.М. Логиновой. М., 1980. С. 11-22.
5. Самуйлова Н.И. Фонетический аспект в учебнике для начального этапа // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного: сб. ст. М., 1981. С. 138-145.
6. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
7. ШUTOва М.Н. Теория поэтапного формирования умственных действий и понятий и обучение иностранцев русскому языку: (фонетический аспект). М., 2004.
8. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Златоуст, 2013.

References

1. Leontyev A.A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, Speech, Speech Activity]. Moscow, 2014. (In Russian).
2. Bryzgunova E.A. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and Intonation of Russian Speech]. Moscow, 1977. (In Russian).

3. Galejeva M.M. Mekhanizm proiznosheniya i dinamika ego formirovaniya v protsesse obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [The mechanism of pronunciation and dynamics of its formation in the process of teaching Russian as a foreign language]. *Preyemstvennost' pri obuchenii inostrantsev russkomu yazyku* [Continuity in Teaching Russian to Foreigners]. Moscow, 1981, pp. 80-87. (In Russian).
4. Zhidkova G.F., Loginova I.M. (eds.). O edinom foneticheskom rezhime dlya studentov v usloviyakh aspekt-nogo prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [About the united phonetic mode for students in the conditions of aspect teaching of Russian as a foreign language]. *Sbornik nauchnykh trudov «Prepodavaniye russkogo yazyka nerusskim na istoriko-filologicheskoy fakul'tete»* [Proceedings of Scientific Articles "Teaching Russian to Foreigners at the History and Philology Faculty"]. Moscow, 1980, pp. 11-22. (In Russian).
5. Samuylova N.I. Foneticheskiy aspekt v uchebnike dlya nachal'nogo etapa [Phonetic aspect in the textbook for the initial stage]. *Sbornik statey «Soderzhaniye i struktura uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo»* [Collection of Articles "The Content and Structure of the Russian Language Textbook as a Foreign Language"]. Moscow, 1981, pp. 138-145. (In Russian).
6. Svetozarova N.D. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation System of the Russian Language]. Leningrad, 1982. (In Russian).
7. Shutova M.N. *Teoriya poetapnogo formirovaniya umstvennykh deystviy i ponyatiy i obucheniye inostrantsev russkomu yazyku: (foneticheskiy aspekt)* [Gradual Formation Theory of Mental Actions and Concepts and Teaching Russian Language to Foreigners: (Phonetic Aspect)]. Moscow, 2004. (In Russian).
8. Fedotova N.L. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, "Zlatoust" Publ., 2013. (In Russian).

Информация об авторе

Щербатюк Элла Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: 2207wega@mail.ru

Вклад в статью: освоение методов обучения, разработка упражнений, подготовка тренировочного материала, анализ практических занятий, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8273-876X>

Поступила в редакцию 10.01.2019 г.
Поступила после рецензирования 08.02.2019 г.
Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Ella E. Shcherbatyuk, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian as a Foreign Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. E-mail: 2207wega@mail.ru

Contribution: teaching methods adoption, exercises development, training materials preparation, practical lessons analysis, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8273-876X>

Received 10 January 2019
Reviewed 8 February 2019
Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-84-89
УДК 82-1/-9

**М.А. Булгаков и В.Э. Мейерхольд:
к поэтике авангардистской формы «театр дыбом»
и эротическому приему французского театра «ню»**

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

**M.A. Bulgakov and V.E. Meyerhold:
to the poetics of the avant-garde form “upside down theatre”
and the erotic reception of the French theatre “nude”**

Vladimir V. KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована аллюзия из повести М.А. Булгакова «Роковые яйца», в которой, по мнению большинства литературоведов, видятся взаимоотношения, сложившиеся между М.А. Булгаковым и В.Э. Мейерхольдом. Между тем театральная авангардистская форма «театр дыбом» и эротический прием французского театра «ню», денотированные в ней, говорят об обратном. Они указывают на отрицающую их политическую и социально-общественную атмосферу, складывающуюся в эпоху сколачивания И.В. Сталиным непрекращаемого образа имперского зрелища. Потрафляя вкусам вождя, чтобы быть напечатанным, М.А. Булгаков использует сарказм и намекает, что дальнейшее развитие экспериментального, конструктивистского театра приведет «гениального художника-революционера» (С.С. Мокульский) к неминуемой гибели.

Ключевые слова: В.Э. Мейерхольд; М.А. Булгаков; ГосТиМ; «театр дыбом»; «ню»; аллюзия; сарказм; И.В. Сталин; З.Н. Райх

Для цитирования: Колчанов В.В. М.А. Булгаков и В.Э. Мейерхольд: к поэтике авангардистской формы «театр дыбом» и эротическому приему французского театра «ню» // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 84-89. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-84-89

Abstract. In this study we analyze allusion from the novel by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”, which, according to most literary critics, see the relations between M.A. Bulgakov and V.E. Meyerhold. Meanwhile, the theatrical avant-garde form of “upside down theatre” and the erotic reception of the French theater “nude”, denoted in it, say the opposite. They point to the political and social and public atmosphere that denies them, which is developing in the era of J.V. Stalin’s knocking together of the indisputable sample of the imperial spectacle. While indulging the tastes of the leader to be printed, M.A. Bulgakov uses sarcasm and hints that the further development of the experimental, constructivist theater will lead to the “brilliant revolutionary-artist” (S.S. Mokulsky) to impending death.

Keywords: V.E. Meyerhold; M.A. Bulgakov; State Theater named after V.E. Meyerhold; “upside down theatre”; “nude”; allusion; sarcasm; J.V. Stalin; Z.N. Reich

For citation: Kolchanov V.V. M.A. Bulgakov i V.E. Meyyerkhol’d: k poetike avangardistskoy formy «teatr dybom» i eroticheskomu priyemu frantsuzskogo teatra «nyu» [M.A. Bulgakov and V.E. Meyerhold: to the poetics of the avant-garde form “upside down theatre” and the erotic recep-

tion of the French theatre “nude”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 84-89.
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-84-89 (In Russian, Abstr. in Engl.)

А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!

А.С. Грибоедов

В российском литературоведении неоднократно отмечался тот факт, что между режиссером МХАТа М.А. Булгаковым и режиссером ГосТиМа В.Э. Мейерхольдом установились сложные отношения. Первый негативно воспринимал «постановки Мейерхольда», в частности, отрицал «биомеханику» [1, с. 674; 2, с. 24], второй «обрушивался на мхатовскую постановку пьесы» «Мольер», «ставил в вину А. Таирову постановку в 1928 г. «Багрового острова», «критиковал Театр сатиры за то, что туда «пролез Булгаков» [2, с. 54-55]. В то же время В.Э. Мейерхольд «обиды не держал», относился «к автору «Дней Турбиных» с интересом и сочувствием, содействовал тому, чтобы пьеса не была задержана цензурой», и даже настойчиво «просил у М.А.» «каждую» пьесу, «которую М.А. писал» [2, с. 24, 55], – драматург, между тем, неизменно отказывался – «сохранял позу». Поэтому, чтобы дополнить наши представления о взаимоотношениях двух театральных гениев и одновременно расширить знания о литературном процессе 1920–1930-х гг., следует прокомментировать одну булгаковскую аллюзию, направленную в виде сарказма на собрата по сценическому мастерству. Она содержится в неоднократно исправлявшейся и перерабатываемой повести «Роковые яйца», вышедшей в печать, по официальной версии, в 1925 г. Для ее автора – театрала, «человека играющего», аллюзия отразила самое сокровенное и эпохальное событие XX столетия – историю закрытия футуристического театра, какой олицетворял собой его теоретик и практик В.Э. Мейерхольд.

Аллюзия на футуристический театр и В.Э. Мейерхольда носит одновременно в повести еще и озорной, эксцентричный характер и связана с попыткой поставить на его сцене драму А.С. Пушкина «Борис Годунов». Поэтому приведем текст аллюзии полностью:

Театр покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга «Курый дох» в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана¹.

Первый парадокс, который обнаруживается здесь, состоит в том, что «народная драма» «Борис Годунов» в ГосТиМе никогда не показывалась. Но В.Э. Мейерхольд трижды обращался к ней в самые кризисные годы истории России: во время Гражданской войны, в Новороссийске, когда, находясь в плену у белогвардейцев, репетировал пьесу среди арестантов, в первые годы нэпа (1925–1926 гг.), когда репетировал пьесу во второй раз – в 3-й студии МХТ (имени Е.Б. Вахтангова), и в годы репрессий (1936–1937) – в ГосТиМе – когда в итоге пьесу к показу запретили.

Второй парадокс: запрет произошел на фоне крупных театральных мероприятий, приуроченных к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. На исходе 1936 г. был выпущен театроведческий сборник «Борис Годунов А.С. Пушкина» под общей редакцией К.Н. Державина, а в 1937 г. спектакль по «Борису Годунову» состоялся во всех местах «необъятного СССР»: в Малом театре, колхозно-совхозном театре Леноблисполкома, Оренбургском, Воронежском, Смоленском, Новосибирском, Орехово-Зуевском, Свердловском, Рязанском, Краснодарском, Башкирском, Таджикском, Коми драматическом театре и мн. др.² Последние месяцы существования ГосТиМа вообще прошли под знаком смерти сценического замысла «Бориса Годунова», и В.Э. Мейерхольд, по свидетельству современников, глубоко переживал провал.

О неосуществившемся замысле поставить драму остались очень скудные сведе-

¹ О содержании процитированной фразы также см.: [3].

² Театральная энциклопедия. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Teatr/_51.php (дата обращения: 12.12.2018).

ния, но сегодня ясно одно: «категорический отказ от формы так называемого монументального спектакля с большими массовками, с толпами бояр и натуралистическими декорациями», превращение пьесы в «жанр <...> трагической сюиты в двадцати четырех частях», в «борьбу человеческих страстей на фоне десятибалльного народного шторма» [4, с. 59], как характеризовал авангардистские приемы постановки сам режиссер, приводил бы к нарушению сложившегося театрального стереотипа, а в ситуации сколачиваемой И.В. Сталиным новой, советской империи – к разрушению непререкаемого образа имперского зрелища. Не менее страшным и аффектированным являлось и то, что возрождалась не только символистская лирическая «драма-мистерия», но и ее футуристический эквивалент – мистерия-буфф – работа цирковых клоунов группами в условиях социального апокалипсиса. Эталоны их в истории театра существовали – запрещенная к постановке цензурой пьеса «Король на площади» А.А. Блока и «Мистерия-буфф» В.В. Маяковского, проводившиеся на сцену именно В.Э. Мейерхольдом. Использование сразу двух полярных к социально-утверждающему реализму эстетических конструкций подрывало сами устои тоталитарной мысли в России, вводило мотив брэнности и обреченности любой формы власти и любой формы абсолютизма.

Еще в начальный период дружества В.Э. Мейерхольда и В.В. Маяковского второй совершенно верно предсказал реакцию властей на такое посягательство режиссера на традиции «монументального спектакля» в связи с возможной его трансформацией в «мистирию-буфф». Тогда, по поводу только что поставленной комедии Ж.-Б. Мольера «Великодушный рогоносец» (1922), «озорного спектакля», где «озорство и подкупало», В.В. Маяковский представил эмоции нарком просвещения А.В. Луначарского:

– Анатолий Васильевич, – <...> не только нарком, но еще и драматург, и в своих пьесах он чаще всего любит выводить на сцену венценосных королей и иных величественных и важных персонажей. А теперь представьте себе его негодование и ужас, – продолжал он, – если Всеволод Эмильевич вздумает нарядить этих царственных особ в прозодежду. Мало того, а вдруг ему при-

дет фантазия заставить всех этих королей и героев кувыряться, карабкаться по лестницам или скатываться по этим скользким трапам... на собственной мягкой части тела! Как тут не вознегодовать? Это ли не плевки в душу? [5, с. 603].

А попытки придать солидному спектаклю черты «буфф» – массового циркового шоу – были. Они коренились не только в бродячем театре скоморохов и европейских комедиантов, но и в средневековом «вселенском» действе – мистерии, строящейся на сочетании священного и профанного, «высокого» и «низкого», серьезного и глумливого.

В письме к В.Э. Мейерхольду от 2 ноября 1928 г. музыкальный оформитель мейерхольдовского театра В.А. Шестаков описал режиссеру сценический план четы Лавинских. Речь тогда шла о художественно-декоративном оформлении революционной драмы С.М. Багдасарьяна «Марокко» («В кровавой пустыне»), сценическая архитектура которой строилась необычно. Ее постановка намечалась в сезон 1928/1929 г., но по неизвестным причинам не состоялась. Тогда впервые и возникло футуристическое понятие «трапеции», отмечаемое в процитированном фрагменте. В отличие от цирковой акробатической трапеции или светотехнического приема современного театра, трапеция Лавинских состояла из своеобразного комплекса декораций и отражала тот принцип троичной сценической архитектуры, который использовался в средневековой мистерии. Этот принцип легко увидеть на примере известного всем произведения – драмы И.В. Гете «Фауст». Приведем два отрывка – один из «Фауста» И.В. Гете, второй – из сценического плана «Марокко», отражающего поиски авангардистами 1920-х гг. всенародного, массового действия.

«Фауст»:

Скажите – бутафор вам даст
Все нужные приспособленья.
Потребуется верхний свет, –
Вы жгите, сколько вам угодно,
В стихии огненной, и водной,
И прочих недостатка нет.
В дощатом этом балагане
Вы можете, как в мирозданье,
Пройдя все ярусы подряд,
Сойти с небес сквозь землю в ад [6, с. 14].

Сценический план четы Лавинских:

Пол сцены приобретает при постановке вид наклонной на публику трапеции; по бокам ее стоят колонки, расположенные по законам обратной перспективы. Свободные пространства от наклона заполняются объемными холмами, покрытыми песком. На заднем плане в первой картине показаны силуэты верблюдов, во второй – большая карта, в третьей – тир с изображением негров. Боковые части конструкции, остающиеся в первой картине открытыми, закрываются во второй картине (между колоннами) цветной материей, а в третьей картине – в пространствах между колоннами вешаются различные гимнастические приборы. На наклонном полу в первой картине располагаются молящиеся, во второй картине – большой стол, а в третьей – ставятся гимнастические приборы [7, с. 292-293].

Это был все тот же «театр дыбом», какой выстраивался В.Э. Мейерхольдом в пьесах «Мистерия-буфф» В.В. Маяковского, «Земля дыбом» С.М. Третьякова и в пьесе «Д.Е.» по роману И.Г. Эренбурга: происходил переворот плоскостей мироздания, картины земли, ада и рая менялись местами и дополнялись новым топосом.

Существовал еще один момент в работе ГосТиМа, предвосхитивший театральные опыты в России постмодернистской поры – эротический. Насколько он воплотился в репетициях «Бориса Годунова» – сказать трудно, но одна деталь в булгаковском описании вводит достаточно чувственную конкретику – гимнастические «трапеции» «рухнули» «с **голыми** боярами (выделено мною. – В. К.)». И здесь, по всей вероятности, не имелись ввиду костюмы цирковых гимнастов, затянутых в трико на трапециях под куполом цирка, – фраза содержала буквальный смысл: театр требовал костюма как части декорации, а раз декорации «рушились», то «рушился» и костюм.

Наглядному обозрению такое действие поддается через пьесу «Дама с камелиями» и французский эротический прием «ню» («обнаженные», «обнажение»). Приступая к работе над пьесой, режиссер в письме к известному своим эротоманскими стихами поэту-адаmistу М.А. Кузмину (от 12 июля 1933 г.) заказал набор скабрёзных песенок, а чуть раньше в письме к В.Я. Шебалину (от 24 июня 1933 г.) просил композитора вынести на сце-

ну мелодии и ритмы французской эстрады из репертуара кабачков-кабаре конца 1870-х гг. В письме к В.Я. Шебалину содержались фрагменты сценария о постановке пьесы А. Дюма-сына в рамках эстетики декаданса. Письмо должно показаться очень интересным в связи с замыслом «Бориса Годунова». Оно достаточно большое, и, чтобы не занимать много времени и не уходить далеко в поэтику мейерхольдовского театра, приведем всего несколько отрывков. Они, по сути, повторяют план-черновик и команды режиссера на время репетиции:

Пьесу Дюма мы переносим из 40–50-х годов в конец 70-х годов. На действующих лиц этой замечательной драмы мы смотрим глазами Эдуарда Мане. Для выражения идеи, вложенной в эту пьесу ее автором, нами заостряемой, эта фаза буржуазного общества кажется нам более благодарной в свете тех заострений, которые мы намерены провести в нашей композиции этого спектакля. <...>

11. Финал первого акта: это – карнавальная сцена в духе «Бала четырех искусств». В этом карнавальном финале три момента:

а) Карнавал «эспаньоль». Все в сомбреро, плащах, под которыми ню. <...>

б) Испанская карнавальная сцена переключается в острый, бурный, чисто французский канкан. Сбросили плащи, все ню несколько секунд, блеснет, все оголится. Все окунается в оргию. Впечатление у зрителя должно остаться такое: предстоит ужасная ночь, страшная оргия.

в) Необходим хорик (для tutti) нормандцев или бретонцев, немножко на диалекте. Исполняется глуповатая наивная песенка [7, с. 327-328].

Поэтому нет ничего странного, что во второй половине 1930-х гг., в разгар социалистического реализма, первым серьезным предупреждением куртуазному автору на постановку его курьезов стал запрет «Бориса Годунова», вторым – закрытие его «театра дыбом». Приказ о закрытии ГосТиМа исходил от Комитета по делам искусств при Совнарком СССР и был опубликован в газете «Правда» 8 января 1938 г. К закрытию вели как причины личного характера (эстетические взгляды и имперские амбиции И.В. Сталина, его недовольство после посещения в 1934 г. пресловутой «Дамы с камелиями», раздраженное письмо И.В. Сталину ведущей актрисы и второй жены режиссера З.Н. Райх «о

том, что он не разбирается в искусстве³), так и причина, как читатель догадывается, общественно-нравственная.

В.Э. Мейерхольд после закрытия театра не сломался. Железная воля и настойчивость, присущие режиссеру, которые современники отмечали не раз, упорно вели его к трагической развязке. Возможно, одной из главных причин перехода весной 1938 г. в Оперный театр К.С. Станиславского, бывший филиал Большого театра, и стал «Борис Годунов»: там помпезная опера «Борис Годунов» М.П. Мусоргского значилась в его репертуаре с 1929 г. Неизвестно, дошло ли дело до репетиций на этот раз. 20 июня 1939 г. после своей последней работы – оперы «Риголетто» – В.Э. Мейерхольд был арестован и 2 февраля 1940 г., за два месяца до смерти автора «Роковых яиц», расстрелян. В качестве последней капли, переполнившей чашу негодования подписавшего приговор, мог стать сквозной образ булгаковской повести «Роковые яйца» – «красный луч». Он прямо указывал на ту область «вселенской» тьмы, откуда явилась гибель и для чудака-алхимика в «Фаусте», и чудака-зоолога в «Роковых яйцах»⁴.

– Однажды, – вспоминал о репетициях оперы «Риголетто» П. Румянцев, – при освещении последнего акта в окне убийцы Спарафучиле – оно прикрывалось дощатой ставней – случайно остал-

³ Судьба детей Сергея Есенина. URL: <https://leaf-clover.club/sudba-detey-sergeya-esenina/> (дата обращения: 16.12.2018).

⁴ Более подробно о сравнении «красных лучей» в «Фаусте» и «Роковых яйцах» [8].

ся от какого-то фонаря за кулисами узкий, еле заметный красноватый лучик.

– Вот, вот что нужно! – вдруг выкрикнул из зала Всеволод Эмильевич. – Эта зловещая багровая щелочка пусть светит в течение всего акта. Она дает впечатление какой-то опасности. А когда убьют Джильду, пусть она погаснет. Значит, убийцы скрылись.

Он ходил довольный по партеру и говорил, обращаясь к сидящим:

– Правда, какая хорошая черточка? [5, с. 600].

Таким образом, без учета мотивной структуры «Роковых яиц» сарказм, заключенный в процитированной аллюзии, не совсем верно отражает отношения, складывающиеся между М.А. Булгаковым и В.Э. Мейерхольдом, еще больше осложняет и запутывает наше представление о них. Поправка происходит, когда сарказм снимается сверхзадачей писателя – показать истинный ход российской театральной жизни до Второй мировой войны через сквозной образ повести «красный луч». Он становится мотивным указателем (сигнификатом) на то, что настоящей причиной обрушения «трапедий» в конструктивистском театре и «гибели» В.Э. Мейерхольда являются не шаткость сценических конструкций, а социальные обстоятельства и политическая воля Заказчика из темноты. Сарказм, следовательно, скорее всего, удовлетворял вкусам именно этого темного и искусно замаскированного Заказчика, – иначе повесть не состоялась бы. Самому же М.А. Булгакову, любящему театральные маски, как и всегда, пришлось надеть сухой беспристрастный монокль – «биомеханически» «сохранить позу».

Список литературы

1. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо; Алгоритм; Око, 2005. 827 с.
2. Михаил Булгаков, Владимир Маяковский. Диалог сатириков / сост., вступ. ст., коммент. Е.А. Яблокова. М.: Высш. шк., 1994. 555 с.
3. Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 45-58; № 14. С. 60-71.
4. Гладков А.К. Мейерхольд: в 2 т. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1990. Т. 2. 473 с.
5. Встречи с Мейерхольдом: сборник воспоминаний / редкол. М.А. Валентейн, П.А. Марков, Б.И. Ростокский, А.В. Февральский, Н.Н. Чушкин; ред.-сост. Л.Д. Вендровская. М.: ВТО, 1967. 622 с.
6. Гете И.В. Фауст. Трагедия // Гете И.В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 2. 512 с.
7. Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М.: Искусство, 1976.
8. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте / отв. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2017. С. 170-188.

References

1. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo; Algoritm; Oko Publ., 2005, 827 p. (In Russian).
2. Yablokova E.A. (ed.-compiler, introductory article, comment). *Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovskiy. Dialog satirikov* [Dialogue of Satirists]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1994, 555 p. (In Russian).
3. Kolchanov V.V. «Trotskyists»: literaturno-politicheskiy fars i satiricheskie sredstva ego vyrazheniya v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Trotskyists”: literary and political farce and satirical means of its expression in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 45-58, no. 14, pp. 60-71. (In Russian).
4. Gladkov A.K. *Meyerkhol'd: v 2 t.* [Meyerhold: in 2 vols.]. Moscow, Union of Theatre Workers of the RSFSR, 1990, vol. 2, 473 p. (In Russian).
5. Valenteyn M.A., Markov P.A., Rostotskiy B.I., Fevral'skiy A.V., Chushkin N.N. (eds.), Vendrovskaya L.D. (ed.-compiler). *Vstrechi s Meyerkhol'dom: sbornik vospominaniy* [Meetings with Meyerhold: collection of Memories]. Moscow, All-Russian Theatre Society, 1967, 622 p. (In Russian).
6. Goethe J.W. Faust. Tragediya [Faust. Tragedy]. In: Goethe J.W. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1976, vol. 2, 512 p. (In Russian).
7. Meyerhold V.E. *Perepiska. 1896–1939* [Correspondence. 1896–1939]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. (In Russian).
8. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovyye yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoyevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motif in the M.A. Bulgakov novel “The Fatal Eggs”: professor Persikov character in the light of the ancient, Western European and Russian ceremonial magic]. In: Zheltova N.Y. (executive ed.). *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of the 20th – 21st Centuries in the National Cultural and Historical Context]. Tambov, Publishing House “Derzhavinskiy”, 2017, pp. 170-188. (In Russian).

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Вклад в статью: идея, работа с литературными источниками, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Поступила в редакцию 14.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 10.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Contribution: idea, work with literature references, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Received 14 January 2019

Reviewed 10 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-90-95
УДК 791.43

Китайская кинематография в России в контексте «Одного пояса, одного пути»

Ливэй ЧЖАН

Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4739-8007>, e-mail: zhangliweieyu@163.com

Chinese cinematography in Russia in the context of “One Belt, One Road” initiative

Liwei ZHANG

Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law
of Tianjin Foreign Studies University
117, MaChang Rd, Tianjin 300072, People’s Republic of China
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4739-8007>, e-mail: zhangliweieyu@163.com

Аннотация. Рассмотрено состояние распространения китайского кинематографа в России. Доказано, что серьезным стимулом развития кинематографа в Китайской Народной Республике стало рациональное сочетание коммерческих инструментов при производстве кинопродукции с решением серьезных для Китая имиджевых задач, что современный китайский кинематограф приобрел еще одну чрезвычайно важную нагрузку – он стал важным медийным орудием «мягкой силы» для распространения за рубежом информации о китайской культуре, истории и политике, а также для формирования позитивного образа Китая, создания доверительного отношения к китайской цивилизации и нации. Для России как страны, расположенной вдоль «Одного пояса, одного пути», сотрудничество с Китаем особенно ценно. Обосновано, что взаимодействие двух стран в области кинематографа – один из главных составляющих элементов поддержания добрососедских отношений. Установлено, что в проведении международного кинофестиваля в России активно принимают участие китайские фильмы, завоевывая различные награды, начиная с февраля 1935 г., когда на Первом Московском международном кинофестивале (или Советском Кинофестивале в Москве) социальная драма «Песня рыбаков» режиссера Цай Чушэна получила поощрительный приз жюри фестиваля. Это был первый международный приз в истории китайского кино.

Ключевые слова: кинематограф; «Один пояс, один путь»; Россия; Китай

Для цитирования: Чжан Ливэй. Китайская кинематография в России в контексте «Одного пояса, одного пути» // Нефилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 90-95. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-90-95

Abstract. In this study we consider Chinese cinema in Russia distribution condition. It is proved that a serious stimulus for the development of cinematography in the People's Republic of China was a rational combination of commercial tools in the production of films with the solution of serious image problems for China, that modern Chinese cinematography has acquired another extremely important load – it has become an important media instrument of “soft power” for the dissemination abroad of information about Chinese culture, history and politics, as well as for the formation of a positive image of China, creating a trust relationship to Chinese civilization and nation. For Russia, as a country located along the “One Belt, One Road”, cooperation with China is especially valuable. The study substantiates that the interaction of the two countries in the field of cinematography is one of the main components of maintaining good – neighborly relations. It has been established during the conducted study that Chinese films actively participate in the international film festival in Russia, winning various awards, since February 1935, when at the First

Moscow International Film Festival (or the Soviet Film Festival in Moscow) the social drama "Song of the Fishermen" directed by Cai Chusheng received an incentive prize of the festival jury. It was the first international prize in the history of Chinese cinema.

Keywords: cinematography; "One Belt, One Road"; Russia; China

For citation: Zhang Liwei. Kitayskaya kinematografiya v Rossii v kontekste «Odnogo poyasa, odnogo puti» [Chinese cinematography in Russia in the context of "One Belt, One Road" initiative]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 90-95. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-90-95 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Нынешнее состояние распространения кинематографов в России. В.А. Монастырский подчеркивает: «Кино – сравнительно молодо. Ему чуть больше ста лет. Младенческий возраст по сравнению с традиционными искусствами: музыкой, живописью, литературой, хореографией, театром, история которых исчисляется тысячелетиями» [1, с. 79].

Русское киноискусство оказывало сильное влияние на несколько поколений китайцев, например, фильмы раннего Советского Союза вызвали сильное воздействие на чувства китайцев в 50-х и 60-х гг. XX века. Такие фильмы, как «Освобождение», «А зори здесь тихие», «Служебный роман» создали «уникальную художественную модель жизни во всем многообразии ее социальных и духовных проявлений» [1, с. 79], которая была небезразлична и китайскому зрителю.

Проведенный анализ «годовой подшивки» журнала «Искусство кино» за юбилейный 1967 г., представленный А.В. Федоровым, показывает, как кинокритика отражала «на его страницах советское игровое кино (хотя, естественно, журнал писал и о кинематографе документальном, научно-популярном, анимационном, зарубежном, публиковал статьи видных режиссеров, сценаристов, операторов, актеров, полные тексты литературных сценариев, фильмографии)» [2].

По мнению В.В. Колчанова, в наши дни кинокритика определяет художественное своеобразие сценария фильмов, его поэтику, операторские приемы: описываются «психические настроения, царящие в коллективном сознании современного постиндустриального общества: пессимизм, боязнь физиологического голода; гносеологические тенденции: утрачивание цельного знания, традиционных духовных ориентиров и замена их симулякрами» [3, с. 50].

Искусство кино создавало одно из первых впечатлений китайцев о Советском Сою-

зе и русских, но в то же время и китайские фильмы оказывали большое влияние на русского зрителя, например, китайские фильмы «Чай из хризантем», «Богиня милосердия», «Хохлатый ибис» (ибис – редчайшая птица и национальный символ Китая), получившие различные награды на Московском международном кинофестивале. Подобного рода фильмы позволяют россиянам почувствовать ментальность Китая, настоящую китайскую традиционную культуру. Показы китайских и российских фильмов расширяют каналы культурного обмена между двумя странами, и, благодаря силе воздействия, китайские фильмы, демонстрируемые в России, все больше позволяют россиянам чувствовать настоящий Китай и узнавать новые киношедевры этой страны.

Со дня проведения международного кинофестиваля в России в нем активно принимают участие китайские фильмы, завоевывая различные награды. В феврале 1935 г., на Первом Московском международном кинофестивале Советского Союза социальная драма «Песня рыбаков» режиссера Цай Чуншэна получила поощрительный приз и международное признание. В 1959 г. фильм «Новая история старого солдата» и мультфильм «Приключение карпят» («Карпята прыгают через Драконы Ворота») получили ценные награды Московского кинофестиваля. В 1961 г. Юй Лань получила награду «Лучшая актриса Московского кинофестиваля» за фильм «Семья революционеров».

После Культурной революции развитие китайского кинематографа активизировалось, появилось большое количество выдающихся режиссеров и кинематографических работ, отмеченных различными наградами на международном уровне. С момента своего вступления в XXI век фильмы «Лунное затмение» (режиссер Ван Цюаньань), «Пионовая беседка» (Китай, Гонконг), «Чай

Таблица 1

Сборы китайских фильмов в России (2005–2015 гг.)

Название	Дистрибьютор	Дата старта	Экраны	Сборы (млн руб.)
Доспехи Бога 3: Миссия Зодиак	UPI	31.01.2013	1090	283
Гнездо дракона	Парадиз	09.04.2015	707	25
Кунг-фу кролик	Льюксор	15.09.2011	310	20
Новая полицейская история	Лизард	17.02.2005	83	18,5
Дом летающих кинжалов	Парадиз	20.01.2005	122	18
Разборки в стиле кунг-фу	Каскад фильм	23.06.2005	80	15,9
Пингвиненок Пороро: большие гонки	Ракета Релизинг	14.05.2015	464	15
Врата дракона	Каскад фильм	21.02.2013	150	11
Большой солдат	Top Film Distribution	24.06.2010	159	11
Медведи-соседи	Ракета Релизинг	09.10.2014	380	10

из хризантем», «Хохлатый ибис» получили различные награды на Московском международном фестивале. На XXVIII Московском международном фестивале кинорежиссер Чен Кайгэ был награжден Специальным призом за вклад в мировое кино. Молодой актер Ван Дачжи стал лучшим актером благодаря блестящей игре в фильме «Я не Ван Мао» на международном кинофестивале военно-патриотического фильма имени Сергея Бондарчука.

Такие китайские фильмы, как «Маленькие красные цветы», «Вернуться домой», «Господин дерево», «Море людей», «Жизнь после жизни», «Овдовевшая ведьма», «Слон сидит неподвижно» неоднократно получали главный приз на «Меридианы Тихого» – международном кинофестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Полученные награды на разных российских кинофестивалях свидетельствуют о том, что китайские фильмы получили признание и внимание как в среде российских кинематографистов-профессионалов, так и кинозрителей. И, с точки зрения технологии кино съемки, исполнительского уровня, творческих замыслов, методов и приемов постановки, завоевали высокую оценку со стороны российского кинематографа и медиаиндустрии.

На сегодня Китай обладает одной из крупнейших и быстроразвивающихся киноиндустрий в мире. Только за один год прокат в этой стране вырос в 1,5 раза. Неудивительно, что российские дистрибьюторы заинтересованы в рынке Поднебесной. Приведем статистику сборов китайских фильмов в России за последние 10 лет (с 2005 до 2015 г.) (всего

за это время в России вышло около 37 картин китайского производства)¹ [4].

В 2016 г. фильмы «Отпетые напарники» (Джеки Чан в главной роли) и «Великая стена» режиссера Чжан Имоу получили большие кассовые сборы, в том числе «Великая стена» получила 281,3 млн руб. сборов. Из табл. 1 видно, что в кассе первых десяти фильмов в основном доминируют фильмы про кунг-фу.

Инициатива «Один пояс, один путь» способствует распространению китайских фильмов в России. Предложение «Экономического пояса Шелкового пути» было впервые выдвинуто председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Казахстан осенью 2013 г. В такие политические документы, как «План социального экономического развития на 2015 г.» и «Доклад о работе правительства», строительство новых транспортных магистралей и улучшение уже имеющихся согласно концепции «Одного пояса и одного пути» было включено в список важных задач, поставленных перед новым правительством Китая.

Выступая 30 декабря 2013 г. перед членами Политбюро ЦК КПК 18-го созыва с тезисами «повысить «мягкую силу» культуры Китая», председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул: «Надо создать новый имидж Китая, уделяя внимание демонстрации культурной державы – глубины его истории, интеграции всех национальностей, культурного разнообразия

¹ Восток дело тонкое: прокат китайских фильмов в России. URL: <http://cinemaplex.ru/2015/07/21/prokat-kitajskih-filmov-v-rossii.html> (дата обращения: 13.12.2018).

и гармонии; имидж восточной державы с прозрачной политикой, развитой экономикой, культурным процветанием, социальной стабильностью, сплоченностью народов и прекрасным пейзажем; имидж ответственной державы, которая настаивает на мирном развитии, содействует совместному развитию, отстаивает международное равноправие и справедливость, вносит свой вклад в человечество; имидж социалистической державы, полного доброволья, надежды и жизнеспособности».

Серьезным стимулом развития кинематографа в КНР стало рациональное сочетание коммерческих инструментов при производстве кинопродукции с решением серьезных для Китая имиджевых задач. Иным словом, современный китайский кинематограф приобрел еще одну чрезвычайно важную нагрузку – он стал важным медийным орудием «мягкой силы» для распространения за рубежом информации о китайской культуре, истории и политике, а также для формирования позитивного образа Китая, создания доверительного отношения к китайской цивилизации и нации.

Для России как страны, расположенной вдоль «Одного пояса, одного пути», сотрудничество с Китаем особенно ценно. Взаимодействие двух стран в области кинематографа – один из главных составляющих элементов поддержания добрососедских отношений. В декабре 2015 г. В.В. Путин подписал распоряжение о проведении в 2016–2017 гг. Года российских средств массовой информации в Китайской Народной Республике, а также Года китайских средств массовой информации в Российской Федерации. Мероприятия в рамках перекрестных годов способствовали дальнейшему развитию отношений и расширению двусторонних связей в гуманитарной сфере между Россией и Китаем. Основной целью межправительственного Соглашения о сотрудничестве в аудиовизуальной сфере, как сообщает Пресс-служба Министерства культуры, станет совместное кинопроизводство России и Китая. «Это позволит привлечь дополнительные средства для реализации крупномасштабных постановок, поможет расширить прокатные возможности фильмов российско-китайского производства», – сказал директор департамента ки-

нематографии Минкультуры России В. Тельнов [4]. Совместное кинопроизводство позволит увеличить возможную прибыль от проката и будет способствовать распространению китайских фильмов в России.

С целью развития международных отношений и сотрудничества в области культуры и кинематографии с другими странами мира с 2014 г. в Китае в г. Сиань проходил Первый фестиваль «Шелковый путь». В рамках фестиваля 2014 г. было продемонстрировано более 140 картин на 18 языках, созданных в 25 странах мира. Объем сделок на кинорынках с участием более 100 фильмов составил около 3 млрд юаней.

В 2015 г. фестиваль был проведен в г. Фучжоу. Стоит отметить тот факт, что организатором фестиваля «Шелковый путь» выступают Главное управление по делам печати, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР совместно с правительствами провинций Фуцзинь и Шэньси. На мероприятие было приглашено около ста знаменитых гостей из 30 стран. Среди них были Россия, Великобритания и Италия. На киносмотр были заявлены более 900 фильмов на иностранных языках и 46 кинолент на китайском языке из 76 стран мира.

К этому следует добавить, что российская группа компании «Централ Партнершип», занимающаяся производством и дистрибуцией кинопродукции, и китайская компания «China Film Group» заключили в октябре 2015 г. стратегическое соглашение о продвижении кинофильмов друг друга на кинорынках Китая и России.

13 июня 2018 г. в курортном китайском городе Циндао (восточная провинция Шаньдун) открылся Первый в истории кинофестиваль стран – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На киносмотр были приглашены участники из всех восьми стран – членов ШОС (Китай, России, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Индии и Пакистана). Подобного рода мероприятия создают благоприятные условия для распространения китайских фильмов в России.

Между тем при распространении китайских фильмов в России имеются трудности. Так, субтитры переводов как китайских фильмов, так и телевизионных сериалов не всегда полностью понятны русскому зрите-

лю. Причина в том, что многие фильмы и телевизионные сериалы переводятся китайскими переводчиками, не владеющими в совершенстве русским языком, фильмы становятся «развлечением для простонародья» (по В.А. Монастырскому). Иногда к переводу приобщают русских студентов, изучающих китайский язык, что приводит порой к неточному уровню перевода субтитров и плохому пониманию китайского текста. При распространении китайских фильмов и телевидения в России при переводе с китайского языка необходимо избегать языковых разногласий. Нужно уделять серьезное внимание качеству перевода субтитров, чтобы перевод был прост и точен, играл важную роль в обмене языков и культуры, чтобы способствовал беспрепятственному распространению китайского кино и телевизионных сериалов за рубежом.

В связи с бурным развитием китайского кинематографа и телевизионной индустрии за рубежом рекомендуем, чтобы телевизионная медиаиндустрия набирала переводчиков на разных языках и создавала профессиональные группы. Необходимо увеличить объем инвестиций в переводческую деятельность. На сегодня необходимо, чтобы китайские фильмы и телевизионные передачи более точно передавали китайский менталитет и распространяли китайскую культуру.

Культурные обмены между Китаем и Россией уходят в далекое прошлое, в исто-

рии культуры обе страны создали блестящие национальные традиции. В последние годы масштабы культурного сотрудничества между Китаем и Россией в разных областях культурной деятельности, границ и регионов постоянно расширяются. Сотрудничество в сфере культуры традиционно является важной составляющей русско-китайских отношений.

Китайский государственный деятель Вэнь Цзябао отметил: «Добрые отношения между государствами невозможны без дружбы народов, а упрочение дружбы происходит посредством духовного и эмоционального сближения».

В настоящее время руководство страны придает большое значение распространению китайского кино за рубежом и способствует успешному проведению китайско-российских кинофестивалей. Благодаря совместным усилиям китайского правительства и кино- и телевизионной медиаиндустрии китайские фильмы и телевизионные шоу будут все больше и больше появляться в России.

Мы надеемся, что распространение китайского кино в России позволит большинству российских граждан глубже понять китайскую культуру, упрочит дружбу между двумя народами и будет способствовать дальнейшему успешному развитию русско-китайских стратегических дружественных отношений и сотрудничества в области кинематографии.

Список литературы

1. Монастырский В.А. Кино как вид искусства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. Вып. 3-2 (23). С. 79-82.
2. Федоров А.В. Советский кинематограф в зеркале журнала «Искусство кино» (на примере номеров юбилейного 1967 года) // Медиаобразование. 2017. № 3. С. 143-159.
3. Колчанов В.В. «Фауст» А. Сокурова: культурный пессимизм и демифологизация // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 50-57.
4. Ноздрина Н.А., Авилова Е.А., Шалупин П.И. Гуманитарное сотрудничество России и Китая в области культуры 2001–2014 гг. // Общество и этнополитика: программа Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015.

References

1. Monastyrskiy V.A. Kino kak vid iskusstva [Cinema as an art form]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2001, no. 3-2 (23), pp. 79-82. (In Russian).
2. Fedorov A.V. Sovetskiy kinematograf v zerkale zhurnala «Iskusstvo kino» (na primere nomerov yubileynogo 1967 goda) [Soviet cinematograph in the mirror of the magazine “Film Art” (on the example of the anniversary issues of 1967)]. *Mediaobrazovaniye – Media Education*, 2017, no. 3, pp. 143-159. (In Russian).

3. Kolchanov V.V. «Faust» A. Sokurova: kul'turnyy pessimizm i demifologizatsiya [“Faust” by A. Sokurov: cultural pessimism and demythologization]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 50-57. (In Russian).
4. Nozdrina N.A., Avilova E.A., Shalupin P.I. Gumanitarnoye sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v oblasti kul'tury 2001–2014 gg. [Humanitarian cooperation between Russia and China in the field of culture 2001–2014]. *Programma Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Obshchestvo i etnopolitika»* [Program of International Scientific and Practical Conference “Society and Ethnopolitics”]. Novosibirsk, 2015. (In Russian).

Информация об авторе

Чжан Ливэй, преподаватель кафедры русского языка. Биньхайский институт внешних дел, политологии и правопедения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: zhangliweiyu@163.com

Вклад в статью: идея, сбор и анализ данных, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4739-8007>

Поступила в редакцию 20.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Liwei Zhang, Lecturer of Russian Language Department. Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China. E-mail: zhangliweiyu@163.com

Contribution: idea, data acquisition and analysis, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4739-8007>

Received 20 January 2019

Reviewed 19 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-96-101
УДК 929+27

Святитель Феофан (Говоров) – архипастырь Земли Тамбовской: «Начертать образ здравого учения христианского»

митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ (ВАСНЕВ)

Религиозная организация «Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)»
392002, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Набережная/Августа Бебеля, 80/2
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Saint Theophan (Govorov) – the Archpastor of Tambov Land: “To inscribe the image of Christian teaching”

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo THEODOSIUS (VASNEV)

Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
80/2 Naberezhnaya/August Bebel St., Tambov 392002, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Аннотация. «У кого есть искренняя любовь к истине, того она изведет из тьмы заблуждения и приведет к свету истины» (Святитель Феофан Затворник). Изучение наследия архипастыря Земли Тамбовской – святителя Тамбовского и Шацкого Феофана (Говоров) – по-прежнему остается актуальной научной задачей, так как познание его творческих трудов раскрывает духовное содержание человечества. Дано описание жития святителя Феофана в годы его пребывания на Земле Тамбовской, где общецивилизационные принципы конкретизируются данными губернии. Святитель Феофан Затворник в годы служения в Тамбовской епархии проявил добрые качества своей души, прежде всего, уважительное отношение к людям. Он искренне любил истину, всей душой был предан тому, что считал истинным, без всякой корысти. Святитель никогда не оставлял без внимания прошения тамбовского духовенства и пасомых, а также всевозможные рапорты и протоколы. С состраданием и теплотой он относился к тем, кто лишился кормильца. Вместе с этим он проявлял необходимую твердость к священникам и церковнослужителям, которые были нерадивыми и нарушали канонические правила и церковный устав. Святитель Феофан – архипастырь Тамбовской земли, был явлен своей пастве как пример ревностного делателя на ниве церковной, проявляя свои разносторонние дарования и, прежде всего, воспитания и образования.

Ключевые слова: Феофан Затворник; святитель Феофан; архипастырь Земли Тамбовской; епископ

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский.* Святитель Феофан (Говоров) – архипастырь Земли Тамбовской: «Начертать образ здравого учения христианского» // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 96-101. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-96-101

Abstract. “Those who have a sincere love of truth, that it shall lead forth from the darkness of delusion and bring to the light of truth” (Saint Theophan the Recluse). The study of the heritage of the Archpastor of the Tambov Land – Saint of Tambov and Shatsk Theophan (Govorov) – still remains an urgent scientific task, as the knowledge of his creative works reveals the spiritual content of mankind. In this study we present the hagiography description of Saint Theophan during his stay in the Tambov Land, where the general civilizational principles are concretized by the data of the governorate. Saint Theophan the Recluse during his allegiance in the Tambov eparchy showed kind qualities of his soul, first of all, respectful attitude to people. He sincerely loved the truth, with all his soul was loyal to what he believed was true, without any self-interest. The Saint never ignored the petitions of the Tambov clergy and the flock, as well as all kinds of reports and protocols. With compassion and warmth he treated those who lost their breadwinner. At the same time,

he showed the necessary firmness to the priests and clergymen who were negligent and violated the canonical rules and the church charter. Saint Theophan, the Archpastor of the Tambov Land, was shown to his flock as an example of a zealous doer in the field of the church, manifesting his versatile talents and, above all, upbringing and education.

Keywords: Theophan the Recluse; Saint Theophan; Archpastor of the Tambov Land; Bishop

For citation: Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Svyatitel' Feofan (Govorov) – arhipastyr' Zemli Tambovskoy: «Nachertat' obraz zdravogo ucheniya khristianskogo» [Saint Theophan (Govorov) – the Archpastor of Tambov Land: “To inscribe the image of Christian teaching”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 96-101. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-96-101 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В своем первом «Слове при вступлении на паству», произнесенном в г. Тамбов 5 июля 1859 г., святитель Феофан так обозначил главную задачу своей деятельности: «Начертать образ здорового учения христианского, которому надобно внимать» [1, с. 6]. Как архипастырь Тамбовской земли, он являл своей пастве пример ревностного делателя на ниве церковной, проявляя свои разносторонние дарования во многих областях епархиальной жизни, заботясь о благочинии в храмах и монастырях, воспитании и образовании и т. д.

В Тамбовской духовной семинарии святитель открыл класс иконописи, в котором обучалось до 100 воспитанников. Возможно, решение открыть иконописный класс он принял после первой поездки по епархии в июле–августе 1859 г., когда лично увидел, как расписаны храмы и какие иконы в иконостасах. В августе этого же года он потребовал от духовенства приобретать иконы для иконостасов, написанные в древнерусской традиции. 14 августа 1859 г. протоиерей Леонтий Кривополянский из г. Борисоглебск сообщал в консисторию, «что во вновь выстроенной в г. Борисоглебск церкви настоящий иконостас еще не устроен»¹. Святитель положил на прошении такую резолюцию: «Чтоб иконы были не италийской живописи, а православной церковной»². Аналогичное требование он предъявил к священнику Гавриилу Гиляровскому, священнику Иоанну Введенскому и церковному старосте из села Дуплятого Кургана Тамбовского уезда, написав на их прошении об обновлении иконостаса: «Обязать их, – чин икон чтобы был писан сколько можно близко к византийско-

му штилю»³. 24 августа 1861 г. святитель обязал консисторию распространить по епархии циркуляр о том, «чтобы священно-церковнослужители, равно и прихожане, желающие устроить иконостасы, представляли планы иконостасов и рисунки икон тщательно отделанные и нарисованные не карандашом, а тушью или красками»⁴.

Библиотеку духовной семинарии святитель Феофан пополнял лично. В январе 1861 г. он пожертвовал в нее 2-й, 3-й и 4-й выпуски «Писем о христианской жизни». Он сделал первый взнос, почти 1000 рублей, на строительство церкви в 1-м Тамбовском духовном училище. Это была вся выручка, полученная от продажи книги «О начале христианской жизни»⁵. Преосвященный проявлял заботу и об открытии благочиннических библиотек, необходимость которых определял так: «Духовная литература год от году все расширяется. Священнику надо быть с ней знакомым и для того, чтобы самому совершенствоваться в познаниях, и для удобнейшего научения своей паствы истинам Божиим. Между тем учительных книг в церковных библиотеках Тамбовской епархии, как видно из сведений, вовсе мало, и не каждая церковь в состоянии иметь все книги, могущие заслуживать внимания. Чтобы доставить священникам возможность читать все, что будет сочтено для них полезным, то для этого необходимо завести благочиннические библиотеки...» [2]. Такие библиотеки стали появляться в 1860 г. С их открытием связано проведение своеобразной административной реформы. Когда благочинные начали выписывать книги для

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1670. Л. 56.

² Там же. Л. 56об.-57.

³ Там же. Л. 47.

⁴ О рисунках на вновь устрояемые иконостасы и иконы // Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 44. С. 122.

⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1670. Л. 56.

библиотек, с них на почте, кроме страховых денег, требовали и так называемые весовые, которые брали с частных, а не должностных лиц. Для придания благочинным официального статуса в глазах светских чиновников святитель распорядился: «Чтобы благочиния каждого уезда были разделены на части, и благочинный каждой части завел печать для официальных бумаг по примеру Киевской епархии»⁶. Так в епархии было положено начало созданию полноценных благочиннических округов.

Создание библиотек стало одной из тех важных мер, с помощью которых святитель Феофан хотел повысить духовный и образовательный уровень духовенства. Библиотеки давали священникам возможность больше читать, а значит, качественнее проводить духовно-просветительскую работу среди прихожан. В октябре 1859 г. святитель предписал духовной консистории, чтобы священники «довели своих прихожан до знания Символа веры, Заповедей Господних и молитвы Господней с другими нужными повседневными молитвами, и чтобы заботились о сказывании поучений в церкви, — особенно с изъяснением отеческих писаний, в русском переводе, для чего поручить благонадежным лицам составить каталог книг»⁷. Преосвященный Феофан обязал всех священнослужителей пройти испытания в знании «предметов, относящихся до их должностей, и, по произведении экзаменов <...> представить <...> списки — с отметкою, кто как знает свои правила»⁸. Испытания должны были провести отцы благочинные.

О Тамбовском епархиальном женском училище святитель имел особое попечение еще в период его строительства, о чем свидетельствует такой факт. Казеннокоштные семинаристы должны были обеспечиваться пищей и обувью за счет процентов с капитала благотворителя Трунцевского. Когда же за 1-ю половину 1863 г. потребовалось снять проценты с указанного капитала, а всего сумма составляла 473 рубля, то святитель постановил: «Проценты с капитала Трунцевского — положить на девическую школу — отчислить и препроводить в училищное

управление»⁹. Семинарское правление в этой связи решило: «Так как училище девиц духовного звания еще не открыто, а между тем в сумме семинарской, по причине дороговизны на все, оказывается недостаток, то просить Его Преосвященство употребить процентную сумму всю сполна»¹⁰. Святитель не счел возможным принять сторону правления и распорядился: «Строго следить за расходами и не расширять их, а сокращать»¹¹. В январе 1863 г. епископ Феофан направил на утверждение Святейшего Синода устав женского училища, разработанный под его началом священником Аникитой Левитским. Цель училища в нем определялась так: «Дать приют беспомощным сиротам и доставить им приличное воспитание»¹². Задачи ставились следующие: «Воспитать достойных супруг служителей престола Господня и помощниц им в деле нравственного христианского образования прихожан, попечительных матерей, способных облегчить и заменить труды их в домашнем воспитании детей и сведущих хозяек»¹³. Впоследствии цели и задачи училища были скорректированы, и оно стало принимать не только сирот, но и дочерей духовенства. В училище изучались Закон Божий, русский и славянский языки, арифметика, география, гражданская история, чистописание и рисование, церковное пение, рукоделие «в возможно обширном объеме»¹⁴. Штатное расписание святитель составил сам. Указ об учреждении епархиального женского училища в Тамбове император Александр II подписал 22 июля 1863 г. [3, с. 37], в тот день, когда было принято решение о назначении святителя Феофана на Владимирскую кафедру.

При святителе Феофане начали выходить «Тамбовские епархиальные ведомости». На его ходатайство в Синод 18 января 1861 г. последовал указ за № 202 о разрешении издавать ведомости с 1861 г. «по приложенной <...> программе»¹⁵. Получив указ Синода,

⁹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 69. Д. 2. Л. 66.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 67. Д. 1. Л. 69.

¹² Проект Устава училища девиц духовного звания // Тамбовские епархиальные ведомости. 1863. № 23. С. 215.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1724. Л. 122об.

⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1751. Л. 158.

⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1672. Л. 70.

⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1673. Л. 47, 51.

святитель определил: «Редактором назначается отец-ректор семинарии архимандрит Геннадий; цензором отец протоиерей Москвин и отец-инспектор семинарии иеромонах Сергей. Заготовить отношение к господину Начальнику губернии с уведомлением о разрешении Святейшим Синодом издавать Епархиальные Ведомости по сделанному мною распоряжении относительно цензоров, таковым же уведомлением сделать объявление господину Управляющему Палатою Государственных Имуществ в типографии коего будет производиться печатание ведомостей»¹⁶. Первый номер журнала увидел свет в июле 1861 г.

Заботился Преосвященный Феофан и о народном образовании. В течение 1860–1863 гг. в епархии были открыты десятки церковно-приходских школ. Содержались они на средства жертвователей. Сам святитель «при всяком удобном случае приглашал к пожертвованиям на великое и богоугодное дело народного образования» [4, с. 63]. Были разработаны «Правила относительно сельских приходско-церковных училищ», верховное наблюдение за которыми возлагалось на ректора духовной семинарии, а заведование ими стало обязанностью приходских священников. В «Правилах» предлагался один из способов содержания училищ: «Уговорить прихожан избрать из среды себя надежного попечителя училища, на котором и будет лежать удовлетворение с помощью прихожан всех материальных нужд училища»¹⁷. Дело народного образования не всегда встречало понимание среди крестьян. Благочинный Усманского благочиннического округа протоиерей Иоанн Спиридонов сообщал в своем отчете следующее: «Для распространения грамотности и религиозно-нравственного просвещения при всех церквях ведомства моего священниками заведены приходские школы. Но эта великая со стороны священников благу общему жертва не вызвала достодолжного сочувствия со стороны их при-

¹⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1724. Л. 122об.

¹⁷ Правила относительно сельских приходско-церковных училищ, утвержденные Епархиальным начальством // Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 4. С. 54.

хожан. Они приняли это за явление более частное и несостоятельное»¹⁸.

При святителе Феофане был учрежден крестный ход с чудотворной Вышенской иконой Божией Матери. Указ Святейшего Синода об этом последовал 4 июня 1862 г. В нем говорилось: «Его Преосвященство, Епископ Тамбовский и Шацкий Феофан, донося Святейшему Синоду о желании жителей г. Моршанск переносить с подобающей торжественностью Казанскую икону Божией Матери из Шацкой Вышенской пустыни в г. Моршанск, в память двукратного избавления их от свирепствовавшей в 1853 и 1859 гг. в г. Моршанск холеры, – ходатайствовал о разрешении учредить крестный ход с означенной иконою ежегодно к 15 числу июля месяца с тем, чтобы пребывание ея в г. Моршанск, в Троицком соборном храме, продолжалось не менее месяца. Святейший Синод определяет: учреждение крестного хода из Шацкой Вышенской пустыни в г. Моршанск с иконою Казанской Божией Матери разрешить»¹⁹. Фактически этим решением было положено начало самому протяженному крестному ходу в Российской империи, так как со временем он охватил почти всю Тамбовскую епархию.

Святитель никогда не оставлял без внимания прошения тамбовского духовенства и пасомых, а также всевозможные рапорты и протоколы. С состраданием и теплотой он относился к тем, кто лишился кормильца. Вместе с тем он проявлял необходимую твердость к священникам и церковнослужителям, которые были нерадивыми и нарушали канонические правила и церковный устав. В 1861 г. святитель Феофан вступился за Марию Богородицкую, вдову диакона с. Черняное Тамбовского уезда, оставшуюся с шестью детьми. Поступивший на место ее зятя диакон Алексей Глаголев обязался ежегодно выплачивать ей 25 рублей серебром, но затем попросил консисторию уменьшить выплату наполовину, и она с ним согласилась. Епископ Феофан распорядился иначе:

¹⁸ Описание состояния приходских училищ // Тамбовские епархиальные ведомости. 1863. № 4. С. 96.

¹⁹ Об учреждении крестного хода с иконою Казанская Божия Матери из Шацкой Вышенской пустыни в город Моршанск // Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 2. С. 23-24.

«Обязательство на Глаголеве оставить по-прежнему»²⁰. Святитель проявил заботу и о семье будущего священномученика митрополита Владимира (Богоявленского), который в это время учился в семинарии. В деле пономаря г. Козлова Василия Тихомирова, поступившего на место умершего пономаря Федора Чурюковского с обязательством выплачивать его вдове Параскеве 30 рублей серебром в год, святитель также оказался на стороне вдовы. В. Тихомиров просил освободить его от платежа, так как «за неимением своего дома, вместо которого принужден нанимать квартиру»²¹, он тяготится этой выплатой, и консистория согласилась сократить платеж вдвое до 15 рублей серебром. 19 апреля 1862 г. святитель Феофан постановил: «Причетника обязать выдать вдове 20 рублей»²².

В делах, касающихся священнослужителей, святитель старался быть снисходительным и вникать в суть проблем, вынося справедливое решение. Когда в 1862 г. заштатный священник Петр Григорьев с. Аннино Тамбовского уезда попросил произвести следствие по поводу якобы имевшего место возмущения им временнообязанных крестьян г. Чичерина, и при этом духовная консистория распорядилась такое следствие произвести, святитель Феофан предписал: «Предложить свящ. Григорьеву прекратить дело, удостоверив, что епархиальное начальство не хочет на него никакого пятна»²³.

В том же 1862 г. крестьянин с. Головщино Липецкого уезда Степан Истомина просил произвести следствие о причинении ему обид штатным священником Павлом Львовым. Консистория распорядилась такое следствие назначить, но святитель написал следующую резолюцию: «Не проводить следст-

²⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1752. Л. 179.

²¹ Там же. Л. 173.

²² Там же.

²³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1751. Л. 45об.

вие, и потребовать объяснения от священника Львова»²⁴.

Святитель становился принципиальным тогда, когда это было необходимо для справедливого рассмотрения дела. Так, священник Иоаким Кочетов был перемещен предшественником святителя по кафедре из села Хомутовка в село Ермолово, но, несмотря на распоряжение епархиального начальства, не освободил усадьбу для поселения назначенного вместо него священника Дмитрия Доброхотова. Духовная консистория обязала священника Иоакима выселиться в течение двух месяцев и наказала его штрафом в один рубль серебром. Святитель Феофан ужесточил наказание непослушному священнику: «Кочетова за ослушание оштрафовать десятью рублями и впредь каждый месяц взыскивать с него по пять рублей штрафа, пока не очистит усадьбу»²⁵.

После кончины святителя Феофана Завторника многие отмечали добрые качества его души, проявившиеся в годы служения в Тамбовской епархии, и прежде всего уважительное отношение к людям. «Наши отношения были – христианской гуманности, – истинно гуманные не на словах, а на деле. Мы было едва не забыли слово – подчиненный: как к отцу, как к кроткому и любящему учителю, мы смело, доверчиво обращались к нашему Владыке – Начальнику. И кроткое, отеческое слово, христиански-ласковое обращение было ответом каждому обращающемуся. Бог свидетель, засвидетельствуют с клятвой и все собратья о Христе, что грозного, леденящего душу слова начальника никто из нас не слышал из уст оставляющего нас Владыки»²⁶.

²⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1752. Л. 330.

²⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1703. Л. 54.

²⁶ Речь, поднесенная Преосвященному Феофану во время прощального обеда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1863. № 18. С. 544-545.

Список литературы

1. *Феофан, епископ*. Слова к Тамбовской пастве. Спб., 1861. 326 с.
2. *Свирин А.Н.* Об учреждении благочиннических библиотек в период правления свт. Феофана на Тамбовской кафедре // Феофановские чтения: сб. ст. Тамбов, 2012. Вып. 6. С. 230.
3. *Лебедев В., протоиерей*. Историческая записка о Тамбовском епархиальном женском училище за 50 лет его существования: 1863–1913 гг. Тамбов, 1914. 104 с.

4. Ключарев А.С. Преподобный Феофан Затворник и его пастырская деятельность (1815–1894). Казань, 1904. 178 с.

References

1. Theophan, Bishop. *Slova k Tambovskoy pastve* [Words to Tambov Flock]. St. Petersburg, 1861, 326 p. (In Russian).
2. Svirin A.N. Ob uchrezhdenii blagochinnicheskikh bibliotek v period pravleniya svt. Feofana na Tambovskoy kafedre [On the establishment of deanery libraries during the rule of Saint Theophan at the Tambov department]. *Feofanovskie chteniya* [Theophan Readings]. Tambov, 2012, no. 6, p. 230. (In Russian).
3. Lebedev V., Archpriest. *Istoricheskaya zapiska o Tambovskom eparkhial'nom zhenskoy uchilishche za 50 let ego sushchestvovaniya: 1863–1913 gg.* [Historical Note on Tambov Eparchial Women's College for 50 Years of its Existence: 1863–1913]. Tambov, 1914, 104 p. (In Russian).
4. Klyucharev A.S. *Preosvyashchenny Feofan Zatvornik i ego pastyrskaya deyatelnost' (1815–1894)* [Right Reverend Theophan the Recluse and His Pastoral Activity (1815–1894)]. Kazan, 1904, 178 p. (In Russian).

Информация об авторе

митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), кандидат богословия, магистр теологии. Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат), г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: troveo@mail.ru

Вклад в статью: идея, работа с архивными документами и материалами, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Vasnev), Candidate of Theology, Master of Theology. Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Tambov, Russian Federation. E-mail: troveo@mail.ru

Contribution: idea, work with archival documents and materials, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Received 23 January 2019

Reviewed 20 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

ПЕРСОНАЛИИ. ПАМЯТИ УЧЕНОГО Сакмара Георгиевна Ильенко (1923–2019)

9 января 2019 г. ушла из жизни заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена Сакмара Георгиевна Ильенко. Ее смерть потрясла научное сообщество русистов, поскольку в ноябре 2018 г. все участники научной конференции, посвященной 100-летию кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко, с нескрываемым восхищением слушали ее блестящий доклад «Дети и отцы в «Капитанской дочке» и «Отцах и детях»: дискуссионное прочтение двух национальных гениев российской словесности». Тихий и проникновенный голос докладчика в течение часа доносил до слушателей размышления о мировоззренческом противопоставлении поколений детей и отцов, а подлинно филологический анализ этих художественных произведений делал дискуссионное их прочтение убедительным с позиций автора. Этот доклад стал своего рода подарком для присутствующих участников, которые воспринимали его как образец осмысления языкового и литературоведче-

ского материала, понимания того, что такой высочайший уровень можно достичь, только сроднившись с чувствами и мыслями двух величайших писателей России, находя в анализе их произведений то, что волнует и сейчас читателя.

Совсем недавно на страницах журнала «Неофилология» (№ 15, июль 2018) мною была опубликована статья, посвященная юбилею Сакмары Георгиевны Ильенко. В ней, на материале интегрирующего характера коммуникации и организующей роли категории лица, я представил понимание данной проблемы в трудах С.Г. Ильенко как методологической, связанной с признанием антропоцентризма и интеграции в качестве главных принципов описания языковой системы. И вот теперь мои слова на страницах этого журнала уже связаны с памятью об этом выдающемся ученом-филологе и замечательном человеке, ставшим для меня Учителем не только в моей научной деятельности (она была научным консультантом моей докторской диссертации), но и в личной жизни, ибо ее жизненные принципы были близки мне, а мудрые и ненавязчивые советы позволяли не делать того, о чем можно было бы пожалеть, что позволяло, как говорится, не совершать «грехов вольных и невольных». Вспоминая все, что, так или иначе, было связано с Сакмарой Георгиевной Ильенко, понимаешь о дарованной свыше сопричастности общаться с этим выдающимся ученым-филологом и педагогом, оказаться вовлеченным в сферу ее научных поисков и размышлений.

Сакмара Георгиевна Ильенко родилась 3 сентября 1923 г. в Москве, с первого курса Калининского пединститута в 1942 г. она добровольцем ушла в армию. После окончания Великой Отечественной войны завершила обучение в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, затем успешно защитила кандидатскую диссертацию и с 1951 г. стала работать на факультете рус-

ского языка и литературы этого прославленного института (университета).

Профессор Сакмара Георгиевна Ильенко принадлежала к плеяде выдающихся ученых, которые составляют славу и гордость русистики и отечественной филологии. С ее именем связана целая эпоха их развития и высокий статус Санкт-Петербургских научных школ, представленных, в частности, школами и проблемными группами Герценовского педагогического университета (института). Среди них, несомненно, выделялась научная школа С.Г. Ильенко, приоритетным направлением которой были синтаксические исследования, в своей основе выполненные на базе теоретических установок и методологических принципов, разработанных С.Г. Ильенко. Можно с полным основанием утверждать, что еще при жизни ее труды по русскому языку воспринимались как классические, как образец глубокого познания основополагающих вопросов языковой теории и практики, широты и свежести научной мысли. Поэтому не случайно именно труды С.Г. Ильенко открыли серию «Герценовская антология», которая включала наиболее значимые труды выдающихся герценовцев – деятелей науки, образования и культуры. Ее исследования всегда были конкретными и детальными, а не умозрительными и позволяли не сомневаться в достоверности и обоснованности выводов исследования, их значимости и перспективности. В результате сложилась целостная в теоретическом плане многогранная лингвистическая концепция С.Г. Ильенко, реализация которой на различных языковых уровнях с неизменным интересом воспринималась в исследованиях и публикациях не только самой С.Г. Ильенко, но и ее учеников. Всегда поражала ее филологическая эрудиция и удивительная способность донести до собеседников и читателей ее трудов значимость языковых фактов и деталей, их перспективность и целесообразность в научном и педагогическом образовании студентов и будущих ученых. Поэтому научное наследие С.Г. Ильенко широко востребовано и стало настоящей сокровищницей для многих поколений исследователей, неиссякаемым источником для новых идей и развития традиционной проблематики. При этом ее активная нравственная исследова-

тельская и человеческая позиция позволяла видеть в Сакмаре Георгиевне ученого, мнение которого оказывалось в высшей степени объективным, высоко ценимым и не подверженным научной конъюнктуре.

Большое внимание Сакмара Георгиевна уделяла становлению и воспитанию научно-педагогических кадров, руководя докторантурой и аспирантурой кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена. Под ее руководством было защищено 48 диссертаций, из них – 10 докторских. С 1953 г. Сакмара Георгиевна Ильенко возглавляла совет по защите диссертаций. Найдется ли в России ученый, имеющий такой стаж руководства диссертационным советом?! Вклад С.Г. Ильенко в развитие лингвистической и педагогической науки по достоинству был высоко оценен научным сообществом России, избравшим ее в 1968 г. членом-корреспондентом АПН СССР (РАО). В 1982 г. она становится почетным доктором университета в Кошице (Чехословакия). Признанием научных заслуг стало присвоение ей звания Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, а в оценке ее учеников и коллег она – науки «милый идеал».

Действительно, всех, кто был знаком с Сакмарой Георгиевной и имел честь быть причастным к ее научным и профессиональным изысканиям, покоряло в ней бескорыстное служение филологии, преданность науке и высоконравственным принципам человеческого общения. Мы, ее ученики и коллеги, с благодарностью воспринимали искренность, теплоту и щедрость человеческих взаимоотношений с ней, интеллигентность, благородство и ее отзывчивость, стремление помочь словом и делом. Каждая встреча с Сакмарой Георгиевной оставалась в памяти, которая сегодня, в связи с ее уходом из жизни, воспринимается с болью как невосполнимая утрата. Однако при этом наши чувства все же окрашены светлой печалью, поскольку эта печаль наполнена добрыми и запоминающимися воспоминаниями, благодарностью, что в нашей жизни она *была*, и что мне посчастливилось быть учеником этого замечательного Учителя и Человека.

А.Л. Шарандин
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
ТГУ им. Г.Р. Державина

Авторский договор (публичная оферта) на размещение авторских материалов в журнале «Неофилология»

Учредитель, Издатель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33) предлагает неопределенному кругу лиц (далее – Автор или Авторы) заключить настоящий Авторский договор (далее – Договор) о публикации научных, научно-теоретических материалов (далее – Авторские материалы) в журнале «**Неофилология**» на следующих условиях.

Настоящий Договор определяет взаимоотношения между Учредителем, Издателем журнала «Неофилология», зарегистрированного в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70137 от 16.06.2017 г., и Автором (или иным правообладателем), принявшим публичное предложение (оферту) о заключении настоящего Договора. Настоящий Договор в соответствии с п. 2 ст. 437 Гражданского кодекса РФ является публичной офертой, полным и безоговорочным принятием (акцептом) которой, в соответствии со ст. 438 ГК РФ, считается направление Автором своих материалов Издателю.

1. ПОНЯТИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ДОГОВОРЕ

Автор – физическое лицо (лица), творческим трудом которого (которых) создан Авторский материал.

Авторский материал – научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, представленные Автором для публикации в журнале.

Акцент оферты – полное и безоговорочное принятие оферты.

Журнал – научно-теоретический журнал «Неофилология».

Заявка – обращение Автора к Издателю на публикацию Авторского материала в Журнале на адреса электронной почты: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru; ant_scherbak@mail.ru.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33).

Оферта – настоящий Договор (предложение Автору по изданию авторского материала), размещенный на сайте http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Dogovor_Neofilologiya_rus.pdf

Публикация – размещение Авторского материала в Журнале «Неофилология».

Редакция Журнала – творческий коллектив, осуществляющий подготовку и выпуск Журнала.

Стороны – Автор и Издатель при совместном упоминании.

Услуга – размещение (публикация) Авторского материала в журнале на основании Заявки Автора.

Учредитель журнала: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, тел. +7(4752)72-34-40, e-mail: post@tsutmb.ru, ОКТМО 68701000001, ОГРН 1026801156689, ИНН 6831012790, КПП 682901001).

2. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

2.1. Автор предоставляет Издателю на безвозмездной основе на срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, исключительное право в соответствии с п. 2 ст. 1270 ГК РФ и настоящим Договором на использование созданного Автором Авторского материала для публикации в журнале «Неофилология».

2.2. Права на использование Авторского материала, передаваемого по настоящему Договору, включают в себя:

– воспроизведение Авторского материала в любой материальной форме, в том числе на бумажном и электронном носителях, в Журнале и/или базах данных Издателя и/или третьих лиц по усмотрению Издателя, в соответствии с заключаемыми Издателем договорами;

- распространение Авторского материала в составе Журнала и/или базах данных Издателя и/или третьих лиц по усмотрению Издателя;
 - доведение Авторского материала до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к Авторскому материалу из любого места и в любое время по собственному выбору (в том числе через сеть Интернет);
 - предоставление разрешения на использование Авторского материала, полученного по настоящему Договору, и передачу прав третьим лицам по усмотрению Издателя;
 - перевод Авторского материала на иностранные языки и использование переведенного Авторского материала указанными способами.
- 2.3. Территория, на которой допускается использование прав на Авторский материал, не ограничена.
- 2.4. Действие настоящего Договора возникает с момента направления Автором Авторского материала в Журнал.
- 2.5. Автор передает Издателю Права на использование Авторского материала безвозмездно.
- 2.6. В случае принятия Издателем решения об отказе в опубликовании Авторского материала в Журнале, настоящий Договор утрачивает силу. Решение об отказе в опубликовании направляется Автору по адресу электронной почты, указанной в Заявке.
- 2.7. Издатель обязуется в течение срока действия Договора оказывать Автору Услуги, связанные с публикацией Авторского материала в Журнале.

3. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ

- 3.1. Автор предоставляет авторские материалы, удовлетворяющие требованиям оферты и оформленные в соответствии с 1) Правилами для авторов статей, представляемыми для публикации в журнал «Неофилология», размещенными на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-author-guidelines.html>; 2) Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Неофилология», размещенными на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-submit-your-manuscript.html>
- 3.2. Автор осуществляет Акцепт (полное и безоговорочное принятие) оферты.

4. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН

4.1. Автор гарантирует:

- 1) Автор обладает исключительными правами на Авторский материал;
- 2) Авторский материал никому ранее не передавался для воспроизведения или иного использования;
- 3) Авторский материал, предоставленный по настоящему Договору, не нарушает прав третьих лиц. Он содержит все предусмотренные действующим законодательством об авторском праве ссылки на цитируемых авторов и/или издания (материалы);
- 4) Автором получены все необходимые разрешения на приведенные результаты, факты и иные заимствованные материалы, правообладателем которых Автор не является;
- 5) Авторский материал не содержит информации, не подлежащей опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами РФ, и его опубликование и распространение не приведет к разглашению секретной (конфиденциальной) информации (включая государственную тайну).

4.2. Автор обязуется:

- 1) предоставить Авторский материал, оформленный в соответствии с требованиями Издателя, изложенными в Правилах для авторов статей, размещенными на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-author-guidelines.html>;
- 2) проинформировать других соавторов относительно условий настоящего Договора и получить согласие всех соавторов на его заключение на условиях, предусмотренных настоящим Договором;
- 3) не использовать в коммерческих целях и в других изданиях без согласия Издателя электронную копию авторских материалов, подготовленную Издателем;
- 4) соблюдать следующие этические принципы:
 - Автор (или коллектив авторов) несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность предоставляемого Авторского материала;

- Автор не должен предоставлять в Журнал Авторский материал, который был отправлен в другой журнал и/или находится на рассмотрении к публикации в другом журнале, а также Авторский материал, уже опубликованный в другом журнале;
- Автор не должен повторно предоставлять Авторский материал, посвященный одному и тому же исследованию, как оригинальный. Если элементы Авторского материала были ранее опубликованы, Автор обязан сослаться на такую публикацию и указать существенное отличие нового Авторского материала от ранее опубликованного. Также Автор обязан выявить связь нового Авторского материала с выводами предыдущего (предыдущих). Дословное копирование или перефразирование предыдущих Авторских материалов недопустимо;
- заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием первоисточника. Чрезмерные заимствования, плагиат в любых формах (неоформленные цитаты, перефразирования или присвоение прав на результаты чужих исследований) недопустимы;
- соавторами Авторского материала должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в подготовку и написание Авторских материалов. Все соавторы должны одобрить окончательную версию Авторского материала и быть согласны с его публикацией;
- Автор (Авторы) несет ответственность за достоверность приведенных сведений, отсутствие данных, не подлежащих открытой публикации, точность и полноту информации по цитируемой литературе. Автор гарантирует Редакции возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений;
- Автор должен раскрыть в Авторском материале существенные конфликты интересов, которые могли оказать влияние на результаты или выводы, представленные в Авторском материале. Автор также должен перечислить все источники финансирования подготовки и написания Авторского материала или указать отсутствие таких источников;
- если Автор обнаружит существенные ошибки или неточности в Авторском материале на этапе рассмотрения или после опубликования, он должен немедленно уведомить об этом Издателя;
- при написании Авторского материала и при взаимодействии с Издателем (Редакцией) Автор должен опираться на 1) Правила для авторов статей, размещенные на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-author-guidelines.html>; 2) Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, размещенные на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-submit-your-manuscript.html>

4.3. Автор вправе:

- 1) безвозмездно передавать коллегам копию Авторского материала целиком или частично для их личного или профессионального использования, для продвижения академических или научных исследований, для учебных и/или для информационных целей работодателя;
- 2) использовать материалы из опубликованного Авторского материала при написании книги;
- 3) использовать отдельные рисунки или таблицы и отрывки текста в собственных целях обучения или для включения их в другие материалы, для представления в электронном формате во внутренней (защищенной) компьютерной сети или веб-сайте Автора или его работодателя;
- 4) включать Авторский материал в учебные сборники для использования в аудитории, для безвозмездного распространения материала студентам Автора или сохранять материал в электронном формате на локальном сервере для доступа студентов как к части курса обучения, а также для внутренних обучающих программ в учреждении работодателя;
- 5) при любом последующем разрешенном использовании опубликованного Авторского материала (в том числе любой ее отдельной части, фрагмента) необходимо указывать ссылку на Журнал, Автора (Авторов), название материала, номер Журнала и год опубликования.

4.4. Издатель обязуется: опубликовать статью (Авторские материалы) в соответствии с условиями настоящего Договора при наличии положительного результата внутреннего рецензирования и снятия Автором замечаний рецензента.

4.5. Издатель имеет право:

- 1) осуществлять литературное и техническое редактирование Авторского материала, не меняющее его принципиальных положений;
- 2) проводить экспертизу и рецензирование полученного Авторского материала и предлагать Автору внести необходимые изменения, без которых материал не будет опубликован;
- 3) осуществлять перевод Авторского материала на любые языки;

4) устанавливать правила (условия) приема и публикации Авторских материалов. Издателю принадлежат исключительные права отбора и/или отклонения Авторских материалов, направляемых с целью публикации. Издатель не вступает в переписку с авторами по вопросам отклонения Авторских материалов;

5) в соответствии со ст. 42 Закона РФ «О средствах массовой информации» отклонить публикацию Авторского материала, если она не отвечает требованиям Издателя. Никто не вправе обязать Редакцию (Издателя) опубликовать отклоненный ею Авторский материал, если иное не предусмотрено законом;

6) Издатель вправе по своему усмотрению без каких-либо согласований с Автором заключать договоры и соглашения с третьими лицами;

7) в одностороннем порядке изменять условия настоящего Договора и корректировать его положения, публикуя уведомления об изменениях на сайте Издателя в разделе «Новости» <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-news.html>

5. ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА И ИЗМЕНЕНИЯ ЕГО УСЛОВИЙ

5.1. Настоящий договор размещается на сайте Издателя в сети Интернет по адресу http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Dogovor_Neofilologiya_rus.pdf и является офертой (публичным предложением) Издателя неопределенному кругу лиц (Авторам) о заключении настоящего Договора с полным и безоговорочным принятием его условий (акцептом) Автором (Авторами), в соответствии со ст. 438 ГК РФ.

5.2. Заключением Договора со стороны Автора, то есть полным и безоговорочным принятием (акцептом) Автором условий Договора, является выполнение Автором любого из нижеследующих действий:

1) осуществление Автором передачи Авторского материала Издателю лично, по каналам почтовой или электронной связи и регистрация Издателем поступившего на адрес Издателя Авторского материала;

2) доработка Автором Авторского материала по предложению Редакции и передача Издателю доработанного Авторского материала для публикации в Журнале Издателя.

5.3. Заключением Договора со стороны Издателя является регистрация Авторского материала в Журнале регистрации поступивших статей.

5.4. Настоящий Договор может быть расторгнут в следующих случаях:

1) по соглашению Сторон в любое время до опубликования Авторского материала в Журнале Издателя;

2) по инициативе Издателя, в случае если Авторский материал не отвечает требованиям Издателя, изложенным в Правилах для авторов статей, представляемых для публикации в журнал «Неофилология», размещенных на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-author-guidelines.html>; Правилах направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Неофилология», размещенных на сайте Издателя в сети Интернет по адресу: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-submit-your-manuscript.html> и/или по иным причинам не может быть опубликован в журнале Издателя. В этом случае Издатель направляет Автору на адрес электронной почты, указанный автором как контактный, мотивированный отказ;

3) по инициативе Автора, в случае если после одобрения Авторского материала для публикации в Журнале Издателя материал не был опубликован в течение одного года. В этом случае Автор должен направить Издателю письменное уведомление об отказе от настоящего Договора;

4) по иным основаниям, предусмотренным действующим законодательством РФ.

5.5. Все изменения, вносимые Издателем в настоящий Договор, вступают в силу через 14 (Четырнадцать) календарных дней после внесения таких изменений и публикации на сайте Издателя в сети Интернет <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-news.html> информации о внесенных в Договор изменениях. В случае несогласия Автора с изменениями условий настоящего Договора Автор вправе направить Издателю письменное уведомление об отказе от настоящего Договора до вступления в силу соответствующих изменений. При отсутствии письменного уведомления от Автора до момента вступления в силу изменений Договора, изменения считаются принятыми Автором, и Договор продолжает действовать с внесенными изменениями.

6. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН

6.1. За неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору Стороны несут ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.

6.2. Все сведения, представленные Автором, должны быть полными и достоверными. При использовании недостоверных сведений, полученных от Автора, Издатель не несет ответственности за негативные последствия, вызванные действиями Автора на основании представленных недостоверных сведений.

6.3. Автор самостоятельно несет всю ответственность за соблюдение требований законодательства о рекламе, защите авторских и смежных прав, об охране товарных знаков и знаков обслуживания, о защите прав потребителей. В случае предъявления к Издателю требований, связанных с нарушением исключительных авторских и иных прав интеллектуальной собственности третьих лиц, Автор обязуется:

1) немедленно, после получения информации о нарушении прав третьих лиц, принять меры к урегулированию споров с третьими лицами;

2) возместить Издателю понесенные судебные расходы и убытки, вызванные применением мер обеспечения иска и исполнения судебного решения, а также иные убытки, понесенные Издателем в связи с несоблюдением Автором гарантий, предоставленных им по настоящему Договору.

6.4. Издатель не несет никакой ответственности по Договору за:

1) какие-либо действия, являющиеся прямым или косвенным результатом действий Автора;

2) какие-либо убытки Автора вне зависимости от того, мог ли Издатель предвидеть возможность таких убытков или нет;

3) несанкционированное использование данных, предоставленных Автором третьим лицам.

6.5. Издатель освобождается от ответственности за нарушение условий Договора, если такое нарушение вызвано действием обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), включая: действия органов государственной власти (в т.ч. принятие правовых актов), пожар, наводнение, землетрясение, другие стихийные бедствия, отсутствие электроэнергии и/или сбой работы компьютерной сети, забастовки, гражданские волнения, беспорядки, любые иные обстоятельства, которые могут повлиять на исполнение Издателем Договора.

7. ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

7.1. Споры и разногласия будут решаться Сторонами путем переговоров, а в случае недостижения согласия – в соответствии с действующим законодательством РФ.

7.2. При наличии неурегулированных разногласий Сторон споры разрешаются в суде по месту нахождения Издателя в соответствии с действующим законодательством РФ.

8. ПРОЧИЕ УСЛОВИЯ

8.1. В случае если Автор является физическим лицом, то в соответствии со ст. 6 ФЗ «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006 в период с момента направления Авторского материала Издателю и до прекращения обязательств Сторон по настоящему Договору Автор выражает согласие на обработку персональных данных: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, сведения о местах работы с указанием их почтового адреса; паспортные данные, место жительства, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Под обработкой персональных данных понимаются действия (операции) с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, распространение (в том числе передача третьим лицам, в соответствии с п. 4.5), обезличивание (для осуществления рецензирования), блокирование и уничтожение персональных данных.

8.2. Текст данного Авторского договора (публичной оферты) размещается в сети Интернет на сайте Издателя по адресу http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Dogovor_Neofilologiya_rus.pdf

